

ISSN 2072-8557 (print)
ISSN 2310-6794 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Тема номера:
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ
И СОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ

2021 / № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8557 (print)

2021 / № 1

ISSN 2310-6794 (online)

серия
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки); 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки); 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки); 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 12.00.01 – Theory and history of law and state; history of law and state doctrines (juridical sciences); 12.00.02 – Constitutional law, constitutional enforcement; municipal law (juridical sciences); 12.00.03 – Civil law, entrepreneurial law, family law; international law (juridical sciences); 12.00.08 – Criminal law and criminology; executive law (juridical sciences).

ISSN 2072-8557 (print)

2021 / № 1

ISSN 2310-6794 (online)

series
JURISPRUDENCE

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета».

Серия: Юриспруденция»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Певцова Е. А. — д-р юрид. наук, проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный работник образования, ректор МГОУ

Заместитель главного редактора:

Полянский П. Л. — д-р юрид. наук, доц., МГУ имени М. В. Ломоносова

Ответственный секретарь:

Денисов Н. Л. — канд. юрид. наук, доц., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Авакьян С. А. — д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, МГУ имени М. В. Ломоносова;

Антоян Ю. М. — д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник МВД, МГОУ;

Арзамасов Ю. Г. — д-р юрид. наук, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва);

Армбрюстер К. — доктор права, проф., Университет Эрлангена-Нюрнберга (Германия);

Гладких В. И. — д-р юрид. наук, проф., Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России (г. Москва);

Глотов С. А. — д-р юрид. наук, проф., Международный юридический институт (г. Москва);

Гриненко А. В. — д-р юрид. наук, проф., МГИМО (У) МИД России;

Долинская В. В. — д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Дыбова А.-К.-Ш.-Ф. А. — PhD, проф., Папский католический университет (г. Рио-де-Жанейро, Бразилия);

Елисеева А. А. — канд. юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Жабский В. А. — д-р юрид. наук, доц., Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя;

Коновалова И. А. — канд. юрид. наук, доц., МГОУ;

Марченко М. Н. — д-р юрид. наук, проф., почётный президент Ассоциации юридических вузов России, заслуженный деятель науки РФ, МГУ имени М. В. Ломоносова;

Моравчикова М. — PhD, Трнавский университет (г. Трнава, Словакия);

Рассолов И. М. — д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Рахманова Е. Н. — д-р юрид. наук, доц., Российский государственный университет правосудия, Северо-западный филиал (г. Санкт-Петербург);

Ручкина Г. Ф. — д-р юрид. наук, проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик РАЕН, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва);

Савченко М. С. — д-р юрид. наук, проф., член Экспертно-консультативного совета при комитете Законодательного собрания Краснодарского края, Кубанский государственный аграрный университет (г. Краснодар);

Сапогов В. М. — канд. юрид. наук, доц., Псковский государственный университет;

Сафонов В. Е. — д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, академик РАЕН, Российский государственный университет правосудия (г. Москва);

Скуратов Ю. И. — д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, Российский государственный социальный университет (г. Москва);

Хатчинсон С. К. — PhD, проф., Университет Сорбонны (Франция), Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва);

Химмельрайх А. — PhD, проф., Университет Регенсбурга (Германия);

Черкасов К. В. — д-р юрид. наук, доц., Всероссийский государственный университет юстиции (ППА Минюста России) (г. Москва)

ISSN 2072-8557 (print)

ISSN 2310-6794 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» — печатное издание, в котором публикуются актуальные научные статьи российских и зарубежных учёных, обладающие высоким уровнем качества и новизны, раскрывающие новые подходы в науке к актуальным вопросам истории и теории государства и права, конституционному и муниципальному праву, гражданскому, предпринимательскому, семейному, международному частному праву, уголовному праву и криминологии, уголовно-исполнительному праву.

Журнал адресован преподавателям права, аспирантам, докторантам, работникам правоохранительных органов, судьям, юрисконсультам и всем интересующимся состоянием юридической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73346.

Индекс серии «Юриспруденция» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40735.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2021. — № 1. — 98 с.

© МГОУ, 2021.

© ИИУ МГОУ, 2021.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University.
Series : Jurisprudence»
Moscow Region State University**

— Issued 4 times a year —

Editorial board

Editor-in-chief:

E. A. Pevtsova – Dr. Sci. (Law), Professor, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, rector of MRSU

Deputy editor-in-chief:

P. L. Polyanskiy – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University

Executive secretary of the series:

N. L. Denisov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Members of Editorial Board:

S. A. Avakyan – Dr. Sci. (Law), Professor, Lomonosov Moscow State University

Yu. M. Antonyan – Dr. Sci. (Law), Professor, MRSU;

Yu. G. Arzamasov – Dr. Sci. (Law), Professor, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow);

K. Armbruster – Doctor of Law, Professor, University of Erlangen-Nuremberg (Germany);

V. I. Gladkikh – Dr. Sci. (Law), Professor, All-Russian Scientific-Research Institute of Ministry of the Interior of the Russian Federation (Moscow);

S. A. Glotov – Dr. Sci. (Law), Professor, International Law Institute under the Ministry of Justice of the Russian Federation;

A. V. Grinenko – Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow State Institute of International relations (Y) Ministry of the Interior of the Russian Federation;

V. V. Dolinskaya – Dr. Sci. (Law), Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

A.-Ch.-Ch.-F. A. Dybova – PhD, Professor, Pontifical Catholic University (Rio de Janeiro, Brazil);

A. A. Eliseyeva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

V. A. Zhabskiy – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named by V. Y. Kikot;

I. A. Konovalova – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, MRSU;

M. N. Marchenko – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University;

M. Moravchikova – PhD, Trnava University in Trnava (Slovak Republic);

I. M. Rassolov – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

E. N. Rakhmanova – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, The Russian State University of Justice (North-West Branch, St. Petersburg);

G. F. Ruchkina – Dr. Sci. (Law), Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow);

M. S. Savchenko – Dr. Sci. (Law), Professor, Kuban State Agrarian University (Krasnodar);

V. M. Sapogov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Pskov State University;

V. E. Safonov – Dr. Sci. (Law), Professor, Russian State University of Justice (Moscow);

Yu. I. Skuratov – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Russian State Social University (Moscow);

S. Ch. Hutchinson – PhD, Professor, University of the Sorbonne (France), Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow);

A. Himmelreich – PhD, Professor, Regensburg University (Germany);

K. V. Cherkasov – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Russian Ministry of Justice) (Moscow)

ISSN 2072-8557 (print)

ISSN 2310-6794 (online)

Peer-reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence" is a print publication that publishes present-day scientific articles, performing high level of quality and novelty, written by Russian and foreign scientists. Articles reveal new approaches in science on topical issues of history and theory of state and law, constitutional and municipal law, civil, business, family, private international law, criminal law and criminology, penal law.

The journal's target audience is teachers, postgraduates, PhD students, law enforcement authorities officers, judges, legal advisers and anyone interested in the state of legal science.

The series «Jurisprudence» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС 77 - 73343.

Index series «Jurisprudence» according to the union catalog «Press of Russia» 40735

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence. – 2021. – № 1. – 98 p.

© MRSU, 2021.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2021.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем тему номера. 6

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И СОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ

- Бабурин С. Н.* Трансформация российской конституционной системы ценностей как путь к социальной консолидации. 7
- Монжал П.-И.* Актуальные вопросы правового регулирования международных соглашений на примере Востока и Запада (теоретико-правовое исследование). 15
- Попова Н. Н.* Реализация прав человека в фокусе угроз представлений о «цифровом тоталитаризме»: дискурс-анализ в контексте трансформации правосознания. 25

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

- Беляев М. П.* Конституция Священной Римской империи и религиозный фактор в Тридцатилетней войне. 38

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- Колосова Н. М.* Ограничения и лишения избирательных прав: общее и особенное . . . 49
- Коновальчикова С. С.* Конституционный кворум: сущность, понятие, типология 56

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- Борцов В. В., Нудель С. Л.* Уголовно-правовой запрет как мера профилактики общественно опасного поведения, создающего угрозу безопасности дорожного движения: постановка вопроса. 63

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

- Бузова Н. В.* Смежные права организаций вещания и технические средства их защиты . . . 72
- Васильева О. Н., Полгар Т.* Применение зарубежного опыта в регулировании деятельности отдельных видов территорий с особым режимом осуществления предпринимательской деятельности. 82

Трибуна молодого учёного

- Клюков В. Д.* Особенности конституционной системы защиты права доступа человека к информации законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации. 90

CONTENTS

Introducing the Theme of the Issue 6

CONSTITUTIONALISM AND SOCIAL CONSOLIDATION

S. Baburin. Transforming Russia's Constitutional Value System as a Path
to Social Consolidation 7
P.-Y. Monjal. Topical Issues of Legal Regulation of International Agreements
on the Example of East and West (Theoretical and Legal Research) 15
N. Popova. Realization of Human Rights in the Focus of Threats of Perceptions
of "Digital Totalitarianism": Discourse Analysis in the Context of Legal Consciousness
Transformation 25

THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE, THE HISTORY OF DOCTRINES ON LAW AND STATE

M. Beljaev. The Holy Roman Empire Constitution and the Religious Factor
in The Thirty Years War 38

CONSTITUTIONAL LAW, CONSTITUTIONAL COURT PROCEEDING, MUNICIPAL LAW

N. Kolosova. Restrictions and Deprivations of Electoral Rights: General and Specific 49
S. Konovalchikova. Constitutional Quorum: The Essence, Definition and Typology 56

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, CRIMINAL EXECUTIVE LAW

V. Bortsov, S. Nudel. Criminal Legal Ban as a Measure for Preventing Public
Dangerous Behavior Threatening Road Safety: Statement of the Question 63

CIVIL LAW, BUSINESS LAW, FAMILY LAW, INTERNATIONAL PRIVATE LAW

N. Buzova. Related Rights of Broadcasting Organizations
and Technological Measures of Their Protection 72
O. Vasilyeva, T. Polgar. Application of Foreign Experience in Regulating the Activities
of Certain Types of Territories with a Special Regime of Entrepreneurial Activity 82

TRIBUNE OF A YOUNG SCIENTIST

V. Klyukov. Features of the Constitutional System for Protecting the Human Right
to Access to Information by Legislative (Representative) Bodies of Subjects
of the Russian Federation 90

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ТЕМУ НОМЕРА

В современной науке высказывается немало точек зрения о роли конституционализма в развитии общества. Достаточно вспомнить рассуждения о символическом значении Конституции как нормативного документа, который становится важным фактором гражданской консолидации общества и её инструментальной сущностью как средство развития демократии и определения прогресса человечества. Проблема влияния конституционализма на факты социальной консолидации общества особенно актуальна сегодня вслед за новыми конституционными нормами, закреплёнными в Конституции Российской Федерации. Нам важно увидеть их реальное воплощение в жизнь с целью создания современных незыблемых ценностных ориентиров развития государства. Не случайно современные учёные (например, А. Н. Медушевский и др.) указывают на прослеживающуюся в практике различных государств смену трёх фаз: отказ от старой Конституции; принятие нового Основного закона; изменение новой Конституции и законодательства в связи с динамикой социальной реальности. Фактически речь идёт о некоей триаде: деконституционализация, конституционализация и реконституционализация.

Но на каждом этапе развития стран важным критерием движения общества вперёд становятся ценности, которые обеспечивают социальную консолидацию. Кроме того, они и продуцируют этические основы любого публично-правового порядка.

В этом выпуске журнала известные юристы высказывают свои позиции о конституционной системе ценностей. Номер открывает научное исследование доктора юридических наук, профессора Сергея Николаевича Бабурина, который раскрывает своё видение трансформации российской конституционной системы ценностей, определяющей новый путь к социальной консолидации общества. В современном цифровом мире происходит социальное видоизменение, оформляются в правовом контексте цифровые права, изменяется сущностная характеристика правового сознания общества и людей. Об этих тенденциях правовой реальности рассуждают молодые учёные Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. В дискуссионном формате представлены научные разработки зарубежных учёных из Венгрии, Франции.

*Певцова Елена Александровна,
доктор юридических наук, доктор педагогических наук, профессор,
ректор Московского государственного областного университета,
главный редактор научного журнала «Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Юриспруденция»*

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И СОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ

УДК 342.4:322

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-7-14

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ КАК ПУТЬ К СОЦИАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

Бабурин С. Н.

*Институт государства и права Российской академии наук
119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить взаимосвязь между трансформацией российской конституционной системы ценностей и необходимостью социальной консолидации России.

Процедура и методы. На основе анализа норм Конституции РФ возвращение в российское конституционное пространство культурно-исторической или цивилизационной системы координат рассматривается как путь к социальной консолидации российского общества. В процессе исследования применены методы анализа и синтеза, юридической компаративистики, формально-логический и юридико-догматический метод.

Результаты. В результате проведённого исследования сделан вывод, что конечной целью трансформаций конституционной системы ценностей является формирование перехода к нравственному государству. В 2020 г. конституционная трансформация осуществлена по 3-м направлениям: закреплено наполнение социального характера государства реальным содержанием, евроатлантическая клонированность конституции заменена русским культурно-историческим кодом, усилен институт президентств в соответствии с архетипами национального правосознания.

Теоретическая и/или практическая значимость. Дано определение нравственному государству. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейшем конституционном реформировании России, в учебном процессе, а также в учебной литературе по теории государства и права, конституционному праву.

Ключевые слова: конституция, Россия, ценности, конституционная реформа, нравственное государство, трансформация

TRANSFORMING RUSSIA'S CONSTITUTIONAL VALUE SYSTEM AS A PATH TO SOCIAL CONSOLIDATION

S. Baburin

*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10, ul. Znamenka, Moscow, 119019, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the relationship between the transformation of the Russian constitutional system of values and the need for social consolidation of Russia.

Methodology. Based on the analysis of the norms of the Russian Constitution, the return to the Russian constitutional space of the cultural-historical or civilizational system of coordinates is seen as a way to

social consolidation of the Russian society. In the course of the study, methods of analysis and synthesis are used, as well as the method of legal comparative study, formal-logical and legal-dogmatic methods.

Results. The study concludes that the ultimate goal of transforming the constitutional value system is to shape the transition to a moral state. According to the author of the article, the constitutional transformation was carried out in 2020 in three directions: the real content of the social character of the state is enshrined, Euro-Atlantic cloning of the constitution has been replaced by the Russian cultural and historical code, in accordance with the archetypes of the national legal consciousness, the institution of the President has been strengthened.

Research implications. The definition of a moral state is given. The results of the study can be used in further constitutional reform of Russia, in the educational process, as well as in the educational literature on the theory of the state and law, constitutional law.

Keywords: constitution, Russia, values, constitutional reform, moral state, transformation

Введение

Порой полагают, что регулирующая роль государства необходима только в ситуации, когда нет навыков свободы в её взаимосвязи с дисциплиной, пока не окрепло гражданское общество, но при решении этих проблем роль государства будет меняться в сторону её снижения. «Правовое регулирование в ряде сфер общественной жизни уступит место саморегулированию и инициативе свободных людей» [4, с. 20]. Эта современная позиция близка представлениям К. Маркса и его последователей об отмирании государства. Возможно, так и будет. Но на сегодняшний день, как это ярко показали действия всех государств в 2020 г. в борьбе против объявленной пандемии коронавируса, речь идёт о распространении сферы государства на поддержание основных ценностных принципов существования общества.

Конституционное право как исходная точка развития властно-правовых процессов призвано стать основой для слаженного и целенаправленного взаимодействия всех государственных органов в вопросах укрепления в обществе духовно-нравственных начал, функционирования структуры государства на нравственных принципах [4].

Необходимость конституционной реформы 2020 г.

Российская конституционная реформа 2020 г. требует не только её вдумчивого осмысления, но и последующих конкретных практических шагов государства, органов

государственной власти, в т. ч. региональной власти, действий институтов гражданского общества по воплощению новаций в новые законодательные решения, дающие обществу дополнительные возможности, рождающие позитивные перемены, затрагивающие конкретную жизнь людей.

Среди задач, стоящих перед российским государством и обществом, перед публичной властью российских регионов, одной из самых непростых будет достижение и укрепление внутреннего социального мира, консолидация народа и его сплочение вокруг публичной власти. Нарастающие внешние вызовы России и всему человечеству столь серьёзны, что без успешного решения этой задачи нашему Отечеству не устоять.

В одной из новых статей Конституции (ст. 75) прямо сформулирована необходимость создавать условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантировать защиту достоинства граждан и уважение труда человека, обеспечивать сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнёрство, экономическую, политическую и социальную солидарность.

Достижение указанных целей крайне затруднено, учитывая глубокое социальное расслоение российского общества, сложившееся за последние 30 лет, и сомнения людей в легитимности власти. Но достижение солидарности возможно, поскольку

ку в Конституции РФ в 2020 г. появились основания для успешного решения такой задачи.

Конституция Российской Федерации 1993 г. может считаться главным символом победы неолиберализма в России, торжества общества потребления над традиционными русскими национальными архетипами, закрепления поворота РФ в сторону европейского представления о ценностях и интересах. Несовершенства конституции даже её сторонники объясняют ошибочным выбором конституционной стратегии, неразвитостью в России конституционного сознания, приоритетом сиюминутных интересов [7, с. 19, 33]. Конституционную поправку 2020 г., ставшую принципиально значимым этапом развития российского конституционализма, следует рассматривать как возвращение в российское конституционное пространство существовавшей до 1993 г. культурно-исторической или цивилизационной системы координат¹.

Трудно согласиться с характеристикой Конституции 1993 г. как «общественного договора», который «содержит некоторые согласованные базовые ценности, которые будут сохраняться и развиваться» [15, с. 37], поскольку «согласование» сопровождалось расстрелом законно избранного парламента из танковых орудий, а о поддержке проекта Конституции заявила официально лишь победившая сторона. Аргумент о результатах проведённого по указу Президента РФ всенародного голосования, в котором официально приняли участие 54,8% избирателей России, из которых 58,4% проголосовали за принятие Конституции, отнюдь не свидетельствует об «общественном договоре» [15, с. 41].

В Конституции 1993 г. была зафиксирована некая мировоззренческая система приоритетов, которая носила абстрактно-космополитический, вненациональный характер. Речь идёт не только о норме ст. 13 об идеологическом многообразии

и запрете любой государственной или обязательной идеологии. Это и ст. 2, объявившая высшей ценностью только человека, его права и свободы, это и важный принцип неотчуждаемости прав и свобод человека (ст. 17). Как и демократический федеративный правовой характер государства с республиканской формой правления (ст. 1), народовластие (ст. 3), провозглашение РФ социальным государством (ст. 7), разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10), светский характер государства (ст. 14), понимание защиты Отечества как долга и обязанности гражданина (ст. 59), осуществление правосудия только судом (ст. 118) и ряд других.

Т. Я. Хабриева справедливо отметила, что ценности мирового конституционализма как цели, к которым надо стремиться, вошли в российскую Конституцию 1993 г. в спешке, в обстановке противостояния политических сил и часто в неудачных формулировках [14, с. 22]. Как подтвердила реальность, эти нормы не предотвратили и не могут предотвратить углубления противоречий в современном обществе, возникновения проблемы легитимности власти, утраты у общества понимания смысла существования, нравственной основы и, как показывает ситуация на Западе, даже самих черт человечности. Из того или иного понимания правовых принципов обоснованно выводят представление о векторах развития социального механизма конкретного общества, видят в таких принципах основу легитимности государства и права [11, с. 146]. В массовом сознании многонационального народа Российской Федерации сегодня доминируют недоумение и недовольство, которые чреваты социальными потрясениями, если не катастрофой.

Правовая наука, как и государственное устройство большинства современных государств, страдает рационализмом и демонстративным игнорированием духовно-нравственных ценностей общества. Е. А. Лукашева отмечает неоправданную агрессивность европоцентристского подхода к истории, игнорирующего особые прин-

¹ О значении культурно-исторического и духовно-ценностного измерения конституционализма см. [4, с. 116–130].

ципы взаимодействия людей в различных социокультурных общностях, основанных на своеобразной нормативно-ценностной системе [9, с. 15]. Может ли иерархия человеческих ценностей определяться принципом пользы и равнодушием к истине духовной, забвением потребности души в вечном спасении, вопрошал патриарх Алексий II, открывая в 2001 г. первые в новом тысячелетии Рождественские чтения. И сам отвечал на это: «Идеология неограниченного потребления, которая нашла благоприятную почву и в преуспевающей части нашего общества, может породить только грубый эгоизм и окончательно разрушить коренные основы взаимопонимания между народами»¹. Только обращение к вечным и непреложным основам человеческой жизни способно распахнуть перед человечеством перспективы будущего развития. Не случайно В. Н. Плигин, анализируя конституционные принципы как фактор легитимного функционирования российской правовой системы, в своей работе значительное место уделит конституционному принципу справедливости и его развитию в отраслевом правовом регулировании [11, с. 169–199].

Конституционная реформа 2020 г. положила начало трансформации конституционных ценностей в РФ, делая саму обновлённую систему закреплённых там приоритетов способом социальной консолидации. Это важно для понимания на всех уровнях власти – и на федеральном, и на региональном – сути идущих процессов. Лишь после конституционной поправки 2020 г. есть надежда наполнить реальным содержанием слова Святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Сегодня наша страна встала на единственно правильный путь – путь соединения Небесного и земного, молитвы и труда, веры и практической жизни людей»².

¹ Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. Церковь и современный мир на пороге нового тысячелетия // Сборник докладов IX Международных Рождественских образовательных чтений. М., 2001. С. 5.

² Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Слово пастыря (1991–2011): собрание трудов. Серия II. Т. 1. М.: Издательство Московской патриархии РПЦ, 2013. С. 701.

Направления трансформации конституционных ценностей в 2020 г.

Человеческая культура всегда развивалась под воздействием высоких духовных ценностей и идеалов. Именно они лежат в основе становления и развития правовых и политических ценностей. Под влиянием деградирующего гуманизма современные представления о культуре девальвируют всё высокое и настоящее, нацелены на облегчённое и сниженное восприятие окружающего мира, на эксплуатацию и культивирование низменных инстинктов человеческой природы.

Россия всегда отличалась от соседей традиционализмом и глубокой духовностью народного сознания. В столкновении между Россией и Западом, с победой социализма и при всех внутренних проблемах советского общества, инициатива в духовной сфере, в отличие от сферы технологической, перешла от Запада к России [13, с. 161]. И Запад никак не может с этим смириться.

Трансформация российских конституционных ценностей, восстанавливающая российские духовные приоритеты, осуществлена в 2020 г. по 3-м направлениям.

1. Закреплено наполнение социального характера государства реальным содержанием (прежде всего, чч. 5, 6 и 7 ст. 75, а также ч. 4 ст. 67.1, п. «е» ст. 71, пп. «ж» и «ж.1» ст. 72, ст. 75.1). Российское неолиберальное государство свернуло в 1993 г. свои социальные обязательства перед народом, переводя социальные функции в разряд платных услуг населению. Между тем, именно взаимная ответственность человека и гражданина друг перед другом рассматривается в теории современного права как один из основных признаков правового государства [10, с. 437–438]. В 2020 г. конституционно закреплены необходимость и возможность исправить ситуацию.

2. Абстрактная всеобщность конституции, её евроатлантическая клонированность, заменена русским культурно-историческим кодом, предполагающим традиционное для России соединение духовно-нравственных ценностей с цивили-

лизационным пониманием российского национального единства (чч. 1–3 ст. 67.1, новые чч. 1 и 4 ст. 68, чч. 2 и 3 ст. 69). Главная ошибка большевиков в ходе Великой Русской революции, начавшейся в октябре 1917 г., – это попытка строить Новое общество без учёта традиционных духовно-нравственных ценностей, без опоры не православную основу русского образа жизни. Эту ошибку они не исправили в течение всего XX в. Прав И. М. Рагимов, показывая на примере взаимосвязи наказания с религиозными традициями народов, что нравственная сущность наказания всегда соответствовала существующим нравам, развиваясь и меняясь с развитием и совершенствованием народов [12, с. 64].

3. Усиление института президента в РФ, создающее основу для формирования в обществе миссии национального лидера (изменённая чч. 2 и 3.1 ст. 81, новая редакция ст.ст. 83, 92.1), присущей традиционному обществу. Да, в новой конституционной модели роль Президента РФ возросла, Парламента – уменьшилась, судебная власть обрела менее самостоятельный статус, а сам принцип разделения властей стал эфемерным. Но это новое распределение полномочий внутри единой публичной власти ближе к русским национальным политико-правовым традициям и, не исключено, более эффективно. Однако конституционная новация требует, пусть, к сожалению, и задним числом, серьёзного коллективного научного анализа и широчайшего публичного обсуждения.

Остановимся только на впервые акцентированных в конституционном регулировании духовно-нравственных ценностях, составляющих систему из многих элементов, способную к саморазвитию и вынужденной трансформации. Как социальная категория и тем более категория правовая эта система имеет исторически обусловленное содержание.

В конституционном праве духовно-нравственные идеалы всегда были «нежеланным ребёнком», конституционалисты предпочитали фиксировать в основных

законах суть и структуры политических и правовых институтов, а не нравственные оценки. Между тем крайне недостаточно рассматривать духовно-нравственные ценности в качестве систематизированной формы выражения знания, совокупности мыслей, вобравших в себя знания о социально значимых нравственных явлениях, их свойствах и признаках. Необходимо, чтобы они были включены в систему правового знания и обретали форму официальных конституционных норм [2, с. 115–235].

При верности утверждения В. Д. Зорькина, что задача светского закона не в том, чтобы лежащий во зле мир превратился в Царствие Божие, а в том, чтобы он не превратился в ад [5, с. 9], опасно не замечать, что своим формированием система духовно-нравственных ценностей обязана религии. Мировые религии всегда выступали носителями высоких нравственных идеалов, на которых выросли и народное творчество, и недостижимые вершины человеческой мысли. Изначально духовно-нравственные ценности обрели качество социальной реальности через их религиозное распространение в человеческом обществе. В основных принципах именно мировых религий заложены высочайшие нравственные стандарты.

Потому религиозные ценности и выступают ныне главным отвергателем неолиберальных антиценностей [3, с. 118]. Даже люди невоцерковлённые признают, что религиозная вера стала не только проявлением преклонения Всевышнему, она способствовала формированию устоев, канонов поведения, т. е. того, что нужно каждому. С. А. Авакьян подчёркивает, что таких устоев (канонов) не так уж много, но они «смогли войти в индивидуальность человека и образ жизни, пронизывают и неосознанное, и осознанное бытие. Причём признаются всеми – независимо от личного отношения к вере» [1, с. 22].

У христиан ценности, определяющие смысл и способ жизни, сформулированы в Десяти заповедях и Заповедях блаженства. Новый Завет в целом закрепляет

стройную систему духовно-нравственных принципов христианской религии, определяющую общественные отношения в европейских и иных светских государствах. «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю... Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят», – говорится в Евангелии от Матфея (5: 5,8). «Всегда ищите добра и друг другу, и всем» (1 Фес. 5: 15), заповедовал Св. апостол Павел. «Вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем» (1 Фес. 5: 14). Аналогичен подход остальных авраамических и других традиционных для России вероисповеданий.

Для мусульман, например, важны заповеди Корана, в которых Аллах велит творить справедливость, деяния добрые и благочестивые, запрещает деяния непристойные, предосудительные и нечестивые. «Будьте стойки в справедливости, свидетельствуя перед Аллахом, если даже свидетельство будет против вас самих, родителей ваших или родственников. Будет ли тяжущийся богатым или бедным, [рассудит] его Аллах наилучшим образом. Будьте беспристрастны, в противном случае отступите вы от справедливости» (Сура 4 Ан-Ниса / Женщины, аят 135). «Крепко держитесь за вервь Аллаха все вместе, и не разделяйтесь, и помните милость Аллаха вам, когда были вы врагами, а Он сдружил сердца ваши, и по милости Его стали вы братьями» (сура 3 Аль-Имран, аят 103). А тому, кто «творит нечестие на земле – уготовано проклятие и обитель наихудшая» (Сура 13 Ар-Раад / Гром, аят 25). Можно приводить свидетельства и других вероучений.

Именно на канонических принципах строится общественное служение любых религиозных организаций обществу. Включённые отныне в Конституцию РФ духовно-нравственные нормы, прежде всего восприятие нами от предков идеалов и веры в Бога (ч. 2 ст. 67.1), предполагают, что на тех же принципах должны строить свою деятельность органы государственной власти. Причём единство подхода народов к этому вопросу не имеет окраски конкретной религии. Так, в Декларации о

правах и достоинстве человека от 6 апреля 2006 г. X Всемирный Русский Народный Собор провозгласил, что есть ценности, которые не ниже прав человека, такие ценности, как вера, нравственность, святости, Отечество. Было подчёркнуто, что когда эти ценности и реализация прав человека вступают в противоречие, общество, государство и закон должны гармонично сочетать и то, и другое¹. Ценности, отмеченные Собором, имеют цивилизационный смысл, соединяя людей и их помыслы вне зависимости от национальностей и вероисповедания.

Заключение

Задача органов публичной власти Российской Федерации, Москвы, Московской области, других субъектов РФ не только принимать новые законы и акты исполнительной власти, но и провести переоценку всего массива действующего законодательства через призму конституционных новаций. При этом важно не упускать из виду конечную цель всех трансформаций российской конституционной системы ценностей – формирования перехода к такому качественному состоянию публичной власти, в котором она стала бы завершённой системой обеспечения существования и развития человечества. Речь идёт о переходе к нравственному государству. Нравственные идеалы каждого человека станут более достижимы, если люди смогут иметь опору в лице нравственного государства [2, с. 278], а для того необходимо, чтобы основополагающие духовно-нравственные ценности имели форму конституционно-правовых норм, соблюдение которых обеспечено возможностью государственного принуждения [6, с. 68–69].

Нравственное государство – это государство добродетелей, воплощённое в конституционно закреплённой духовно-нравственной самоорганизации общества.

¹ Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора, 6 апреля 2006 г. // Официальный сайт Московской патриархии. URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html> (дата обращения: 17.11.2020).

Нравственное государство, как и любое государство, по определению В. В. Лазарева, есть исторически преходящая, официально признаваемая в данном обществе, освящённая (закреплённая) правом национально-территориальная система власти, обеспечивающая в пределах компетенции её законодательных, исполнительных и судебных органов взаимную позитивную и негативную ответственность граждан (подданных) в интересах их коммуникации, благополучия и права [8, с. 722]. Безнравственных государств, как и безбожных, много. Не надо им подражать.

Общей целью конституционного и политико-правового развития России отныне должно стать формирование нравственного государства, что возможно только при преодолении пропасти между народом (обществом) и властью, при гармоничной социальной консолидации, которая есть единственно возможная среда существования нравственного государства.

Статья поступила в редакцию 17.12.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авакьян С. А. Религиозная вера и патриотизм // Государство, Церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: материалы конференции / под ред. С. Н. Бабурина, А. М. Осавельюка. М.: Книжный мир, 2020. С. 21–26.
2. Бабурин С. Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М.: Норма, 2020. 536 с.
3. Бабурин С. Н. Значение Великой Иранской революции для современного мира: духовно-ценностное измерение конституционализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 116–130.
4. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. М., 2007. 767 с.
5. Зоркин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 720 с.
6. Конституционное право: академический курс: учебник: в 3 т. / под ред. А. И. Казанника, А. Н. Костюкова. Т. 1. М.: Проспект, 2021. 256 с.
7. Краснов М. А. Две стратегии создания Конституции России 1993 г.: роковой выбор // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 6. С. 19–36.
8. Лазарев В. В. Поиск государства (научно-публицистическое эссе) // Избранное последнего десятилетия. М.: Норма, 2020. С. 709–723.
9. Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 383 с.
10. Марченко М. Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование): учеб. пос. М.: Проспект, 2019. С. 437–438.
11. Плигин В. Н. Легитимность государства и права: теоретико-правовое исследование. М.: Проспект, 2021. 376 с.
12. Рагимов И. М. О нравственности наказания. СПб.: Юридический центр, 2016. 221 с.
13. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1996. 608 с.
14. Хабриева Т. Я. Теория современного основного закона и российская Конституция // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 15–23.
15. Чиркин В. Е. Российская Конституция 1993 г.: ценностное измерение // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 6. С. 37–44.

REFERENCES

1. Avakyan S. A. [Religious faith and patriotism]. In: Baburin S. N., Osavelyuk A. M., eds. *Gosudarstvo, Tserkov, pravo: konstitutsionno-pravovye i bogoslovskie problemy* [State, Church, Law: Constitutional-Legal and Theological Problems]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2020, pp. 21–26.
2. Baburin S. N. *Nravstvennoe gosudarstvo. Russkii vzglyad na tsennosti konstitutsionalizma* [Moral state. Russian view of the values of constitutionalism]. Moscow, Norma Publ., 2020. 536 p.
3. Baburin S. N. [Significance of the Great Iranian Revolution for the Modern World: Spiritual and Value Dimension of Constitutionalism]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2019, no. 3, pp. 116–130.

4. Baglay M. V. *Konstitutsionnoe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional law of the Russian Federation: textbook]. Moscow, 2007. 767 p.
5. Zorkin V. D. *Konstitutsionno-pravovoe razvitie Rossii* [Constitutional and legal development of Russia]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2011. 720 p.
6. Kazannik A. I., Kostyukov A. N., eds. *Konstitutsionnoe pravo: akademicheskii kurs. T. 1* [Constitutional law: academic course. Vol. 1]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 256 p.
7. Krasnov M. A. [Two Strategies for Creating the 1993 Russian Constitution: A Fatal Choice]. In: *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Institute of the State and Law of Russian Academy of Sciences], 2018, vol. 13, no. 6, pp. 19–36.
8. Lazarev V. V. [Search for the state (scientific and journalistic essay)]. In: *Izbrannoe poslednego desyatiletia* [Favorites of the last decade]. Moscow, Norma Publ., 2020, pp. 709–723.
9. Lukasheva E. A. *Chelovek, pravo, tsivilizatsiya: normativno-tsennostnoe izmerenie* [Man, law, civilization: normative-value dimension]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2016. 383 p.
10. Marchenko M. N. *Pravovoe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo (teoretiko-pravovoe issledovanie)* [Legal state and civil society (theoretical and legal research)]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. P. 437–438.
11. Pligin V. N. *Legitimnost gosudarstva i prava: teoretiko-pravovoe issledovanie* [Legitimacy of State and Law: Theoretical and Legal Research]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 376 p.
12. Ragimov I. M. *O нравственности наказания* [On the morality of punishment]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Publ., 2016. 221 p.
13. Toinbi A. J. *Postizhenie istorii* [Comprehension of history]. Moscow, Progress Publ., 1996. 608 p.
14. Khabrieva T. Ya. [The theory of the modern fundamental law and the Russian Constitution]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2008, no. 12, pp. 15–23.
15. Chirkin V. E. [Russian Constitution of 1993: the value dimension]. In: *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2018, vol. 13, no. 6, pp. 37–44.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бабурин Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права РАН, профессор Московского университета им. С. Ю. Витте, профессор Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, заслуженный деятель науки Российской Федерации;
e-mail: 1357343@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey N. Baburin – Dr. Sci. (Law), Prof., Chief Researcher, Scientific Director, Center for Integration and Civilization Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow Witte University, Omsk Dostoyevsky State University, Honored Worker of Science of the Russian Federation;
e-mail: 1357343@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бабурин С. Н. Трансформация российской конституционной системы ценностей как путь к социальной консолидации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 1. С. 7–14.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-7-14

FOR CITATION

Baburin S. N. Transforming Russia's Constitutional Value System as a Path to Social Consolidation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 1, pp. 7–14.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-7-14

УДК 341.24 (4:520)

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-15-24

TOPICAL ISSUES OF LEGAL REGULATION OF INTERNATIONAL AGREEMENTS ON THE EXAMPLE OF EAST AND WEST (THEORETICAL AND LEGAL RESEARCH)

*Pierre-Yves Monjal**University of Tours**60, rue du Plat D'Etain, Tours, 37020, France*

Abstract

Aim. Analyze the ongoing changes in the process of establishing relations between the European Union and Japan for a better implementation of the Economic Partnership Agreement.

Methodology. An analysis of the current legislation of the European Union and Japan was carried out, as well as a retrospective review.

Results. The article identifies the main problems of legal regulation of the process of establishing economic partnership between the European Union and Japan and ways to improve and optimize them.

Research implications. This work contains an in-depth analysis of a significant number of regulations of the European Union and Japan that determine their economic relations at the international level. The main ways of eliminating contradictions between the existing normative acts were highlighted.

Keywords: Economic partnership, European Union, Japan, international cooperation.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СОГЛАШЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

*Монжал П. -И.**Турский университет**37020, г. Тур, ул. дю Пла д'Этен, д. 60, Франция*

Аннотация

Цель. Анализ изменений, происходящих в процессе установления отношений между Европейским Союзом и Японией, направленных на более качественную реализацию соглашения об экономическом партнёрстве.

Процедура и методы. Проведён анализ современного законодательства Евросоюза и Японии, а также сделан его ретроспективный обзор.

Результаты. В статье обозначены основные проблемы правового регулирования процесса установления экономического сотрудничества между Европейским Союзом и Японией, а также способы их оптимизации.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье тщательно проанализирован значительный объём нормативных документов Евросоюза и Японии, определяющих их экономические отношения на международном уровне. Выделены основные способы преодоления противоречий между существующими нормативными актами.

Ключевые слова: экономическое сотрудничество, Европейский Союз, Япония, международное сотрудничество

Introduction

The Economic Partnership Agreement (EPA) between Japan and European Union (EU) raises a number of questions which, from the point of view of the law of the EU's external agreements or the general problem of its external competences, illustrate this new bilateral trend which the EU now promote in its trade policy. What is at issue here, as we know, is the question – not to say the concept – of new generation agreements, which deserve special attention and of which the EPA is a perfect example. In any event, the links now established between the European Union and Japan will have the virtue, beyond the purely commercial aspects, of bringing our two «worlds» closer together, which undoubtedly have a great deal in common and which deserve to be deepened. Thus, we will affirm or recall, through a historical mirror game, that if Nintendo owes its worldwide success to two Europeans (I), it is because the mother of Europe is undoubtedly Japanese (II).

I. Nintendo owes its success to two Europeans

In the closing statement on 6 July 2018 in Brussels, Cécilia Malmström, Commissioner for Trade, as the political agreement between Shinzo ABÉ and Jean-Claude Junker on the signing of the future Economic Partnership Agreement between the European Union and Japan had just been reached, stated that «Nintendo owes its global success to two Europeans: Mario and Luigi!».

This statement is interesting to analyze. On a symbolic level, it basically expresses the crucial idea that the European Union and Japan, lands of culture and civilization thousands of years old in time and space, have come closer together commercially, economically speaking and, in this globalised context, these cultures have now become highly interdependent. What we are talking about here is cultural property, the very strong Japanese predominance of which is to be noted. To put it plainly, if we have Luigi and Mario, Japan has Nintendo...!

However, on closer inspection, we are not entirely sure that this reference to the famous Japanese firm was in the best taste of the Union's partners. The Japanese delegation could also understand in this communication, which was meant to be a form of provocation or a well-understood reminder that Nintendo is also a European legal «saga» for which the Japanese company had to bear the costs.

Indeed, without citing all the judgments in question, it will be recalled that in Cases T-12/03, T-13/03, T-18/03, C-260/09P, the famous Japanese firm was heavily ordered to pay several hundred million euros in fines imposed by the Commission under Article 81(1) EC (101 TFEU) and Article 53(1) of the EEA Agreement. Nintendo or its wholly owned subsidiaries were accused (Case T-12/03) of participating in a complex of agreements and concerted practices in the markets for specialized game consoles and game cartridges compatible with those consoles which had the object and effect of restricting parallel exports of Nintendo game consoles and game cartridges.

In its decision C-335/12 of 24 January 2014, we are not sure that the Japanese company will have fully appreciated the Court's solution, which is no doubt very pragmatic but which refers back to national courts the task of resolving disputes on copyright protection. In this important case, the ECJ initially held that, as a «complex» intellectual creation¹ peculiar to its author, original computer programs (video games) are protected by copyright under the 2001 Directive². Thus, the TPMs implemented by Nintendo and incorporated in the physical media of video games and in consoles are effective technical measures within the meaning of the Directive. However, secondly, the Court considers that such legal protection against acts not authorized by the copyright holder must necessarily comply with the principle

¹ This is the first case, to our knowledge, in which the notion of «complex material» is recognized.

² Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 May 2001 on the harmonization of certain aspects of copyright and related rights in the information society and Directive 2009/24/EC of the European Parliament and of the Council of 23 April 2009 on the legal protection of computer programs.

of proportionality. TPMs¹ must therefore not prohibit devices which have a commercial purpose or use other than to facilitate the making of infringements by means of circumvention of technological protection.

On the other hand, in a judgment of 27 September 2017, the Court will have answered a question referred by the Düsseldorf District Court for a preliminary ruling against Nintendo by a German undertaking operating in Germany and France and providing Nintendo with protection for its Community designs of which it was the holder under the 2001 Regulation². The main issue was to determine which court had jurisdiction in this infringement case.

The Economic Partnership Agreement, which will be ratified by Japan on 8 December 2018, entered into force on 1 February 2019. It obviously takes us away both from the Poitiers blockade against Japanese VCRs and television sets in the early 1980s and, hopefully, from those cases that we have just briefly recalled³. This agreement is therefore a huge step forward for both partners. On the European side alone at the moment, on a strictly legal level, we feel that the agreement in question is interesting in that it illustrates what are known as new generation agreements.

The EPA is part of a bilateral conventional policy of the Union that has been completely rethought since the mid-2000s. The transition

from strategy to concrete implementation will take place at the beginning of the decade 2010. The EU-Japan agreement is part of this dynamic. It is useful to come back to this «Global EU» strategy which will have important legal consequences on the content of the agreements concluded by the Union and the exercise of the Union's external competences (A). Still on a legal level, the notion of a new generation agreement is not without real difficulties of identification (B).

A. The Global EU strategy and the EPA

Political and trade relations between the European Union and Japan took a decisive turn in 2001 at their tenth bilateral Summit in Brussels, where they signed the Action Plan Shaping our common future⁴. Although negotiated in a complex international context⁵, this Action Plan has been the lever for consolidating the economic and strategic partnership between the EU and Japan to the point where, on 25 March 2013, negotiations will be launched – by telephone – on the agreement that holds us back. It has taken the two players just five years to draft the 1864 pages of the treaty⁶ and bring it into force⁷.

The EU-Japan Partnership Agreement is not in itself a surprise. It is in fact part of the very important overhaul of the Union's international action that the Commission presented in 2006 entitled «Global Europe: Competing in the world. A Contribution to the EU's Growth and Jobs Strategy»⁸. The logic of this strategy is twofold: to strengthen the Union's economic power both internally and externally; and to rethink the Union's external action through «new generation» FTAs. Indeed, it is consid-

¹ These are technical protection measures (TPMs) that prevent counterfeit games from being released on any Nintendo system. PC Box, in this case, is a reseller of Nintendo consoles in which various additional software is installed that circumvents and disables the technical protection measures on the consoles.

² Council Regulation (EC) No 6/2002 of 12 December 2001.

³ On 22 October 1982, the French Budget Minister, Laurent Fabius, signed a decree forcing importers to stop clearing their video recorders through customs in the ports but in the «center» of France, in Poitiers. A fee similar to that applied to television was subsequently levied on VCRs. These two measures, aimed at limiting the influx of Japanese products and protecting the French consumer electronics industry, have had a huge impact. The press will refer to a new «Battle of Poitiers», in reference to that of 732, when the Franks and Aquitanian had arrested the Saracens from Spain. A debate on French-style «neo-protectionism» will be launched a few months before the left gives up its social policy and two years before the major negotiations on the Single European Act establishing the internal market.

⁴ An Action Plan for EU-Japan Cooperation. Available at: https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/eu/kodo_k_e.html (accessed: 08.03.2021).

⁵ The European Union was ready to take action against Japan in the WTO over competition disputes. Monjal P.-Y., The European Union and Japan or double economic openness. General considerations on economic relations between East and West. In: *RDUE*, 2015, no. 4, pp. 561.

⁶ The agreement itself is 562 pages long. The annexes are over 1,300 pages long.

⁷ Mention should also be made of the Strategic Partnership Agreement concluded in parallel (see below).

⁸ COM(2006) 567 final.

ered that the above-mentioned expression has been used since 2006; the agreements in question are in fact second generation agreements, as we shall see below.

Point 4-2 of its communication sets out both the Union's strategy for positioning itself in world trade, and in particular with regard to the WTO, and the backbone of the new agreements that the Union is prepared to propose to these partners.

On the first point, the Commission recalls that Europe will not withdraw from multilateralism. It remains committed to the WTO and is working tirelessly to ensure that negotiations resume as soon as the situation in other countries allows. It is the most effective instrument for expanding and steering trade for the benefit of all and the best framework for settling disputes. However, while sparing the WTO, it makes clear that free trade agreements (FTAs) can, if used carefully, promote faster and wider opening and integration, addressing issues that are not yet ripe for multilateral discussion and paving the way for a further level of multilateral liberalization. Many key issues can be addressed in FTAs that are not allowed under WTO rules. In its Concept Paper of 18 September 2018¹ the Commission will be much less conciliatory with the WTO. The reason for this is that the deployment of the Union's new agreements now constitutes a high-quality European standard which the Commission would like to impose from within the WTO in order to reform it².

On the second point, the Commission gives a presentation of the free trade agreements which should constitute the future of the Union's trade relations. The Commission thus recalls that FTAs are not new for Europe: «They play, for example, a key role in the European Neighborhood Policy by strengthening eco-

nomical and regulatory links with the EU. They are also part of the negotiations for Economic Partnership Agreements with the African, Caribbean and Pacific States as well as in the future Association Agreements with Central America and the Andean Community». This is 2006. But while the bilateral agreements support well the objectives of neighborhood policy and development, the Commission continues, «they serve our main trade interests, including in Asia, less well».

What remains striking in the Commission's analysis are the following three points: Japan is not among the priority target states or partners; new generation FTAs are defined according to economic criteria; new legal considerations.

On the first point, the Union's priorities were Africa, ASEAN, South Korea and Mercosur. India, Russia and the Gulf States were potentially interesting partners.

On the second point, these agreements will be designed on the basis of purely economic criteria: the potential of the markets, its size, its growth, the level of protection measures targeting EU exports such as tariffs and non-tariff barriers, the impact of the competitive shock between the Union and the partner...

On the last point, this is obviously the most innovative and «ambitious» aspect on the part of the Commission. In terms of content, it points out, these agreements must be based on new legal bases, extend trade liberalisation including in the field of services and investment, quantitative restrictions on imports and all forms of duties, taxes, charges and restrictions on exports must be eliminated. FTAs should also address non-tariff barriers through regulatory convergence, where possible, and include strong trade facilitation provisions. FTAs should include stronger provisions in favour of intellectual property rights (IPR) and competition, including, for example, provisions on IPR enforcement in line with the relevant IPR Directive.

This retrospective review allows us to have a better understanding of the EPA in the Union's global trade strategy launched and conceived in the mid-2000s, when the Union was only betting on multilateralism.

¹ The European Commission presents a comprehensive approach to the modernization of the World Trade Organization, Concept C. Available at: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2018/september/tradoc_157331.pdf (accessed: 08.03.2021).

² «The European Council of 28–29 June 2018 gave the Commission a mandate to pursue WTO modernization in pursuit of the objectives of making the WTO more relevant and adaptive to a changing world, and strengthening the WTO's effectiveness».

B. The legal identification of the EPA

Legally speaking, under European Union law, there are no so-called «new generation» agreements. This is a purely institutional creation, a practical classification referring to all trade agreements adopted by the European Union after 2006 following the Commission Communication presented earlier. To be even more precise, what are referred to as new generation agreements are in fact second generation agreements, as we shall see. The EU-Japan agreement is, of course, part of this latter classification.

Strictly speaking, the European Union adopts what are known as international agreements under Title V of the Treaty (Articles 216 et seq.). Doctrine also refers to them as «agreements external to the European Union». These international agreements, again under the Treaty, may be concluded with a State, a group of States (a regional economic integration area such as ASEAN) or an intergovernmental organization. Depending on the degree of economic proximity that the Union wishes to develop, these external agreements will either deal with purely commercial issues or, in addition to commercial issues, will include highly developed political considerations. They are then called association agreements (which very often prepare for EU membership). As can be seen, still in strict law, the category of international agreements that the Union can sign is very limited in formal terms. In material terms, without going into detail, it is the trade agreements responsible for implementing the Union's common commercial policy¹ that have gradually become the most

important in terms of economic and political stakes.

In this way, and still in law, the new generation of agreements are bilateral trade and investment agreements that express the Union's objective of acting as a global player on the international stage. Aligned with the values governing its external action, these agreements express the Union's desire to assert itself as a global player in international relations. They include provisions not only on trade in goods, services and the abolition of customs duties, but also on the protection of investments, intellectual property, protection of the environment and social rights, and dispute settlement. The list is not exhaustive. In addition, and most importantly, these agreements also aim to regulate trade «behind the border», i.e. to provide for regulatory harmonization measures based on common international standards. There is also the issue of opening up government procurement markets².

On this basis, the negotiators of bilateral agreements are free to call it whatever they wish. On 29 November 2012, the Council therefore authorised the Commission to open negotiations for a free trade agreement (FTA) with Japan. The FTA with Japan was renamed the «Economic Partnership Agreement» (EPA) following a political agreement in principle reached on 6 July 2017.

In its Opinion 2/15 of 16 May 2017³, the Court of Justice of the European Union confirmed the exclusive jurisdiction of the European Court of Justice in respect of all aspects covered by the agreement negotiated with Singapore, with the exception of non-direct investment and the settlement of disputes between investors and States in which Member States are involved, which the Court considered to fall within the shared competence of the European Union and the Member States.

¹ This is an exclusive competence of the European Union (Article 3(1)(e) TFEU). The scope of the common commercial policy is broad according to Article 207 TFEU: The common commercial policy shall be based on uniform principles, particularly with regard to changes in tariff rates, the conclusion of tariff and trade agreements relating to trade in goods and services, and the commercial aspects of intellectual property, foreign direct investment, the achievement of uniformity in measures of liberalization, export policy and measures to protect trade such as those to be taken in the event of dumping or subsidies. The common commercial policy shall be conducted in the context of the principles and objectives of the Union's external action.

² Koutaro Matsuzawa, Development of the governmental procurement scheme through the Japan-EU economic partnership agreement (JEUPEA).

³ Opinion of the Court (Full Court) of 16 May 2017, Opinion (C-2/15).

As far as the EU-Japan EPA is concerned, this falls within the exclusive competence of the European Union as its content is in line with the framework set out by the Court in its Opinion 2/15. The legal basis for the EPA is Article 207(1) on the common commercial policy and Article 3(2) TFEU (on the fact that existing common rules contained in secondary legislation are affected by the EU-Japan Treaty). In addition, Articles 91 and 100(2) (transport), 218(6)(a)(v) and 218(7) TFEU (procedure for the conclusion of the agreement). In its simplest terms, the EPA is an international agreement concluded by the European Union under its common commercial and transport policies. However, in terms of its name, which is purely formal, the classification of the EPA remains more subtle. We can make the following remarks.

First of all, the EPA¹ is certainly a new generation free trade agreement (FTA) by the official name, but it is again not legal. Already at this stage, complications arise since the EU has long since concluded EPAs with African, Caribbean and Pacific countries². If we retain that the agreement with Japan is an FTA, then it will have to be distinguished from the deep and comprehensive FTAs (CAFTAs) which concern here the Ukraine, and the first generation FTAs (which concern Switzerland, Norway, the Mediterranean countries, Mexico, Chile, Turkey and the Balkans) prior to 2006. Since then, all trade agreements with the European Union are considered as new generation FTAs. This concerns agreements with Vietnam, New Zealand, Australia, Singapore, Mexico, Mercosur, Canada and of course Japan. Eventually, the United Kingdom in its relations with the Union may well fall into this category of partners³. In this vast panorama, the EPA with Japan nevertheless has a special significance.

II. The mother of Europe is Japanese

The Declaration of 9 May 1950, a highly symbolic date, is regarded as the founding act of European integration. We need to be more specific. It is the founding act of Community Europe. We should not forget that the Council of Europe was established by the Treaty of London on 5 May 1949 and that its Committee of Ministers decided in 1964 to make 5 May Europe Day under this intergovernmental organization. However, it was at the Milan European Council of 28 and 29 June 1985 that the Heads of State or Government of the Ten decided that, from then on, 9 May of each year would also be Europe Day or European Day, but this time, it will have been understood, it will be a Europe of the Community!

European state and people are facing unprecedented economic difficulties linked to VIDOC as well as an equally unprecedented rise in nationalist populism. The 70th anniversary of the Schuman Declaration could have marked the time of European unity, it may well mark the bad times of its division. The year 2020, if we continue with the subject, will remain a very strange year to think about, because as the United Kingdom, whose future relationship with the European Union remains to be defined but could take the form of a new generation FTA, leaves the European Union, we are at the same time celebrating the first anniversary of the trade agreement between the European Union and Japan. So would one FTA replace the other? Would not the internal divisions of the Union be offset by the unity of its conventional trade network? Would not a new generation of players, the Union's trading partners, replace the old generation, the historical European partners?

This analysis would be excessive. However, because there are symbols to be remembered, the very special relationship between Japan and the European Union cannot be ignored. We will allow ourselves an anecdote which arose from an exchange we had with a Japanese diplomat who asked us the following question: «Do you know the Father of Europe and even its Fathers? But do you know the Mother?». To our silence reflecting our igno-

¹ The media and for convenience we also use the acronym JEFTA (Japan-European Free Trade agreement).

² Cotonou Agreement of 2000.

³ Report from the European Commission, 31. 10. 2018 COM(2018) 728 final.

rance, the answer was given by our interlocutor: «it is 青山みつ (Mitsuko AOYAMA¹) who was the mother of the famous author of *PanEuropa* in 1923²».

Indeed, it is generally considered that if the Fathers of Europe are Jean Monnet and Robert Schuman, it should be remembered that Richard Coudenhove-Kalergi was one of the most important thinkers of European federalism. Let it be said that Europe is Japanese; first from the heart and now from legal reason. On this subject, one will wonder what the stated ambition of the EPA is (A) and whether it does not require consolidation measures (B).

A. The ambition of the EPA

In its proposal for a Council Decision on the conclusion of the Economic Partnership Agreement between the European Union and Japan of 18 April 2018, the Commission has made clear the ambition followed by the European Union and Japan. The EPA sets out the conditions under which EU economic operators can fully exploit the opportunities offered by the third largest domestic market in the world³.

As President Juncker and Prime Minister Abe announced when the negotiations were finalized:

«The EU-Japan EPA is one of the most important and far-reaching economic agreements ever concluded by either the EU or Japan. The EPA will create a large economic area of some 600 million people, representing around 30% of world GDP, and will also open up huge trade and investment opportunities

and help strengthen our economies and societies. The EPA will also enhance economic cooperation between Japan and the EU and strengthen our competitiveness as advanced, yet innovative economies».

Furthermore, the EPA – consisting of twenty-three chapters divided into sections and subsections, 23 articles and 22 annexes – is fully consistent with the policies of the European Union as it will never oblige the EU to change its rules, regulations or standards in any area already regulated such as technical rules and product standards, health rules, food safety regulations, health and safety standards, rules on GMOs, environmental protection or consumer protection.

One exception is the bottle size regulated in the 2008 Spirit Drinks Regulations to facilitate Japanese exports of Shochu, which is a traditional alcohol that Japan exports in traditional four-bottle bottles go (合) ou from a sho (升)⁴. In addition, the EPA protects public services and guarantees the right of states to regulate in the public interest.

In economic terms (*largo sensu*), again in the light of the Commission's analysis, the following is provided for:

- Japan will liberalize 91% of its imports from the EU upon entry into force of the agreement. At the end of the tariff dismantling period, 99% of its imports from the EU will be liberalized, while the remaining 1% will be partially liberalized through quotas and tariff reductions (in agriculture). In terms of tariff lines, Japan fully liberalizes 86% of its tariff lines upon entry into force, rising to 97% after 15 years;

- New opportunities for EU bidders to participate in tenders is foreseen. In particular, Japan will give us new access to the 48 sub-central «major cities» with more than 300,000 inhabitants, i.e. about 15% of the Japanese population, and will agree to abolish, one year after the entry into force of the agreement, the «operational safety clause» for EU companies active in the rail market;

- The removal of technical and regulatory barriers to trade in goods such as duplicative

¹ Aoyama means blue mountain in Japan.

² Pan-Europa R. N. Coudenhove-Kalergi, preface by M. Barnier, translation and critical apparatus by V. Klostius, J. Spiri, Paris, Cent Mille Milliards, 2019. 309 p.

³ See the European Commission's website for economic figures (Available at: https://ec.europa.eu/trade/policy/in-focus/eu-japan-economic-partnership-agreement/index_en.htm). In the case of the EU, the long-term increase in GDP is estimated at +0.76% for the most appropriate scenario of full tariff liberalisation and symmetrical reduction of non-tariff measures (NTMs). Bilateral exports can be expected to increase by 34%, while the increase in total world exports would be 4% for the EU.

⁴ Sho (升) is equal to 1800 ml and 1 go (合) is equal to 180 ml.

testing, in particular by promoting the use of technical and regulatory standards used in the EU in the areas of motor vehicles, electronics, pharmaceuticals and medical devices, as well as green technologies is enshrined in the Agreement;

- The EPA contains a chapter on trade in services, investment liberalization and electronic commerce, as well as related schedules of commitments, which go far beyond both parties' WTO commitments;

- un niveau élevé de protection des droits de propriété intellectuelle;

- a high level of protection of EU geographical indications, in accordance with Article 23 of the TRIPS Agreement, for more than 200 EU food and wine and spirits GIs to be protected under the EPA;

- a comprehensive chapter on trade and sustainable development, which aims to ensure that trade supports social development and environmental protection and promotes sustainable forest and fisheries management. This chapter also sets out how civil society will be involved in its implementation and monitoring.

- a new and comprehensive chapter dedicated to SMEs, to ensure that they benefit fully from the opportunities offered by the EPA;

- a comprehensive section on the mutual facilitation of wine exports with the authorization of different oenological practices, including the priority additives of each Party.

At the institutional level, the EPA establishes a Joint Committee to oversee the supervision and implementation of the agreement. This Joint Committee is composed of representatives of the European Union and Japan and will meet once a year or, in case of emergency, at the request of either Party. The Joint Committee will be co-chaired by a representative of Japan at ministerial level and the relevant Member of the European Commission, or their respective delegates. The Joint Committee will be responsible for overseeing the work of all specialized committees and working groups established under the Agreement¹.

¹ Committee on Trade in Goods, Committee on Trade in Services, Liberalization of Investment and Electronic Commerce, Committee on Government Procurement,

Ambitions are displayed and implemented. But efforts must be made to consolidate the agreement.

B. The consolidation of the EPA

In absolute terms, a comparative study of the new generation of EPAs should be carried out in order to measure both their commonalities in the economic areas concerned and, of course, their differences. However, to be completely objective, even if this agreement with Japan is the most important one that the Union has been able to sign in economic terms (30% of world trade) and is very ambitious as we have pointed out, with regard to the agreement with Canada, for example, it remains below that level.

First of all, negotiations continue separately for an Investment Protection Agreement (IPA) with Japan. While the substantive provisions have been agreed, the procedural ones (ICS) are still not accepted by Japan. The last discussions on the IPA took place on 20-22 March 2019 in Tokyo. For the time being, no further discussions are foreseen. The firm commitment of both sides is to complete the investment protection negotiations as soon as possible, in view of their mutual commitment to a stable and secure investment environment in the Union and Japan. Once the parties have reached agreement, investment protection will therefore be the subject of a separate bilateral investment agreement.

Secondly, and this obviously remains an important point, it is indisputable that the EPA cannot in itself provide all the guarantees of satisfaction. The question of the binding nature of the agreement, with regard to some of its provisions, particularly in the social, environmental, competition and sustainable development fields, seems to us to be rather weak in terms of legislation. It is also true that the EPAs have never gone beyond the point

Committee on Trade and Sustainable Development, Committee on Sanitary and Phytosanitary Measures, Committee on Rules of Origin and Customs Matters, Committee on Intellectual Property, Committee on Regulatory Cooperation, Committee on Technical Barriers to Trade and Committee on Cooperation in Agriculture.

of direct effect. The invocability of the agreement will therefore arise and we know that the Commission has always played strategically on the drafting of the articles of the Union's external agreements in order to neutralize their prevalence over secondary legislation. This is a perfect example of this¹.

Moreover, contrary to EU law, under Article 16.9 of the EPA, precaution is not defined as a principle but rather as an approach, an orientation, a state of mind². In terms of legislation, legal provisions and constraints on the actors, this name constitutes a clear difference with the precautionary principle as understood in EU law. That said, the parties to the EPA cannot be asked to implement integrated policies as the precautionary principle would imply. While this remains possible in Europe, in the international context the difficulties are much greater to overcome. However, and the step has been taken, the «precautionary approach» expresses an awareness of the limits of scientific knowledge and the need to take measures to prevent a risk.

The consolidation of the EPA is also all the means that the partners will use to adapt their legislation to the EPA. This is particularly the case for intellectual property, as Professor Lenz has shown³. Even before the entry into force of the EPA, in the area of intellectual property, Japan made every effort to 'transpose' the rules of the agreement into its law. The same was true of the General Data Protection Regulation of 2016, which required the government and businesses to comply with this regulation. The Commission's adequacy decision of 23 January 2019⁴ attests to this major effort to adapt Japan and also to consolidate the EPA⁵.

¹ There are, however, exceptions, ECJ, 8; 06. 1991, Nakajima All Precision Co, ECLI:EU:C:1989:235.

² A. Donati, The precautionary approach in the economic partnership agreement between EU and Japan : a threat to the European precautionary principle?

³ K.-F. Lenz, intellectual property.

⁴ Commission Implementing Decision (EU) 2019/419 of 23 January 2019 pursuant to Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council on the adequate protection of personal data by Japan under the Act on the Protection of Personal Information.

⁵ Hiroshi Miyashita, EU-Japan Mutual Adequacy Decision.

Conclusion

Finally, to conclude, it should be recalled that among the EPA consolidation tools is the Strategic Partnership Agreement (SPA), which considerably strengthens the political dimension of relations between the Union and Japan. This practice of backing the economic agreement with a political agreement is not specific to relations with Japan. It is now found in most FTAs. On 26 June 2018, the Council authorized the signing, on behalf of the European Union, of the strategic partnership agreement. The SPA was signed by the EU and Japan on the occasion of the 25th EU-Japan summit in Tokyo on 17 July 2018. The EU-Japan Economic Partnership Agreement was also signed in Tokyo on 17 July 2018.

The PSA must comfort the promotion of peace and security, democracy, the rule of law, human rights, fundamental freedoms, regional and international cooperation and UN reform. Furthermore, it must also make it possible to ensure the fight against weapons of mass destruction, serious international crimes, terrorism, cybercrime, and so on⁶. Perhaps the most sensitive issue for Japan is the question of cooperation in the field of international security at a time when the question of the revision of Article 9 of the Japanese Constitution on the prohibition of the use of force arises⁷.

It should be noted that the issue of human rights is not at all the same as it was in the 2000s. The human rights clause is now seen in a positive, cooperative rather than punitive way. In legal terms, this translates into the signing of a SPA which is backed by the EPA. The separation of economic and political issues is clearly separated. Moreover, one wonders whether the «moralization» of EPAs does not now include the introduction of the essential elements of sustainable development and

⁶ DÉCISION (UE) 2018/1197 DU CONSEIL du 26 juin 2018. Available at: http://publications.europa.eu/resource/cellar/c212d326-a761-11e8-99ee-01aa75ed71a1.0009.03/DOC_1 (accessed: 08.031.2021)/

⁷ Fumi Yoshimoto, EU-Japan cooperation in the security field from the perspective of Japan's legal framework.

the precautionary principle. On this point, the EPA with Japan is a good example.

This agreement, which now binds us together, is absolutely unique in itself, both in terms of its scope and the players involved. But perhaps most exciting is that the bridge Victor Hugo dreamed of building between the Union and the United States will be the bridge

between Europe and Japan. A bridge like the one in Edo, where merchants, artists, poets, lawyers, students, professors... will cross with happiness.

Статья поступила в редакцию 26.11.2020.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pierre-Yves Monjal – Prof. in Public Law, University of Tours, Jean-Monnet Chair, Director of the NihonEuropa programme, Vice-Director of the Institut de Recherche Juridique Interdisciplinaire de Tours;
e-mail: pymonjal@mac.com

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Монжал Пьер-Ив – профессор публичного права Турского университета, директор программы NihonEuropa, заместитель директора Междисциплинарного института правовых исследований (г. Тур)
e-mail: pymonjal@mac.com

FOR CITATION

Monjal P.-Y. Topical Issues of Legal Regulation of International Agreements on the Example of East and West (Theoretical and Legal Research). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 1, pp. 15–24.

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-15-24

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Монжал П.-И. Актуальные вопросы правового регулирования международных соглашений на примере Востока и Запада (теоретико-правовое исследование) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 1. С. 15–24.

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-15-24

УДК-340

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-25-37

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ФОКУСЕ УГРОЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «ЦИФРОВОМ ТОТАЛИТАРИЗМЕ»: ДИСКУРС-АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Попова Н. Н.

*Дипломатическая академия Министерства иностранных дел РФ
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ мировых общественных представлений об угрозах цифрового развития в отношении соблюдения прав человека.

Процедура и методы. Ключевым методом исследования являлся дискурс-анализ, применяемый для реконструкции правосознания консервативной части общественного спектра.

Результаты. Было диагностировано наличие широкого дискурсивного круга негативной реакции на цифровые нововведения как угрозу реализации прав человека. Выявлены основные проблемные позиции в пакете прав человека, с которыми связываются угрозы нарушений. Показаны различия реакций на цифровые нововведения в соотнесении с идеологическими установками правосознания групп граждан.

Теоретическая и/или практическая значимость. Очерчено проблемное поле, связанное с цифровыми трансформациями, в сфере права. Выявлены ниши, предполагающие принятие дополнительных защитных мер в отношении прав человека в условиях цифрового перехода, и проблемные области правосознания граждан, что определяет соответствующую повестку государственной просветительской деятельности в сфере права.

Ключевые слова: цифровизация, правосознание, права человека, дискурс, тоталитаризм, цифровые технологии, идеология

REALIZATION OF HUMAN RIGHTS IN THE FOCUS OF THREATS OF PERCEPTIONS OF “DIGITAL TOTALITARIANISM”: DISCOURSE ANALYSIS IN THE CONTEXT OF LEGAL CONSCIOUSNESS TRANSFORMATION

N. Popova

*Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry
53/2-1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russian Federation*

Abstract

Aim. To examine social perceptions in the world about the threats from digital development to the observance of human rights.

Methodology. The key research method was discourse analysis, used for reconstruction of the legal consciousness of the conservative part of the public spectrum.

Results. The presence of a wide discourse circle of negative reactions to digital innovations as a threat to the realization of human rights was diagnosed. The main problematic positions in the package of human rights are identified, which are associated with threats of violations. The differences in reactions to digital innovations are shown in relation to the ideological attitudes of the legal consciousness of groups of citizens.

Research implications. The problem field associated with digital transformations in the field of law is outlined. Niches have been identified that involve the adoption of additional protective measures regarding human rights in the context of digital transition, and problematic areas of legal awareness of citizens, which determines the corresponding agenda of state educational activities in the field of law.

Keywords: digitalization, legal consciousness, human rights, discourse, totalitarianism, digital technologies, ideology

Введение

До недавнего времени в академической науке в отношении поднимаемой в данном анализе темы существовало негласное табу. Рассуждения о возможности взятия человека под полный или значительный контроль с помощью современных технологий вызывало коннотации с конспирологическим направлением общественной мысли. И действительно, изобличение неких сил в их устремлении взять под контроль человечество с помощью цифровых технологий заняло широкую нишу в современной конспирологии. Ксенофобия как социально-политическое последствие конспирологии не только сделала «теорию заговора» неуместной для научного дискурса, но и поставила вне права, имея ввиду нарушение запретительных норм в отношении разжигания различных форм розни [13]. О связи конспирологии с ксенофобией заявлял, находясь в статусе президента, Франсуа Олланд, призывавший взять под контроль конспирологический дискурс в интернете.

Однако в контексте стремительного развития цифровых технологий в мире тема контроля за человеком вышла за рамки маргинальных ниш. Связь темы цифрового контроля над человеком с «теорией заговора», безусловно, возможна, но далеко ею не исчерпывается. Игнорирование вопроса о такого рода рисках в развитии цифровых технологий на уровне экспертного сообщества, а соответственно, и законодательства привело к реальной эскалации соответствующих угроз. И речь не идёт о «заговоре» какой-либо тайной группировки, а о практической возможности для властных органов контролировать человека и реальности расширения ниш контроля. Технологии вышли на тот уровень, когда правовая традиция автономности личности может быть

системно нарушена, а по многим оценкам уже де-факто нарушается. Возникла озабоченность широких групп населения разных стран нарушением их прав через внедрение в общественную жизнь цифровых технологий.

Возникновение соответствующего дискурса вокруг темы цифрового тоталитаризма определяет постановку задачи анализа с позиций диагностирования состояния правосознания общественности России и ряда стран мира. Важно выявить те нововведения или тенденции, которые воспринимаются как проявляемые или потенциальные угрозы в отношении соблюдения прав человека. Эти угрозы могут реально отсутствовать или быть преувеличенными, но сама их фиксация может указывать на кризис правосознания. В том случае, когда угрозы оказываются вымышленными, реакция государства и гражданского общества должна проявляться в активизации соответствующей разъяснительной работы, в правовом просвещении. Если же диагностируемые в рамках правосознания тревоги граждан получают подтверждение в их обоснованности, то следует ставить вопрос о внесении определённых изменений в законодательство по защите прав человека в условиях цифровых нововведений.

Методика исследования состоит в анализе дискурсивного пространства в фокусе угроз системного нарушения прав человека в связи с развитием и внедрением в общественные отношения цифровых технологий. Дискурсивный анализ предполагает рассмотрение проявляемого в письменных текстах контента угроз развития цифровых технологий применительно к классическому пониманию прав человека и в контексте изменений в социально-культурной семантике в целом [6].

Тема «цифрового тоталитаризма» на уровне интеллектуальных и властных элит

Тема «цифрового тоталитаризма» не может более игнорироваться научным сообществом после того, как она была поднята рядом видных современных мыслителей мирового уровня. К ним, в частности, относится израильский философ и историк Юваль Харари. По его оценке, человечество, приступив к освоению новых цифровых технологий, оказалось перед развилкой. Одна перспектива состоит в расширении за счёт цифровизации прав и свобод граждан, вторая – в установлении с опорой на неё глобального тоталитарного надзора. Технологическая возможность реализации второй перспективы как минимум существует. Харари ссылается на опыт КГБ СССР, который, несмотря на все свои политические возможности, не мог следить за всеми 240 млн советских граждан, равно как и обрабатывать эффективно собранную информацию. Но сегодня возможности тотальной слежки посредством современной техники уже являются реальностью. СССР не мог в полной мере реализовать модель тоталитарного государства технически, и любые попытки такого рода давали сбой (невинные жертвы репрессий – одно из проявлений такого сбоя). Сегодня же тоталитаризм, невозможный прежде, впервые становится гипотетической вероятностью.

Одно из наиболее ярких проявлений новой тоталитарности, по мнению Харари, – сбор биометрических данных. Раньше контроль выражался в получении информации о предпочтениях человека, теперь уже и о состоянии человека, температуре тела, эмоциональных реакциях. Обоснованием таких нововведений может, рассуждает философ, стать, например, борьба с эпидемиями, когда всеобщий контроль за температурой граждан позволит выявлять больных. Но «если корпорации и правительства начнут массово собирать наши биометрические данные, они смогут узнать нас намного лучше, чем мы знаем

самих себя, и тогда они смогут не только предсказывать наши чувства, но и манипулировать нашими чувствами и продавать нам все, что они хотят – будь то продукт или политик... Представьте себе Северную Корею в 2030 г., когда каждый гражданин должен носить биометрический браслет 24 ч в сутки. Если вы слушаете речь Великого Вождя, и браслет улавливает явные признаки гнева, вам конец»¹.

Обращение к теме цифрового тоталитаризма имеет место уже и на уровне властного дискурса государств мира. О том, что цифровизация, при которой человек есть лишь число, ведёт к фашизму, заявил, в частности, Президент Турции Р. Эрдоган. Выступая на международном саммите «Женщины и правосудие», он призвал к совместной борьбе против «цифрового фашизма», подчеркнув при этом, что не против самой цифровизации. Интересно, что самого Эрдогана часто обвиняют сегодня в фашистских тенденциях и нарушении прав человека, и это само по себе указывает на семантическую неоднозначность темы².

Президент России Владимир Путин в 2019 г., рассуждая о перспективах развития искусственного интеллекта, предостерег, что монополизация этой сферы приведёт к установлению власти монополиста над всем миром. Помимо важности быть конкурентоспособным, слова президента указывают также и на те огромные управленческие возможности, которые дают технологии искусственного интеллекта. При бесконтрольности власти эти возможности могут быть потенциально использованы против прав и свобод человека³.

¹ Harari Y. N. The world after coronavirus // Financial Times: [сайт]. URL: <https://www.ft.com/content/19d90308-6858-11ea-a3c9-1fe6fedcca75> (дата обращения: 01.12.2020).

² We must fight digital fascism: President Erdogan // AA.com.tr. URL: <https://www.aa.com.tr/en/turkey/we-must-fight-digital-fascism-president-erdogan/2056985> (дата обращения: 01.12.2020).

³ Совещание по вопросам развития технологий в области искусственного интеллекта // Президент России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60630> (дата обращения: 01.12.2020).

Формирование концепции «цифрового тоталитаризма»

В западной обществоведческой публицистике ожидаемо получил распространение концепт нового тоталитаризма. Понятие «новый тоталитаризм» вошло в оборот ещё в начале 1970-х гг., когда под ним понималась замена прямого принуждения мягким воздействием на сознание и подсознание. Тогда акцент делался на его новизне, отличии от старого тоталитаризма. Современное использование понятия «новый тоталитаризм» переносит акценты на восстанавливаемую тоталитарность, приходящую на смену временному периоду свободы. Идея борьбы с тоталитаризмом как главным врагом свободы прочно вошла в сознание западного человека, и каталитизированная пандемией цифровизация легла на укоренённую матрицу [17].

Общая схема теории тоталитаризма состояла в том, что свободный мир исторически столкнулся с миром несвободы. Несвобода могла воплощаться в двух типах политического режима – автократическом и тоталитарном. Эталоном тоталитарного государства преподносились фашистская Германия и коммунистический СССР [1]. Победы 1945 г. и 1991 г. рассматривались как сокрушение тоталитаризма силами свободы. После этих побед врагами либеральной демократии оставались отдельные авторитарные режимы, которым быть преобразованными в государства тоталитарные уже не представлялось возможным. Полного торжества идеалов свободы ещё не произошло, как об этом возвестил Френсис Фукуяма, но это казалось вопросом неотдалённого времени [11]. Однако новый тоталитаризм приходит оттуда, откуда его никак не ждали, – из технологического прогресса. Цифровизация, соотносимая первоначально с расширением пространства свободы, создала условия для выстраивания системы модернизированного тоталитарного государства.

Согласно рассуждениям профессора Американского института экономических исследований Джеффри А. Такера, тоталитаризм выстраивается всегда на жёстком противопоставлении полюсов ада и

рая. Для коммунистической идеологии ад – это капитализм и господство частной собственности, рай – коммунизм, достигаемый через экспроприацию. Для расизма ад есть расовое смешение, а рай – расовая гомогенность. Применительно к новой модели мироустройства ад видится в свободном распространении патогенов, а рай – общество полного технократического контроля, устанавливаемого для борьбы с патогенами. Основа этой модели – социальная изоляция, компенсируемая виртуальными коммуникациями. Права человека подавляются прежде всего именно в вопросе свободы и естественности для человека социального взаимодействия с другими людьми. Новый тоталитаризм в этом отношении покусается не только на свободу, но и на суть самого человека как социального существа. Другой угрозой является фактическое нарушение принципа равноправия. «Вначале, – описывает Такер происходящее в 2020 г., – большинство людей соглашались, полагая, что это было как-то необходимо и краткосрочно. 2 недели растянулись на 30 дней, которые потом затянулись на 7 месяцев, и теперь нам говорят, что никогда не будет времени, когда мы не будем практиковать эту новую общественно-политическую веру. Это новый тоталитаризм. И при всех таких режимах есть один набор правил для правителей и другой – для управляемых»¹.

Люди, коммуницируя в виртуальном пространстве, переписываясь на различных платформах социальных сетей, выкладывая свои комментарии и размышления, так или иначе оставляют следы в интернете. Ранее для того, чтобы уличить человека, требовалось вскрыть его переписку, что было незаконно. Теперь сбор сведений о воззрениях человека, его предпочтениях и частной жизни становится гораздо более простым и легальным. Человек, с одной

¹ Tucker J. A. Lockdown: The New Totalitarianism // AIER: [сайт]. URL: <https://www.aier.org/article/lockdown-the-new-totalitarianism> (дата обращения: 01.12.2020).

стороны, оказывается сам виноват, необдуманно выкладывая в сеть информацию о себе, раскрывая свои мысли. Но с другой, современная система общественных отношений построена таким образом, что не делать этого невозможно, и человек, выпадающий из сети, превращается в социального аутсайдера.

За что человек может быть дискриминируемым? Значительная часть представителей американского общества полагает, что реальная дискриминация сегодня идёт за приверженность определённым взглядам. Формально человек может быть уволен с работы по некой причине, фактически же – ввиду противоречия его мыслей и ценностей некому стандарту. Представление о такой дискриминации распространено прежде всего в консервативно-христианской части американского общества, что, вероятно, определяет представление, что дискриминируемыми оказываются люди, придерживающиеся традиционных ценностей [14]. Традиционные христиане превращаются в диссидентов нового тоталитарного мира. В соответствии с новым тоталитарным эталоном традиционные ценности конфликтны, а потому придерживающиеся их лица должны быть отеснены со значимых для общества позиций¹.

Существует ли в реальности такая дискриминация – вопрос для специального социологического исследования по гражданам, лишившимся работы. Но сама постановка проблемы о возможности дискриминации за воззрения – это значимый сигнал, показывающий тревогу граждан о нарушении важнейшего из прав – свободы совести. Если раньше мысли и ценности человека были неизвестны администратору, то теперь они оказываются доступны, и это вызывает озабоченность.

«Арабская весна» 2010–2011 гг. показала возможности использования интернета и социальных сетей в организации антивластных сил. Новые технологии были

восприняты как средство борьбы за политические права, неподконтрольное власти. В действительности эти возможности определялись в значительной мере включённостью в организацию революционных процессов внешних факторов, которые и выступали инициатором создания оппозиционных социальных сетей. Но прошло время, и государства стали использовать цифровые технологии для контроля над потенциальной оппозицией. Кажущееся средство борьбы с системой превращается в средство, используемое системами [2; 7; 10; 16].

Драйверы цифрового тоталитаризма: Запад vs Китай

Расхождение в дискурсе противников цифрового тоталитаризма обнаруживалось в вопросе, кого утвердить на роль нового тоталитарного монстра. Мнения разделились в этом отношении между странами Запада и Китаем. Руководитель программы «Современное государство» Валдайского дискуссионного клуба И. Н. Тимофеев рассматривает этот вызов через призму метафоры «сумерки Запада», отмечая факт западной ценностной инверсии в отношении свободы, оказавшейся сопряжённой с лёгшими на соответствующую почву цифровыми новациями. «Судя по всему, – пишет он, – западная рациональность выходит на новый уровень, предполагающий скачок в развитии. Но это также рождает новых монстров. Современные технологии позволяют гораздо глубже проникнуть в психику человека и установить новую идентичность. Экономика дегуманизируется, а эффективность контроля над рабочей силой растёт в геометрической прогрессии. Современные рабочие находятся под пристальным наблюдением, их время измеряется секундами. Также можно отслеживать многие другие параметры – от движений глаз и зрачков до активности мозга. Эта эффективность с удовольствием адаптируется к политике. Современные технологии могут помочь отчуждать людей от их истинной

¹ Gooch N. How to resist the new totalitarianism // Un Herd: [сайт]. URL: <https://unherd.com/2020/11/how-to-resist-the-new-totalitarianism> (дата обращения: 01.12.2020).

природы и идентичности в такой степени, которая никогда не предполагалась Марксом, Фроммом, Адорно, Маркузе и критиками репрессивной рациональности. Если раньше шоу уродов Фуко ограничивалось человеческим телом, то сегодня оно проникает в человеческую психику. Мы стоим на пороге принципиально нового типа отчуждения и принципиально нового тоталитаризма, который наверняка будет скрыт за лозунгами либеральной демократии на Западе и оправдан национализмом или другими идеологиями в других странах. Также будет новый тип войны, потенциально более бесчеловечный и гораздо более эффективный для охвата всех (и не обязательно кинетически)¹.

Цифровой тоталитаризм в англоязычном интернете приобрёл устойчивую коннотацию с современным Китаем. Сообщается, в частности, о реанимации коммунизма через инновационные возможности контроля за гражданами. «Китай наращивает свою способность шпионить за своими почти 1,4 млрд людей до нового и тревожного уровня, давая миру план построения цифрового тоталитарного государства. Китайские власти объединяют старые и современные технологии – сканеры телефонов, камеры с распознаванием лиц, базы данных по лицам и отпечаткам пальцев и др. – в обширные инструменты для авторитарного контроля. После того, как эти инструменты объединены и полностью введены в действие, они могут помочь полиции узнавать личности людей, идущих по улице, выяснять, с кем они встречаются, и определять, кто принадлежит, а кто не принадлежит к Коммунистической партии»².

¹ Timofeev I. «Twilight of the West?» The New Totalitarianism, Reflection and Free Thought // RIAC: [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/interview/twilight-of-the-west-the-new-totalitarianism-reflection-and-free-thought/> (дата обращения: 01.12.2020).

² Mozur P. China moves towards 'digital totalitarian state' as surveillance technology continues to advance // Independent: [сайт]. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/asia/china-technology-surveillance-network-totalitarian-state-spy-a9251971.html> (дата обращения: 01.12.2020).

Китай и США используют, как пишут в американских СМИ, примерно один и тот же арсенал цифрового контроля. Но Америка – для противодействия терроризму и наркоторговле, а Китайская Народная Республика – для тотального контроля за собственным населением. Китай – новая модель полицейского государства. Безусловно, разоблачение китайского тоталитаризма в США имеет политический подтекст американско-китайской современной конкуренции. Но обозначенная тенденция заслуживает внимания.

Цифровой контроль в КНР также преподносится как средство подавления потенциальной оппозиции: будто бы посредством них были выявлены все критики действия властей по противодействию коронавирусной инфекции. Цифровой контроль используется также как средство противодействия уйгурскому сепаратизму³.

На новый цифровой китайский тоталитаризм указывают сегодня многие западные эксперты. Некоторые утверждают, что Китай стал самым ярким примером использования ситуации с пандемией для продвижения в направлении усиления цифрового контроля: «Тщательно отслеживая смартфоны людей, используя сотни миллионов камер распознавания лиц и обязывая людей проверять температуру тела и состояние здоровья и сообщать о них, китайские власти могут не только быстро идентифицировать предполагаемых носителей коронавируса, но также отслеживать их передвижения и идентифицировать всех, с кем они контактировали. Ряд мобильных приложений предупреждает граждан об их близости к инфицированным пациентам»⁴.

³ Nazeer T. Digital Surveillance and 'Technological Totalitarianism' // Byline Times: [сайт]. URL: <https://bylinetimes.com/2020/04/07/the-coronavirus-crisis-digital-surveillance-and-technological-totalitarianism/> (дата обращения: 01.12.2020).

⁴ Harari Y.N. The world after coronavirus // Financial Times: [сайт]. URL: <https://www.ft.com/content/19d90308-6858-11ea-a3c9-1fe6fedcca75> (дата обращения: 01.12.2020).

Указанная тенденция обнаруживается и в других государствах. В Израиле, например, «чрезвычайным указом» Биньямина Нетаньяху допущено использование технологий контроля по предупреждению терактов для противодействия пандемии, несмотря на противодействие Парламента.

В злоупотреблении цифрового контроля обвиняется и Россия. Системно этот механизм начал будто бы использоваться для наблюдения за перемещением граждан в ситуации пандемии. Но велика вероятность, что введённый как чрезвычайная мера цифровой контроль в дальнейшем не будет отменён¹. Для проживающих в России очевидно, что тотальной системы цифрового контроля в РФ не существует, и соответствующие публикации встроены в общий контекст антироссийской информационной кампании. Но стоит признать, что данная тема вошла уже в общественный дискурс и сообразно с логикой «окон Овертона» невозможное становится допустимым [5].

Система социального кредитования в КНР

Особой критике в плане угроз правам человека подверглась выстраиваемая в КНР система социального кредитования. Социальное кредитование, как это представляют западные журналисты, представляет собой механизм распределения социальных благ на основании рейтинга политической благонадёжности². Практическое внедрение системы началось в Китае с 2010 г. В 2014 г. проект был инициирован Государственным Советом к внедрению в национальном масштабе. Рейтинги составляются на основе комплексной информации о человеке, которая

может включать данные о его предпочтениях в литературе, об усердии во время обучения, о коммуникациях. «Согласно этой системе, человек получает или теряет кредитные баллы в результате различных действий. Например, люди, участвующие в добровольных проектах, которые сдают кровь, «награждаются», а те, кто курит в местах, где запрещено курение, покупают «слишком много» видеоигр, делятся необоснованными новостями и не подчиняются светофору, будут «наказаны»³.

Появляются специальные научные исследования на Западе в отношении китайского социального кредитования как пути к новому тоталитаризму. При этом используется и матрица метафор, адресующих к классическим формам государственной тоталитарности. Среди них созданные И. Бенетом образ «Паноптикума» и Дж. Оруэллом – «Большого Брата». Отмечается смена восторга от появления новых цифровых технологий в 1990-е гг. как пути к свободе на разочарование в них как потенциальной возможности установления глобальной системы несвободы [16].

Угрозы реализации прав человека в проекции классических идеологий и концепция «Цифрового фашизма»

Исходя из различий идеологических платформ, угрозы цифровизации для прав человека видятся по-разному. Для сторонников либеральной идеологии – это нарушение свобод человека и гражданина, связываемое с распространением системы цифрового контроля. Приверженцы социалистических взглядов акцентируют внимание на связываемый с цифровизацией социальный раскол, аутсайдерство части населения, возрастание угроз безработицы. Сторонники религиозного консерватизма и традиционализма принимают сам формат цифровой коммуникации как угрозу для традиционной системы ценно-

¹ Nazeer T. Digital Surveillance and 'Technological Totalitarianism' // Byline Times: [сайт]. URL: <https://bylinetimes.com/2020/04/07/the-coronavirus-crisis-digital-surveillance-and-technological-totalitarianism> (дата обращения: 01.12.2020).

² Qiang X. The rise of China as a digital totalitarian state Opinion by // URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldpost/wp/2018/02/21/china-internet/> (дата обращения: 01.12.2020).

³ Kildis H. P. Digital Totalitarianism: China's Social Credit System // Ankasam: [сайт]. URL: <https://ankasam.org/en/digital-totalitarianism-chinas-social-credit-system/> (дата обращения: 01.12.2020).

стей и социальных связей [8]. Каждая из перечисленных идеологий предупреждает об угрозе реанимации идеологии фашизма, приходящей в настоящее время через цифровой формат.

Наряду с понятием «цифровой тотализм», хотя и несколько реже, используется понятие «цифровой фашизм». В качестве признаков цифровых фашистских государств указываются:

- массовая цифровая слежка;
- эксперименты через цифровые технологии над сознанием человека;
- цифровая социальная инженерия;
- новая цифровая пропаганда;
- цифровая цензура;
- «доброжелательная» диктатура (права в обмен на безопасность, достигаемую через контроль);
- прогнозирующая полицейская деятельность;
- использование банков персональных данных в интересах управления¹.

Обратим внимание и на феномен распространяемого цифрового фашизма снизу. Появляются исследования, показывающие тоталитарные тенденции в формировании социальных сетей. Напрашивается вывод, что социальные сети сегодня, несмотря на их внешнюю демократичность и готовность к дискуссии, оказываются гнездами неофашизма. Нарратив социальных сетей формируется через контент постправды, объединение в них осуществляется через субкультуры ненависти и катализирует различного рода страхи. Но сам принцип виртуального сообщества вместо сообщества реального исходно предполагает конфликт сетевого сообщества с сообществом большинства [15].

В России, напротив, понятие "цифровой фашизм" используется чаще, что связано с соответствующими коннотациями в российской истории. Наиболее активно

тема цифрового фашизма в России поднимается на консервативно-религиозных сайтах. Об угрозах его выступления предупреждают, в частности, мыслители, консолидирующиеся вокруг Изборского клуба. Зачастую проводятся параллели между современными проявлениями цифровизации и библейскими пророчествами, что усиливает конфликтную напряжённость восприятия темы в целом. Интересно, что наиболее активными защитниками прав человека перед угрозами цифровизации выступают круги, скептически относящиеся к самой идее прав человека, видящие в них отступление от религиозной модели построения общества². Либералы же, напротив, чаще оказываются приверженцами цифровых нововведений и рисков в их внедрении для прав человека не находят. Такого рода парадоксы современной ситуации можно охарактеризовать как инверсии систем правосознания [9].

О. Н. Четверикова, автор научных статей по особенностям политических и религиозных движений, в установках цифровизации видит латентную идеологию и даже религию. Истоки модели цифрового общества она связывает, в частности, с квазирелигиозным движением Нью-Эйдж. В её критике цифровых технологий наряду с положениями, действительно переходящими грань конспирологии, есть и вопросы, с т. зр. права заслуживающие самого серьёзного внимания. К ним, в частности, относятся вред для здоровья учащихся от перехода на цифровой формат обучения, негативные психологические последствия и интеллектуальная деградация [12].

Не исключено, что негативный эффект цифровизации для человека преувеличен или вообще не соответствует действительности. Но для такого вывода нужна соответствующая комплексная экспертиза. Пока же она не проведена, внедрение цифровых технологий в образование и в целом в систему общественных коммуникаций

¹ Helbing D. Digital Fascism Rising? Can we still stop a world of technological totalitarianism? // The Globalist: [сайт]. URL: <https://www.theglobalist.com/fascism-big-data-artificial-intelligence-surveillance-democracy/> (дата обращения: 01.12.2020).

² «В конце мая чист фигура Гитлера». Россию захватывают цифровые фашисты. В это верят защитники храмов // Lenta: [сайт]. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/06/20/fasch/> (дата обращения: 01.12.2020).

можно квалифицировать как эксперимент, что с позиций защиты прав человека действительно недопустимо [3; 4].

Цифровизация и Всеобщая декларация прав человека

Круг лиц, выступающих противниками неограниченного в правовом отношении цифрового развития и видящие в нём тенденцию установления нового тоталитаризма, условно можно определить в качестве анти тоталитаристов. Их претензии, как минимум, требуют диагностирования с т. зр. определения реальных угроз в отношении соблюдения прав человека. В частности, целесообразно рассмотреть через призму анти тоталитаристской критики правовой пакет, включённый во Всеобщую декларацию прав человека, как наиболее репрезентативный источник для данной задачи¹:

– Ст. 3 Всеобщей декларации прав человека наряду с правом на жизнь и на свободу называет *право на неприкосновенность*. При широкой трактовке понятия «неприкосновенность» цифровой контроль выступает нарушением соответствующего принципа.

– Ст. 7 предписывает установление *защиты от любой дискриминации*. Однако внедрение цифровых технологий создаёт ситуацию дискриминации тех, кто ими не владеет или не имеет возможности применять. Вызывает опасение и установление предпочтений / дискриминаций при осуществлении цифрового контроля.

– Ст. 9 гарантирует, что никто не *может подвергаться произвольному аресту или задержанию*. Ограничения, вводимые в качестве противодействия коронавирусной инфекции, безусловно, юридически арестом или задержанием не являлись. Но их восприятие в таком качестве получило определённое распространение. Обсуждение возможности цифрового контроля над населением в целях предотвра-

щения произвольного оставления жилища катализировало соответствующие негативные настроения.

– Ст. 12 запрещает *произвольное вмешательство в личную и семейную жизнь человека, а также посягательства на тайну корреспонденции, честь и репутацию*. Цифровой контроль рассматривается анти тоталитаристами как такого рода вмешательство. Развитие цифровых технологий, кроме того, даёт, как полагают многие, возможность лёгкого вскрытия электронной переписки. Появляются дополнительные инструменты компрометации человека, его шантажа. Анонимность публикаций в сети увеличивает также возможности для буллинга.

– Ст. 13 гарантирует *свободу передвижения, выбора местожительства*, предоставляет право выезда из любой страны, включая собственную, и возвращения в неё. Закрытие границ в 2020 г. фактически перечеркнули эти нормы. Непосредственно с цифровыми технологиями такие действия государств не связывались, но ассоциации с системой тоталитаризма были проведены многими. На уровне ведущих мыслителей говорится об обрушении модели «открытого общества».

– Ст. 18 *декларирует свободу мысли и совести, включая право исповедания любой религии и убеждений* как единолично, так и сообщая с другими. Однако религиозный терроризм и экстремизм привёл к попыткам взять под контроль определённые направления в религии, блокировать некоторые сайты. В фокусе такого контроля во время распространения идей джихадизма оказался в странах Запада ислам. Да и в отношении христианского религиозного дискурса в интернете как противоречащего принципам толерантности усматривались стремления установления цензуры с последствиями для адептов. Анти тоталитаристы заявляют о фактически осуществляемом попрании свободы совести в перспективе перехода к системе цифрового контроля.

– Ст. 19 утверждает *свободу убеждений человека и их выражения, а также полу-*

¹ Всеобщая декларация прав человека // ООН: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 01.12.2020).

чения и распространения информации. Казалось бы, интернет принципиально расширил в этом отношении возможности человека. Но последующее за этим расширением цензурирование интернета стало, по оценке антиавторитаристов, нарушением заявленного права. Блокирование и закрытие сайтов вступало в противоречие с декларируемой свободой поиска информации. Возможность мониторинга воззрений пользователей интернета дала в руки властям инструмент преследования за «неправильные» взгляды.

– Ст. 20 указывает на *право человека вступления в любые ассоциации и запрет принудительного вхождения в них*. Однако не все ассоциации оказываются политически желательными, и коммуникации ряда из них оказываются в условиях цифрового контроля блокируемыми. При этом распространяется практика автоматического включения человека в различные ассоциации на онлайн-платформах без его непосредственного волеизъявления.

– Ст. 21 раскрывает положение *о выборах как нефальсифицируемой процедуре, осуществляемой путём тайного голосования, обеспечивающего свободу волеизъявления*. Вызовом в свете декларируемого положения явилось проведение электронного голосования. Его критики указывали на расширение потенциальных возможностей фальсификации результатов, а также на вероятность нарушения принципа тайности. В качестве угрозы для реализации свободы выборов называлась также манипуляция сознанием избирателей через новые предвыборные технологии. Президентские выборы в США 2016 и 2020 г. предоставили определённые эмпирические основания для такой критики¹.

– Ст. 22 наделяет человека *правом на свободное развитие личности*. В описываемой антиавторитаристами системе цифрового контроля свободное развитие человека оказывается невозможным. В со-

ответствии с традицией антиутопий прошлого предполагается, что формирование сознания человека при появлении соответствующих технологических возможностей власти попытаются взять под свой контроль.

– Ст. 23 указывает среди прочих положений и на *право защиты трудящимися своих интересов через профессиональные союзы*. Цифровизация актуализирует вопрос о необходимости такого рода защиты. Очевидно, что внедрение новых технологий упразднит ряд прежних квалификаций и может привести к скачкообразному росту безработицы. Однако пока в повестке профсоюзов тема защиты трудящихся от рисков цифровизации не сформулирована с должной степенью резонансности.

– Ст. 24 гарантирует *право человека на отдых и досуг*. Между тем, при переходе к дистантным формам коммуникации соответствующие ограничения нарушаются. Исследования функционирования различных организаций показывают, что работодатели повсеместно в своих задачах для подчинённых выходят за рамки рабочего времени. Зачастую само рабочее время оказывается фактически отменено, и работник переводится в режим «полной занятости». Повсеместно имеют место коммуникации руководства с работником в выходные дни, во время отпуска, после окончания рабочего дня, что является сокращением интервала законного отдыха. В доцифровую эпоху возможности такого рода коммуникаций были ограничены по причине отсутствия мобильной связи, исчезновение же этого объективного препятствия порождает возможности для соответствующих нарушений.

– Ст. 26 предоставляет *право на получение образования, направленное на развитие личности*. Родители также имеют приоритетное право в выборе образования для малолетних детей. Нарушение заявленных прав было обнаружено во внедрении дистанционного формата обучения. Многие выразили скептическое отношение к данному формату в возможностях обеспечения через него именно личност-

¹ Расследование Das Magazin: как Big Data и пара ученых обеспечили победу Трампу и Brexit // The Insider: [сайт]. URL: <https://theins.ru/politika/38490> (дата обращения: 01.12.20).

ного развития человека. В частности, затруднительно развитие при отсутствии прямого социального взаимодействия учащегося со сверстниками. При том что, как показывают социологические опросы, подавляющее большинство родителей высказались против обучения онлайн, переход к нему в школах проводился без учёта их мнения.

– Ст. 27 указывает на *право человека участия в культурной и научной жизни*, а также говорит о *защите авторских прав*. О том, что авторские права в ситуации цифровизации оказываются менее защищёнными, заговорили уже относительно давно. Имеются сторонники позиции, что само авторское право в современных условиях развития является анахронизмом. Но актуализируется и другая тема: при переходе культурной и научной жизни в виртуальное пространство возникают ограничения для участия в них лиц, которых условно можно определить представителями «архаических групп» общества, круг которых, как показывают социологические опросы, по России остаётся все ещё значительным.

– Ст. 29 говорит о том, что *ограничения прав и свобод человека* должны иметь место только в тех случаях, когда речь идёт о реализации прав и свобод других, требования морали, общественном порядке и достижении общего благосостояния. Предложенная формулировка, в действительности, оставляла широкое пространство для интерпретаций о целесообразности ограничений. В понимании анти тоталитаристов подлинные цели цифрового контроля связаны с попыткой укрепления и абсолютизации власти управляющих элит, что не может быть оправдано общественными интересами.

Итак, анализ показал, что в сознании определённых групп населения существу-

ет представление о вероятном нарушении прав человека по значительному перечню позиций в условиях цифровых трансформаций. Для того чтобы дать ответ, действительно ли происходит нарушение прав человека, нужны специальные исследования по каждой из позиций. Но в любом случае общественная обеспокоенность должна быть учтена, и в тех случаях, когда она исходит из заблуждений, следует дать соответствующие разъяснения. Если же окажется, что права человека реально нарушаются по какой-либо из статей Всеобщей декларации или в совокупности, то следует ставить вопрос о совершенствовании механизмов правовой защиты в условиях цифровизации.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о высокой степени обеспокоенности общества в отношении возможности системного нарушения прав человека при реализации сценариев цифровизации общественных отношений. Эти угрозы распространяются на широкий перечень положений, входящих в классический пакет прав человека. Органам государственной власти и гражданского общества целесообразно оценить реальность обозначенных в общественном дискурсе рисков и угроз. В случае подтверждения их реальности необходимо приступить к разработке дополнительных защитных правовых механизмов применительно к ситуации цифровых трансформаций. Если же реальность угроз не будет подтверждена, реакция на обозначенную обеспокоенность общества должна состоять в проведении массовой разъяснительной и просветительской работы.

Статья поступила в редакцию 03.12.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. 303 с.
2. Багдасарян В. Э. Когнитивные матрицы манипулятивных технологий в войнах и революциях нового типа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 8–23.

3. Багдасарян В. Э. Матрицы общественного сознания. М.: Наше завтра, 2021. 416 с.
4. Багдасарян В. Э. Российское образование: выбор пути. М.: Отчий дом, 2019. 336 с.
5. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Окно Овертона – манипулятивная матрица политического менеджмента // *Обозреватель-Observer*. 2015. № 4 (303). С. 8–93.
6. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
7. Кара-Мурза С. Г., Александров А. А., Мурашкин М. А. Революции на экспорт. М.: Алгоритм-Эксмо, 2006. 298 с.
8. Пандемия COVID-19: конец привычного мира? / А. В. Абрамов, В. Э. Багдасарян, С. О. Бышок, С. В. Володенков, Д. Г. Евстафьев, В. Г. Егоров, Н. А. Комлева, Н. С. Крамаренко, А. В. Манойло, О. М. Михайленок, А. И. Петренко, В. Ф. Прокофьев // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*. 2020. № 2. <https://vestnik-mgou.ru> (дата обращения: 01.12.2020).
9. Цифровая цивилизация. Россия и «электронный» мир XXI века / А. А. Проханов, С. Ю. Глазьев, В. С. Овчинский, Е. С. Ларина, М. Калашников, А. А. Нагорный. М., 2018. 288 с. (Коллекция Изборского клуба).
10. Федорченко С. Н., Тедиков Д. О., Теслюк К. В., Маркарян Р. А. Международные отношения в сетевых компьютерных играх: риски и возможности реализации политики памяти // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2019. № 4. С. 269–273.
11. Фукуяма Ф. Конец истории? // *Вопросы философии*. 1990. № 3. С. 84–118.
12. Четверикова О. Н. Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России. М.: Книжный мир, 2020. 300 с.
13. Яблоков И. А. Теория заговора и современное историческое сознание (на примере американской исторической мысли): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Томск, 2010. 24 с.
14. Dreher R. *Live Not by Lies: A Manual for Christian Dissidents*. New York: Sentinel, 2020. 256 p.
15. Fielitz M., Marcks H. Digital Fascism: Challenges for the Open Society in Times of Social Mediaby // *Escholarship*: [сайт]. URL: <https://escholarship.org/uc/item/87w5c5gp> (дата обращения: 01.12.2020).
16. Hendricks V. F., Vestergaard M. Epilogue: Digital Roads to Totalitarianism // *Reality Lost: Markets of Attention, Misinformation and Manipulation* / Hendricks V. F., Vestergaard M., ed. Cham: Springer, 2019. P. 119–137.
17. Huizinga T. *The New Totalitarian Temptation: Global Governance and the Crisis of Democracy in Europe*. New York: Encounter Books, 2016. 272 p.

REFERENCES

1. Aron R. *Demokratiya i totalitarizm* [Democracy and totalitarianism]. Moscow, Tekst Publ., 1993. 303 p.
2. Bagdasaryan V. E. [Cognitive matrices of manipulative technologies in wars and revolutions of a new type]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political sciences], 2020, no. 1, pp. 8–23.
3. Bagdasaryan V. E. *Matritsy obshchestvennogo soznaniya* [Public Consciousness Matrices]. Moscow, Nashe zavtra Publ., 2021. 416 p.
4. Bagdasaryan V. E. *Rossiiskoe obrazovanie: vybor puti* [Russian education: choosing the path]. Moscow, Otchy dom Publ., 2019. 336 p.
5. Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N. [Overton window – manipulative matrix of political management]. In: *Obozrevatel-Observer* [The Observer], 2015, no. 4 (303), pp. 8–93.
6. Iorgensen M. V., Fillips L. Dzh. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis. Theory and method]. Kharkov, Gumanitarnyi tsentr Publ., 2008. 352 p.
7. Kara-Murza S. G., Aleksandrov A. A., Murashkin M. A. *Revolutsii na eksport* [Revolutions for export]. Moscow, Algoritm-Eksmo Publ., 2006. 298 p.
8. Abramov A. V., Bagdasaryan V. E., Byshok S. O., Volodenkov S. V., Evstafev D. G., Egorov V. G., Komleva N. A. et al. [Covid 19 pandemic: the end of the familiar world?]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (Elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2020, no. 2. Available at: <https://vestnik-mgou.ru> (accessed: 01.12.2020).
9. Prokhanov A. A., Glazyev S. Yu., Ovchinsky V. S., Larina E. S., Kalashnikov M., Nagorny A. A. *Tsifrovaya*

- tsivilizatsiya. Rossiya i «elektronnyi» mir XXI veka [Digital civilization. Russia and the «electronic» world of the XXI century]. Moscow, 2018. 288 p.
10. Fedorchenko S. N., Tedikov D. O., Teslyuk K. V., Markaryan R. A. [International Relations in Networked Computer Games: Risks and Opportunities for Implementing a Memory Policy]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2019, no. 4, pp. 269–273.
  11. Fukuyama F. [The end of history?]. In: *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 1990, no. 3, pp. 84–118.
  12. Chetverikova O. N. *Tsifrovoy totalitarizm. Kak eto delaetsya v Rossii* [Digital totalitarianism. The way it is done in Russia]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2020. 300 p.
  13. Yablokov I. A. *Teoriya zagovora i sovremennoi istoricheskoe soznanie (na primere amerikanskoi istoricheskoi mysli): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Conspiracy theory and modern historical consciousness (on the example of American historical thought): abstract of PhD thesis in History sciences]. Tomsk, 2010. 24 p.
  14. Dreher R. *Live Not by Lies: A Manual for Christian Dissidents*. New York, Sentinel, 2020. 256 p.
  15. Fielitz M., Marcks H. Digital Fascism: Challenges for the Open Society in Times of Social Mediaby. In: *Escholarship*. Available at: <https://escholarship.org/uc/item/87w5c5gp> (accessed: 01.12.2020).
  16. Hendricks V. F., Vestergaard M. Epilogue: Digital Roads to Totalitarianism. In: Hendricks V. F., Vestergaard M., ed. *Reality Lost: Markets of Attention, Misinformation and Manipulation*. Cham, Springer, 2019, pp. 119–137.
  17. Huizinga T. *The New Totalitarian Temptation: Global Governance and the Crisis of Democracy in Europe*. New York: Encounter Books, 2016. 272 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Наталья Николаевна – аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, начальник управления по развитию инновационных молодежных программ и профориентации Дипломатической академии МИД России;
e-mail: nnpopovoi@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya N. Popova – Post-graduate student, Department of Legal Theory and Interdisciplinary Studies of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Head of Department for Youth Innovative Programs Development and Career Guidance, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry;
e-mail: nnpopovoi@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Попова Н. Н. Реализация прав человека в фокусе угроз представлений о «цифровом тоталитаризме»: дискурс-анализ в контексте трансформации правосознания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 1. С. 25–37.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-25-37

FOR CITATION

Popova N. N. Realization of Human Rights in the Focus of Threats of Perceptions of "Digital Totalitarianism": Discourse Analysis in the Context of Legal Consciousness Transformation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 1, pp. 25–37.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-25-37

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

УДК 342.41 (93.430)

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-38-48

КОНСТИТУЦИЯ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ

Беляев М. П.

Российский университет кооперации

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 12/30, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть взаимодействие и взаимовлияние Конституции Священной Римской империи и религиозного фактора во время Тридцатилетней войны.

Процедура и методы. На основании изучения Конституции Империи предпринята попытка определить причины и сущность Тридцатилетней войны.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод, что в оправдании военных действий религия в Тридцатилетней войне играла небольшую роль. Борьба шла вокруг содержания имперской Конституции, в которой религиозные права были неотъемлемой частью. Эти права впоследствии были гарантированы Вестфальским миром.

Теоретическая и/или практическая значимость. На основе уже имеющихся фактов автору удалось по-новому взглянуть на причины и сущность Тридцатилетней войны, в основе которой лежал конституционный конфликт.

Ключевые слова: Аугсбургский мир, имперские чины, католики, протестанты

THE HOLY ROMAN EMPIRE CONSTITUTION AND THE RELIGIOUS FACTOR IN THE THIRTY YEARS' WAR

M. Beljaev

Russian University of Cooperation

12/30, Very Voloshinoy ul., Mytischy, 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract

Aim. To examine the interaction and mutual influence of the Constitution of the Holy Roman Empire and the religious factor during the Thirty Years War.

Methodology. Based on the study of the Constitution of the Empire, an attempt was made to determine the causes and essence of the Thirty Years War.

Results. Based on the results of the study, it is concluded that religion in the Thirty Years War didn't play an important role in justifying military actions. It was the content of the imperial constitution which was the center of the struggle, religious rights being an integral part of it. These rights were subsequently guaranteed by the Peace of Westphalia.

Research implications. Based on the facts already available, the author managed to take a fresh look at the causes and essence of the Thirty Years War, which was based on a constitutional conflict.

Keywords: Peace of Augsburg, imperial estates, Catholics, Protestants

Введение

В ходе Реформации в Западной Европе возникли различные течения западного христианства. Решающим шагом для становления конфессиональной идентичности стало противостояние и размежевание церквей. Главным и самым острым вопросом этого размежевания стала не теологическая полемика, а проблема религиозной войны [4, с. 86].

Тридцатилетняя война явилась крупным политическим и религиозным конфликтом в Священной Римской империи. Религиозной она была только до 1635 г. Затем светские проблемы получили приоритет, когда католическая Франция вмешалась в войну на стороне протестантской Швеции против католического императора и его союзника-лютеранина, саксонского курфюрста. Конституционные проблемы оставались центральными в течение всей войны. Противостояние затягивалось из-за невозможности их разрешения. Вторжение иностранных армий оправдывалось поддержкой одной из сторон, которая по своему интерпретировала спорные пункты Конституции. В конце концов все стороны приняли компромисс, основанный на вариантах, которые могли быть осуществлены в самом начале войны [8, с. 432; 11, р. 474–475].

Основные положения имперской Конституции

Аугсбургский религиозный мир 1555 г. на момент начала Тридцатилетней войны был важнейшим конституционным актом Священной Римской империи. Он прекратил межконфессиональные конфликты между католиками и протестантами. С заключением Аугсбургского мира общественно-политические и собственно конфессиональные отношения в немецких землях начали эволюционировать в направлении правового регулирования спорных вопросов. В основе этого конституционного акта лежал принцип «чья власть, того и вера», который передавал решение религиозных вопросов территориальным князьям и тем

самым санкционировал развитие местных протестантских церквей. Аугсбургский религиозный мир дополнил положения позднесредневековой Конституции Империи как аристократической ассоциации [2, с. 45, 94; 10, р. 137–138; 12, р. 29].

Религиозный мир относится только к имперским чинам, а не к их подданным. Последние должны были подчиняться своей территориальной власти: если они этого не хотели, им была гарантирована свобода эмиграции. Эмигранты имели право вывезти часть своего имущества. Опираясь на это положение, территориальные князья могли выдворять со своих земель подданных, исповедывающих иную религию. С другой стороны, протестанты, по крайней мере, добились принятия специальной декларации Фердинанда (будущего императора Фердинанда I) о своём праве проживать на территории католических духовных княжеств. Конечно, духовенство заявляло, что не связано с этой декларацией, выпущенной без их согласия [9, р. 38].

Аугсбургский мир был одновременно политическим и религиозным документом, в котором эти два элемента плохо сочетались. Светские элементы соседствовали с нормами, регулирующими конфессиональные вопросы. Религиозным вопросам были посвящены только 8 из 141 статьи. Споры о толковании статей Аугсбургского мира должны были осуществляться в надлежащем правовом русле. Он замыслился как часть конституционных реформ в области правосудия, обороны, полиции и денежно-кредитной политики. Решения Аугсбургского рейхстага 1555 г. были выдержаны в антицентралистском духе. Его недостатки, очевидные в то время, привели к ослаблению власти императора. Коренная проблема заключалась в признании де-факто религиозного раскола в то время, когда люди предпочитали универсальную веру. Множество религий было для них теологически неприемлемо. Могла существовать только одна истинная вера. Аугсбургский мир исключил теологические утверждения и предоставил равные права католическим и лютеранским им-

перским чинам, чтобы осуществлять право на реформацию или надзор за церковью на своих собственных территориях. Такие условия были приемлемы для умеренных, которые рассчитывали примирить конфессии через богословский компромисс, что современниками понималось как веротерпимость [2, с. 45; 11, р. 503–504].

Воинствующие настаивали на более острых различиях, но практически никто не подвергал сомнению законность мирного урегулирования. Споры о применении и толковании норм Аугсбургского мира велись по 3-м слагаемым:

- осуществление права реформации избранными правителями католических церковных княжеств;
- статус оставшейся церковной собственности в пределах лютеранских территорий;
- религиозная свобода для имперских городов, имперских рыцарей и отколовшихся меньшинств.

В рамках имперской судебной системы рассматривались вопросы о нарушении мира. Но эти так называемые религиозные дела не должны были затрагивать доктрину. Они касались только защиты конституционных и имущественных прав [11, р. 504–505].

Протестантские князья, которые управляли большинством крупных, более густонаселённых земель, уступали в численности меньшим, но более многочисленным католическим землям. Такая неустойчивость сразу не вызвала противоречий, поскольку Имперский камеральный суд, осуществляющий надзор за выполнением Аугсбургского мира, при вынесении решений по религиозным делам состоял из равного количества судей от обоих исповеданий. Однако деятельность суда контролировал Рейхстаг, в котором, как и в других имперских учреждениях, решения принимались большинством голосов. Таким образом, эта система осталась открытой для обвинений в предвзятости правосудия [11, р. 505].

Протестанты были недовольны решением конституционных проблем католи-

ческим большинством. В отличие от польских или венгерских дворян, немецкие князья не имели ясно сформулированного права на сопротивление и отстаивали возможность объединяться в ассоциации. Равновесие сил между императором и имперскими чинами ещё только формировалось, когда Реформация подняла вопрос религиозной свободы. Для католиков истинная свобода была достижима только в пределах их собственной универсальной церкви. Протестанты находились в политическом и демографическом меньшинстве. Они ссылались на Бога и Священное писание как на более высокие авторитеты, чем император и папа римский, которые угрожали исключить протестантов из числа участников установленного в Империи политического порядка. Ещё в 1530 г. в протестантизме оформилось учение, в котором право на сопротивление сочеталось с христианским повиновением и давалось определение справедливой войны. Такая война должна была соответствовать 3-м критериям: вестись согласно принятым нормам (правильное намерение), на достаточных юридических основаниях (правое дело) и быть направленной надлежащей властью. Правое дело было определено как оппозиция тирании, которая включала попытки властей вмешаться в «истинную религию», в то время как надлежащая власть должна быть ограничена имперскими чинами. Протестантская мысль, главным образом лютеранская, определяла сопротивление как форму убеждения, чтобы заставить своих равных правителей увидеть ошибку в своих действиях и раскаяться. Преобладало больше умеренных, светских представлений идеи сопротивления [11, р. 505–507].

После заключения Аугсбургского религиозного мира главными субъектами урегулирования спорных вопросов в XVI – начале XVII вв. оставались имперские чины, к которым относились аристократические круги немецкого общества – территориальная княжеская власть. Ведущую роль среди них играли курфюрсты, которые оказывали весьма существенное влияние на импе-

ратора. Коллегия курфюрстов воплощала консерватизм имперской Конституции и не допускала превращения Империи в административную или абсолютную монархию. Значительную роль в этом процессе сыграли имперские сословные собрания, особенно совещания курфюрстов [12, с. 29].

Важным следствием Аугсбургского мира 1555 г. являлось также продолжение начатых в 1530-е гг. имперских реформ. Крайстаги (собрания имперских округов) и имперские депутационные совещания стали заседать отдельно от рейхстагов, заменяя их частично или полностью и решая такие проблемы, как земельный мир и налоги, административное управление и чеканка монеты. На рейхстаге 1555 г. были приняты решения о том, что не имперские власти, а князья и имперские города должны собирать имперские налоги, например, турецкий налог. Многие рычаги власти оказались в руках территориальных князей, которые пытались ликвидировать привилегии и права подвластных им территорий. Но они были вынуждены считаться с участием в управлении земельных чинов, что можно считать историческим достижением последних. Императоры Фердинанд I и Максимилиан II были достаточно миролюбивыми и старались придерживаться политики веротерпимости, не посягая при этом на княжеский территориализм. Имперские чины получили теперь право собственного и совместного решения политических вопросов и несли ответственность за исполнение обязанностей по отношению к императору и Империи. Политическая система после Аугсбургского мира 1555 г. не означала возвращения к дуализму императора и имперских чинов. Она гарантировала имперский мир и сохранение средних и малых чинов, а также стабильность имперского союза в долговременной перспективе. На рубеже 80–90-х гг. XVI в. на смену поколению политиков, живших по принципам Аугсбургского религиозного мира, пришли правители, воспитанные в духе конфронтации, претензии которых привели в конце концов к Тридцатилетней войне [2, с. 94, 96].

Конституционный кризис в Империи в начале XVII в.

В период своего правления император Рудольф II (1576–1612) стремился к компромиссу между католиками и умеренными лютеранами, но в то же время проводил рекатолизацию архиепископства Кельнского, г. Аахена и г. Донауверта, что встретило сопротивление протестантских чинов. Материальные и политические последствия «Длинной турецкой войны» (1593–1606) способствовали конституционному кризису Империи, когда престиж габсбургской династии среди немецких князей упал. Рудольф попытался созвать новые рейхстаги в 1608 и 1613 гг. для решения вопроса о предоставлении помощи в войне с турками [3, с. 130; 11, р. 476].

Распространение протестантизма в габсбургских наследственных землях с начала 70-х гг. XVI в. способствовало неустойчивости династии, которая предоставила ограниченную свободу вероисповедания дворянам и городам взамен уплаты налогов, которые шли на содержание военной границы. Династическая борьба после 1606 г. привела к дальнейшим уступкам, включая Грамоту Величества, предоставленную чешским протестантам в 1608 г. Габсбурги попытались восстановить власть в своих наследственных землях. Эрцгерцог Штирии, ставший императором Фердинандом II в 1619 г., оказался проводником этой политики. Габсбургский католицизм стремился к централизации, ограничивая права сословий. Протестанты не оказывали сильного сопротивления, т. к. не доверяли установлениям Грамоты Величества, которая никак не сочеталась с реальным положением сословий. Рекатолизация проводилась кардиналом Мельхиором Клезлем, главным советником императора Маттиаса, в мирных рамках: существующие соглашения не отменялись, но интерпретировались через сужение прав сословий. Продвигая рекатолизацию в габсбургской Австрии, Клезль подчёркивал роль веры и закона в политике. Соглашения, заключённые с протестантами, были обязательны по закону и могли

быть пересмотрены только по взаимному согласию [11, р. 483, 485, 487].

Клезль безуспешно пытался достичь согласия между католической и протестантской партиями, чтобы сохранить Аугсбургский религиозный мир. Последние перед Тридцатилетней войной рейхстаги 1603, 1608 и 1613 гг. показали стремление католических чинов с помощью большинства решить конфессиональную проблему в Империи в свою пользу. Протестантские чинов сопротивлялись, апеллируя к Аугсбургскому миру. Имперские сословные совещания в обстановке усилившейся конфессиональной конфронтации практически бездействовали [3, с. 131; 7, с. 146].

Поляризация, сопровождаемая милитаризацией, достигла высшей точки в 1608 г., когда был создан Протестантский Союз немецких князей и городов, которому годом спустя стала противостоять Католическая Лига. Эти конфессиональные объединения не были предусмотрены имперскими законами. Им не удалось принять в свой состав большинство своих единомышленников среди имперских чинов, которые расценивали эти союзы как нарушение имперской Конституции и боялись, что членство в них приведёт к конфликтам. Обе организации представляли себя как поддержку конституционного порядка в то время, когда официальные органы были не в состоянии разрядить напряжённость. Название «Католическая Лига» придумали протестанты, вкладывая в него уничижительный характер и сравнивая её с позорной Лигой во французских религиозных войнах. Клезлю удалось распустить Лигу в 1617 г. Кардинал таким образом добивался компромисса по конфессиональным положениям имперской конституции. Но Лига была вновь восстановлена 2 года спустя в качестве уступки – взамен помощи Баварии императору против чешских мятежников [11, р. 478, 494–495, 499].

Все эти события можно представить как постепенный рост настороженности между двумя взаимно враждебными конфессиональными культурами, что неуклонно вело к войне. Историки XIX в. обозначили

это как «распад имперской конституции». Напряжённость переросла в войну, которая стала неизбежным следствием «отказа» от Аугсбургского мира 1555 г., который иногда называли «вооружённым перемирием». Парализующее воздействие имперской Конституции было снято, что и привело непосредственно к насилию [11, р. 477–478].

Имперская Конституция во время Тридцатилетней войны

Война, как известно, началась с чешского восстания. Как и первые протестанты, чехи открыто бросили вызов императору. Спустя 2 дня после Пражской дефенестрации 25 мая 1618 г. они издали свою «Апологию». В этом документе религиозные аргументы, оправдывающие восстание, занимают второе место. Главное то, что габсбургское правительство нарушило имперскую Конституцию и Грамоту Величества. Даже здесь критика направлена против «злых советников», чтобы позволить мятежникам утверждать, что они лояльны к императору. Важно отметить, что курфюрст Саксонии Иоганн Георг, лидер немецких протестантов, отверг не только эти конституционные требования, но и последующее обращение чехов к нему по религиозным мотивам. Протестантский курфюрст Пфальца Фридрих V принял предложенную ему чешскую корону. Император Фердинанд II расценил его претензии как «причину войны» [1, с. 109; 5, с. 207; 11, р. 508].

По условиям Аугсбургского мира князья имели право изменять веру своих подданных. Начало войны усугубило эту проблему. Сложная ситуация складывалась, когда военные силы одного вероисповедания захватывали территории, население которых исповедовало другую веру. Победа католиков над чешскими протестантами в 1620 г. сделала возможным продолжение политики рекатолизации в целях укрепления монархической власти и сохранения единства наследственных земель Габсбургов. Император Фердинанд II (1619–1637) был истовым католиком и находился под влиянием своих советников-иезуитов. Он ак-

тивно защищал интересы католической церкви и выступал за усиление её позиций в рамках Империи [3, с. 131; 11, с. 484–486].

Когда спор о власти и влиянии в пределах Империи рассматривался через конфессиональную призму, сложные конституционно-правовые проблемы представляли как мировое противостояние добра и зла. Такие убеждения политиков, принимавших решения, оказались пагубными для сотен тысяч людей, втянутых в военный конфликт. Тогдашние политические и конституционные структуры не могли сдерживать правителей от вступления в войну, даже если слаборазвитая финансово-военная инфраструктура XVII в. делала успех неопределённым [11, р. 514].

После занятия Пфальца баварскими войсками, как и из габсбургских земель, из него были высланы протестантское духовенство и учителя. Но недавно ставший курфюрстом Максимилиан Баварский боялся запрещать прежнее вероисповедание, пока его новое владение не было легализовано через дарение императором. И Максимилиан, и Фердинанд основывали свои действия на имперском законе, ссылаясь на «право реформации» (*ius reformatandi*), предоставленное большинству имперских чинов Аугсбургским миром. Право на реформацию, которое до поры до времени было неработающей нормой, стало использоваться католиками и протестантами в процессе конфессионализации. В габсбургских землях процесс рекатолизации сопровождался возвратом церковных земель духовенству [11, р. 487–488].

Но массовым конфискациям и изгнанию населения были пределы. Некоторые католики отказались участвовать в них, другие мучились в сомнениях, законно ли такое насилие, и задавались вопросом, грешили ли преступники, оправданно ли из-за убеждений отнимать их собственность. В публицистике звучали голоса, призывающие к компромиссу. В 1620 г. появились печатные издания, защищавшие мир и имперскую Конституцию как идеальную структуру. Германия являлась им как не-

винная жертва или как воплощение мира [11, р. 489–490].

Вершиной императорского могущества и контрреформации в Империи стало издание Фердинандом II Реституционного эдикта 1629 г., который должен был стать единственным легитимным толкованием Аугсбургского религиозного мира 1555 г. и предназначался для снижения межконфессиональной напряжённости. Но он стал серьёзной ошибкой императора. В какой-то момент для Фердинанда II религиозные вопросы, продвигаемые его советниками-иезуитами, получили приоритет над политическими интересами. Владения католической церкви, захваченные протестантскими князьями после Пассауского договора 1552 г., должны были быть возвращены прежним владельцам: 2-м архиепископам, 12-ти епископам и многим другим монастырям и аббатствам. Теперь только католики и лютеране могли свободно исповедовать свою религию. Представители других вероисповеданий, включая кальвинистов, оказывались вне закона [3, с. 131; 10, р. 344; 11, р. 496].

Протестанты выступили против эдикта, который был издан с нарушением имперской Конституции. Оказались нарушенными права имперских чинов на принятие законов и их суверенитет во внутренних делах. Императорский указ был принят в обход рейхстага и вторгался в сферу конфессионального и политического равновесия в Империи, предоставляя преимущества католикам. Реституционный эдикт оттолкнул от императора Саксонию за несколько месяцев до шведского вторжения. Фердинанд II не собирался активизировать деятельность имперских сословных совещаний, особенно рейхстага, хотя и не стремился к ликвидации имперской конституции. Он периодически консультировался с курфюрстами, прежде всего католическими. С переходом титула курфюрста в 1623–1648 гг. от Пфальца к Баварии позиции католических курфюрстов заметно усилились [3, с. 131–132; 11, р. 496].

Это укрепление власти императора вызвало серьёзную реакцию как внутри

Германии и католического мира, так и на международной арене. На Регенсбургском совещании курфюрстов в июле–ноябре 1630 г. дело дошло до спора между Максимилианом Баварским и императором. Первый видел опасность для положения имперских князей в возвышении власти императора. Католические курфюрсты были недовольны политикой Фердинанда II. Их протестантские коллеги настаивали на том, что Реституционный эдикт нарушает равные права конфессий, установленные Аугсбургским религиозным миром. Собравшись на свой конвент, протестантские чины выразили протест против эдикта. После высадки на севере Германии шведской армии короля Густава II Адольфа (1611–1632) католики были вынуждены пойти на переговоры, опасаясь объединения германских протестантов со шведами. Император обещал курфюрстам не начинать новые войны без их совета и согласия [3, с. 133; 10, р. 344–345].

Швеция и Франция оправдывали своё вмешательство в Тридцатилетнюю войну защитой «немецких свобод» против «габсбургской тирании». Это было больше, чем простая риторика. Оба государства видели гарантию безопасности в незыблемости имперской Конституции, которая определяла статус императора как первого среди равных. Фердинанд II пытался уладить спор в 1630 г. (нератифицированным) Регенсбургским соглашением с Францией, которое завершило конфликт о Мантуанском наследстве, Любекским миром с Данией 1629 г. и Реституционным эдиктом. Цель императора была сохранить завоевания, которые Габсбурги сделали в ходе первой половины войны, и исключить имперские чины из переговоров со Швецией или Францией [11, р. 508].

Влияние религии на характер Тридцатилетней войны: конституционный аспект

Религия оказывала определённое влияние на обсуждения о вступлении в войну и на официальные оправдания отказа от

неё, но этот фактор не был главным. Есть свидетельство, что Густав Адольф, возможно, разделял некоторые воинственные провиденциалистские взгляды, многие из его утверждений кажутся загадочными. Шведская монархия в представлении многих немцев была защитницей протестантизма. Манифест Густава Адольфа, выпущенный, чтобы оправдать высадку в Померании в 1630 г., подчёркивал, что Швеция идёт защищать конституционные права имперских чинов, она пренебрегает местью за обиды протестантов, и дело мира находится в руках имперских дипломатов. Религия оставалась зависимой от политических соображений. Канцлер Аксель Оксеншерн, несмотря на принадлежность к полностью конфессионализированному поколению, в речи о политике Густава Адольфа перед шведским государственным советом в 1637 г. заявил, что призыв к защите протестантской веры был нацелен лишь на широкую публику. Швеция вмешалась в Тридцатилетнюю войну в 1630 г. не только по этой причине. Корона не преследовала бы религиозные цели в ущерб своей стране [11, р. 483, 502].

Протестанты предприняли попытку восстановить довоенное положение, но она закончилась поражением Швеции в 1634 г. Неясные намерения шведского правительства состояли то ли в узурпации имперской власти в завоёванных областях, то ли в их присоединении к Швеции, то ли в членстве в шведском союзе. Католическое духовенство и учителя были высланы из оккупированных территорий или оштрафованы, но их конгрегациям разрешили сохранить некоторые из церквей. Вместо того чтобы подавлять католицизм на завоёванных духовных территориях, шведы предоставили равные права лютеранским меньшинствам в надежде на скорый переход остальной части населения в эту веру. Церковная собственность и имущество сбежавших католических дворян были перераспределены между шведскими и немецкими чиновниками вместо платы за работу. Конфессионализация была установлена в соответствии с условиями со-

юза с Францией, которая обязала Швецию уважать права католиков в Германии. Протестантские союзники перестали доверять шведам как защитникам их прав. Они подозревали, что это уловка для получения контроля над их внутренними делами [11, р. 488].

По условиям заключённого 30 мая 1635 г. Пражского мира император отказывался от исполнения эдикта 1629 г. на 40 лет, гарантировал неприкосновенность собственности по состоянию на 1627 г., что для католиков было очень выгодно. С другой стороны, это был мнимый успех конституционного плана Фердинанда II, ибо отказ чинов от сепаратных союзов и т. д. не был реализован. Сам же император не мог установить монархическую форму правления в Империи. Почти все имперские чины присоединились к миру [3, с. 133; 10, р. 345].

На своём Регенсбургском совещании 1636–1637 гг. курфюрсты сопротивлялись монархическим устремлениям Фердинанда II. Они умело использовали «Золотую Буллу» и защищали сословные свободы от габсбургско-династической политики императора. Фердинанд III по рекомендации своих советников решился в 1640 г. созвать рейхстаг в Регенсбурге, который стал первым и единственным, проведённым во время Тридцатилетней войны. Между императором и курфюрстами, как и между католическими и протестантскими курфюрстами, существовали значительные противоречия. Дебаты развернулись по первому же пункту о восстановлении имперского мира, в рамках которого был поставлен вопрос об амнистии всех чинов [3, с. 133–134].

В 1644 г. открылся Вестфальский мирный конгресс. Конфессиональные проблемы составляли часть пакета конституционных реформ, разработанных, чтобы ограничить власть императора, предотвратить в дальнейшем оказание им помощи Испании против Франции и угрозу территориальным приобретениям Швеции. В дополнение к 5 млн талеров для оплаты армии шведская корона получила полови-

ну Померании и бывшие духовные земли Бремена и Фердена. Другие секуляризованные духовные княжества предоставлялись в качестве компенсации Бранденбургу, который также предъявлял права на Померанию. Фердинанд III дал согласие на франко-шведское требование в сентябре 1645 г. об участии имперских чинов в переговорах. Хотя эта уступка и явилась отказом от цели Габсбургов с 1630 г. сплотить всех немцев для сопротивления иностранным захватчикам, но была правильным решением. После этого имперские чины потеряли интерес к франко-шведскому предложению подорвать власть императора в пределах Империи [11, р. 510].

Религия оставалась зависимой от решения конституционных вопросов во время Вестфальских мирных переговоров. Инструкции, данные испанским и французским посланникам, содержали почти идентичные фразы о необходимости мира для всего христианства. Конфессиональный антагонизм не был, однако, главной причиной задержки переговоров. «Протестантская проблема» Пфальца и Чехии как бы пропала в 1623 г., когда Фердинанд II передал земли Фридриха V и звание курфюрста Максимилиану Баварскому. Со смертью Фридриха в 1632 г. исчезло главное препятствие. Английский король, чьим родственником являлся курфюрст Пфальца, в 1640-е гг. был не в состоянии выразить протест. Другие государства использовали судьбу Пфальца и чешских изгнанников как способ давления на императора и Максимилиана Баварского [11, р. 509].

На Вестфальском конгрессе имперские чины требовали исполнения Аугсбургского религиозного мира 1555 г. и соблюдения сословных и религиозных свобод. Протестанты повторили требования кассировать Реституционный эдикт, хотя католики поначалу пытались его отстаивать. В мае 1648 г. курфюрст Майнца взял на себя инициативу решения внутренних дел Империи. Имперские чины буквально принудили императора подписать мир. В результате сторонам удалось

достичь конституционного компромисса, выработанного имперскими дипломатами, который повлёк за собой пересмотр права на реформацию и установил конфессиональные границы в Империи по состоянию на 1 января 1624 г. [3, с. 132–133, 135; 11, р. 510].

Права князей были ограничены. Теперь подданные не должны были следовать за примером своих правителей, которые установили вероисповедание после указанной даты. По состоянию на 1624 г. допускались религиозные меньшинства, которые могли доказать законные права на вероисповедание на указанную дату. Представители других конфессий могли быть высланы только после уведомления через 3 года, и никому нельзя было отказать в лечении, образовании или похоронах на религиозных основаниях. Императору предоставили освобождение от этого правила. Он мог продолжить довоенную политику рекатолизации в своих наследственных землях (с частичным исключением Силезии) и стабилизации власти [11, р. 511].

Вестфальский мир не принёс ни государственной раздробленности, ни княжеского абсолютизма. Ст. VIII Оснабрюкского договора (составной части Вестфальского мира) закрепляла порядок отношений императора и сословий, возникший и утвердившийся в XVI в. Чтобы конституция не предполагала никаких споров, все курфюрсты, князья и чины получали высшую власть в собственных владениях, но не суверенитет в смысле Ж. Бодена. Ядро «территориального права» формировалось из старых прерогатив, привилегий, пожалований и регалий. Мир гарантировал сословные свободы, но не делал из имперских чинов суверенных правителей [3, с. 135; 6, с. 423–424].

Вестфальский мир не изменил правовых механизмов Аугсбургского мира. Сохранялся традиционный характер Империи как оборонительного союза и аристократической ассоциации территориальных государств, основанной на ленном праве и верховенстве императора. Империя оставалась иерархической,

поскольку право на реформацию сохранялось далеко не у всех. Ограниченные привилегии были предоставлены городам и рыцарям. Кальвинисты, несмотря на оппозицию Саксонии, получили права, сопоставимые с правами лютеран и католиков, но свобода совести не была формально признана. Кроме того, Империя оставалась священной в том смысле, что была исключительно христианской. Еврейские меньшинства по-прежнему зависели от особых усмотрений императора или князей. Имперская Конституция вновь включила религиозные положения, не определяя доктрины. Теперь все стороны могли обратиться к ней, чтобы узаконить свои действия. В этом смысле Конституция восприняла гуманистический идеал XVI в. «общего отечества», стоящего над сектантством. Аугсбургский мир включил лютеран в политические рамки, тесно связанные с дореформационным универсальным католицизмом. 30 лет насилия позволили им добиться равноправия и гарантировать их свободы. Взаимная ненависть была смягчена в результате перехода споров от абстрактных понятий и выяснения истины в последней инстанции к точной интерпретации конкретных прав, которые защищались в судебном или административном порядке. Таким образом, в XVIII в., когда большинство субъектов Империи всё ещё управлялись католиками, протестанты стали самыми горячими защитниками имперской Конституции [3, с. 135; 11, р. 511–512].

Заключение

Тридцатилетняя война была религиозной в том смысле, что все стороны считали веру и церковь общим благом, которое стремились защитить. Но это общее благо имело мало отношения к решению вопросов войны и мира. Правители консультировались с богословами по правовым проблемам, как это делал Фридрих V, прежде чем принять корону Чехии, или Фердинанд II, когда разрабатывался Реституционный эдикт. Правители также были осведомлены о теологических дискуссиях. Их вера

оказывала влияние на принятие некоторых решений. Однако никакая сторона не утверждала, что вела священную войну, и религия играла небольшую роль в оправдании военных действий, которые были направлены на защиту сословных и политических прав. Борьба шла вокруг содержания имперской Конституции, в которой

религиозные права были неотъемлемой частью. Эти права были впоследствии гарантированы Вестфальским миром, ставшим конституционным законом Империи [11, p. 512–513].

Статья поступила в редакцию 07.12.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивонин Ю. Е. Конфессионализация, глобальный кризис и начало Тридцатилетней войны // Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 105–118.
2. Ивонин Ю. Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее новое время 1495–1806. Т. 1. М.: РКонсульт, 2004. 461 с.
3. Ивонин Ю. Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее новое время 1495–1806. Т. 2. Ч. 2. М.: РКонсульт, 2009. 335 с.
4. Мюлинг К. Понятие «религиозная война» и формирование конфессий // «Время молчания прошло!» Пять веков Реформации в меняющемся мире. СПб.: Алетейя, 2019. С. 86–103.
5. Мюнклер Г. Новые войны. О возвращении одной исторической модели // Логос. 2019. № 3. С. 181–216.
6. Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб., 2008. 483 с.
7. Прокопьев А. Ю. Тридцатилетняя война под взглядом политолога // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. 2018. № 1. С. 139–168.
8. Юсим М. А. Парадоксы в Тридцатилетней войне // Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 429–439.
9. Bornhak C. Deutsche Verfassungsgeschichte vom Westfälischen Frieden an. Stuttgart: Enke, 1934. 460 p.
10. Kluting H. Das Konfessionelle Zeitalter 1525–1648. Stuttgart: Ulmer, 1989. 444 p.
11. Wilson P. H. Dynasty, Constitution, and Confession: The Role of Religion in the Thirty Years War // The International History Review. 2008. № 3. P. 473–514.
12. Каріков С. Аугсбурзький релігійний мир як рубіжний пункт лютеранської конфесіоналізації в Німеччині // Вісник Київського національного університету. Історія. 2011. Вип. 106. С. 27–29.

REFERENCES

1. Ivonin Ju. E. [Confessionalization, the global crisis and the beginning of the Thirty Years War]. In: *Tri daty tragicheskogo pjatidesjatiletija Evropy (1598–1618–1648): Rossija i Zapad v gody Smuty, religioznyh konfliktov i Tridcatiletnej vojny* [Three dates of the tragic fiftieth anniversary of Europe (1598–1618–1648): Russia and the West during the Time of Troubles, religious conflicts and the Thirty Years War]. Moscow, IVI RAN Publ., 2018, pp. 105–118.
2. Ivonin Ju. E. *Universalizm i territorializm. Staraja imperija i territorial'nye gosudarstva Germanii v rannee novoe vremja 1495–1806. T. 1* [Universalism and Territorialism. The Old Empire and the Territorial States of Germany in the Early Modern Age 1495–1806. Vol. 1]. Moscow, RKonsult Publ., 2004. 461 p.
3. Ivonin Ju. E. *Universalizm i territorializm. Staraja imperija i territorial'nye gosudarstva Germanii v rannee novoe vremja 1495–1806. T. 2. Ch. 2* [Universalism and Territorialism. The Old Empire and the Territorial States of Germany in the Early Modern Age 1495–1806. Vol. 2. P. 2]. Moscow, RKonsult Publ., 2009. 335 p.
4. Mjuling K. [The concept of «religious war» and the formation of confessions]. In: *«Vremja molchanija proshlo!» Pjat vekov Reformacii v menjajushhemsja mire* [«The time of silence is over!» Five centuries of the Reformation in the changing world]. St. Petersburg, Aletejja Publ., 2019, pp. 86–103.
5. Mjunkler G. [New wars. On the return of one historical model]. In: Logos, 2019, no. 3, pp. 181–216.
6. Prokopev A. Ju. *Germanija v jepohu religioznogo raskola. 1555–1648* [Germany in the era of religious schism. 1555–1648]. St. Petersburg, 2008. 483 p.

7. Prokopen A. Ju. [The Thirty Years War under the eyes of a political scientist]. In: *Proslogion: Problemy social'noj istorii i kul'tury srednih vekov i rannego novogo vremeni* [Proslogion: Problems of Social History and Culture of the Middle Ages and Early Modern Times], 2018, no. 1, pp. 139–168.
8. Jusim M. A. [Paradoxes in the Thirty Years War]. In: *Tri daty tragicheskogo pjatidesjatiletija Evropy (1598–1618–1648): Rossija i Zapad v gody Smuty, religioznych konfliktov i Tridcatiletnej vojny* [Three dates of the tragic fiftieth anniversary of Europe (1598–1618–1648): Russia and the West during the Time of Troubles, religious conflicts and the Thirty Years War]. Moscow, IVI RAN Publ., 2018, pp. 429–439.
9. Bornhak C. *Deutsche Verfassungsgeschichte vom Westfälischen Frieden an*. Stuttgart, Enke, 1934. 460 p.
10. Kluting H. *Das Konfessionelle Zeitalter 1525–1648*. Stuttgart, Ulmer, 1989. 444 p.
11. Wilson P. H. Dynasty, Constitution, and Confession: The Role of Religion in the Thirty Years War. In: *The International History Review*, 2008, no. 3, pp. 473–514.
12. Karikov S. [Augsburg religious peace as a milestone in Lutheran confessionalization in Germany]. In: *Visnik Kiivskogo nacionalnogo universitetu. Istorija*. [Bulletin of Kyiv National University. History], 2011, iss. 106, pp. 27–29.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляев Михаил Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры правоведения Российского университета кооперации;
e-mail: babek-han@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail P. Beljaev – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Law, Russian University of Cooperation;
e-mail: babek-han@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Беляев М. П. Конституция Священной Римской империи и религиозный фактор в Тридцатилетней войне // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 1. С. 38–48.

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-38-48

FOR CITATION

Beljaev M. P. The Holy Roman Empire Constitution and the Religious Factor in The Thirty Years War. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 1, pp. 38–48.

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-38-48

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.7

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-49-55

ОГРАНИЧЕНИЯ И ЛИШЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Колосова Н. М.

*Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
117218, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, д. 34, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследовать теорию и практику допустимых избирательных прав. Проанализировать научные споры о соотношении категорий «ограничение» и «лишение» прав человека. Рассмотреть допустимые пределы ограничения избирательных прав граждан.

Процедура и методы. Использовались методы компаративистики, системного анализа, обобщения и моделирования.

Результаты. Высказано критичное отношение к полномочиям федерального законодателя относительно возможности установления ограничений избирательных прав. Сделан вывод, что полномочия законодателя должны быть ограничены прямым действием Конституции Российской Федерации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты могут быть использованы в научно-исследовательских целях, а также законодателем и правоприменителем.

Ключевые слова: лишение прав, ограничение прав, избирательные права, Конституционный Суд РФ, прямое действие Конституции РФ

RESTRICTIONS AND DEPRIVATIONS OF ELECTORAL RIGHTS: GENERAL AND SPECIFIC

N. Kolosova

*Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34, B. Cheremushkinskaya ul., Moscow, 117218, Russian Federation*

Abstract

Aim. To investigate the theory and practice of permissible electoral rights. Analyze the scientific debate about the correlation between the categories «restriction» and «deprivation» of human rights. To consider the permissible limits of restricting the electoral rights of citizens.

Methodology. The methods of comparative studies, system analysis, generalization and modeling were used.

Results. A critical attitude was expressed towards the powers of the federal legislator regarding the possibility of establishing restrictions on electoral rights. It is concluded that the powers of the legislator should be limited by the direct action of the Constitution of the Russian Federation.

Research implications. The results can be used for research purposes, as well as by legislators and law enforcement bodies.

Keywords: deprivation of rights, restriction of rights, electoral rights, Constitutional Court of the Russian Federation, direct action of the Constitution of the Russian Federation

Введение

Актуальность темы настоящего исследования определяется необходимостью обеспечения конституционных ценностей, в числе которых основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы граждан, обороноспособность страны, безопасность государства и соблюдение конституционно предусмотренных пределов ограничения прав и свобод человека и гражданина в законодательстве и Конституции Российской Федерации [4, с. 37].

Значимость проблемы ограничения и лишения прав и свобод человека и гражданина также следует рассматривать через призму свободы как базиса правового государства. Этот момент во многом усиливает актуальность избранной темы настоящего исследования. Границы свободы предусмотрены Конституцией РФ, анализ которых позволит сформулировать научно обоснованные рекомендации. Важно и то, что конституционный принцип народовластия находит непосредственную реализацию именно в избирательных правах граждан РФ. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 3 Конституции Российской Федерации свободные выборы и референдум являются высшим непосредственным выражением власти народа.

Научные, законодательные и правоприменительные подходы о пределах ограничения прав и свобод

В юридической литературе не сложилось единого мнения о пределах ограничений конституционных прав и свобод человека и гражданина [2; 13; 15], включая избирательные права [5; 9]. Анализ названной проблемы и станет основной задачей настоящего исследования.

В России как в правовом демократическом государстве граждане имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей (ч. 1 ст. 32 Конституции РФ), в т. ч. право избирать и быть избранными в органы государственной власти и

органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме (ч. 2 ст. 32 Конституции РФ).

Вместе с тем допускается установление ограничений избирательных прав. Согласно ч. 3 ст. 32 Конституции РФ возможны запрет на занятие выборных должностей и лишение активного избирательного права недееспособных и содержащихся в местах лишения свободы на основании приговора суда граждан, а согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ возможно установление ограничений конституционных прав в целях защиты определённых конституционных ценностей.

Обратимся к содержанию статей Конституции РФ, в которых употребляются термины, используемые в процессе ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина. В этом аспекте следует отметить 2 категории: «ограничение» и «лишение», – которые используются в конституционных нормах в разных аспектах.

Понятие «ограничение» предусмотрено в ч. 2 ст. 19, ч. 2 ст. 23, ч. 3 ст. 55, ст. 56 Конституции РФ и определяется как допустимое, а понятие «лишение» предусмотрено в ч. 3 ст. 6, ч. 3 ст. 35, ч. 1 ст. 40, ч. 1 ст. 47 Конституции РФ и определяется как недопустимое.

Соответственно, когда речь идёт о пределах реализации конституционных прав и свобод, следует говорить только о возможных ограничениях.

Исходя из того, что в рамках данной статьи делается попытка проанализировать общее и особенное между «ограничением» и «лишением» избирательных прав, акцентируем внимание в первую очередь на содержании ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Следует отметить, что в юридической литературе до настоящего времени не сложилось единого мнения о допустимых случаях применения оснований, предусмотренных ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Однако остаётся неопределённым вопрос о допустимых пределах ограничения прав и свобод, а также о необходимости или отсутствии использования дополнительных

критериев для признания правомерности лишения конституционных прав и свобод человека и гражданина по сравнению с конституционно установленными основаниями ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина [7; 8; 10; 11; 14; 16].

Проанализируем конституционное измерение пределов ограничения прав человека. Для этого обратимся к практике Конституционного Суда РФ по вопросу об основаниях ограничения конституционных прав, т. к. именно в ней сформулированы допустимые пределы ограничения законодателя в сфере конституционных прав человека.

Наиболее полно общие критерии допустимых ограничений прав и свобод определены в Постановлении КС РФ от 30.10.2003 № 15¹. Суд в данном решении отмечает, что:

1) ограничения конституционных прав должны быть необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений;

2) в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существование того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания;

3) при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры;

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 44. Ст. 4358.

4) публичные интересы, перечисленные в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в т. ч. прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают самого существа конституционного права, т. е. не ограничивают пределов и применения основного содержания соответствующих конституционных норм.

Конституционный Суд РФ также в данном решении подчеркнул следующее: чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально определённой, точной, чёткой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения.

Несмотря на важность обозначенных моментов, иногда существует потребность их корректировки с учётом системного обобщения всех конституционных ценностей.

Анализ правовых позиций Конституционного Суда РФ свидетельствует о сложности выработки единых подходов в силу отсутствия единообразного понимания конституционных терминов в оценки их содержания. Следует отметить Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П², в котором было обозначено, что «право быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления, кото-

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.10.2013 № 20-П по делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3-2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова // Собрание законодательства РФ. 2013. № 43. Ст. 5622.

рое по смыслу ст. 3 и 32 Конституции РФ не сводится к участию гражданина в выборах, неразрывно связано с правом занимать публичную должность и тем самым осуществлять политическую власть, в т. ч. принимать нормативные правовые и правоприменительные акты, обязательные для других лиц. Соответственно, в отношении пассивного избирательного права могут вводиться более строгие, чем в отношении активного избирательного права ограничения, ведущие к исключению определённых категорий граждан из числа лиц, имеющих право претендовать на занятие выборной публичной должности».

Важно акцентировать внимание и на Постановлении Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П¹, где отмечается целесообразность законодательного ограничения избирательного права. На наш взгляд, данное решение вызывает ряд вопросов. Обратимся к аргументам КС РФ: федеральный законодатель правомочен, руководствуясь принципами обоснованности и соразмерности (пропорциональности), предусмотреть иные ограничительные условия осуществления избирательных прав в той мере, в какой это необходимо в целях защиты определённых в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ конституционных ценностей.

Важно также учитывать конституционное требование о прямом действии Конституции РФ, что означает возможность ограничения конституционных прав исключительно путём конкретизации положений. При этом особое значение имеет системная взаимосвязь конституционных предписаний. Соответственно, пределы ограничения избирательных прав должны формироваться, исходя из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ в системной взаимосвязи

с ч. 3 ст. 32 Конституции РФ. Важно учитывать тот факт, что выходить за пределы конституционного смысла содержания данной конституционной нормы недопустимо. Иначе создаются условия для необоснованного и произвольного расширения ограничения избирательных прав, а в некоторых случаях и вообще их лишения. Другими словами, в ч. 3 ст. 32 Конституции РФ определены 3 аспекта – формы реализации избирательных прав, пределы ограничения и допустимые формы лишения избирательных прав, а в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ установлены условия ограничения и для лишения, и для умаления, и для отрицания, и для отмены прав и свобод человека и гражданина.

Подчёркнём, что в условиях глобализации и цифровизации данный вопрос становится более острым и требует решения [1; 6].

Правомерность ограничения избирательных прав

Неправомерные ограничения и тем более лишения избирательных прав могут существенно умалить права человека и власть народа как совокупности граждан РФ. Исходя из этого, важно минимизировать ограничения избирательных прав, максимально соблюдая при этом конституционные требования. Основной критерий – устранение из избирательного корпуса граждан РФ, которые могут исказить коллективную волю народа. Именно эта цель предусмотрена в ч. 3 ст. 32 Конституции: лишение избирательных прав граждан РФ, признанных судом недееспособными. В ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации содержится и иная цель ограничения избирательных прав – наказание для тех, кто по решению суда находится в местах лишения свободы. Для достижения данной цели существуют особые способы.

В юридической литературе высказывается позиция о том, что следует различать лишение и ограничение прав и свобод человека и гражданина [12]. Подчёркивается, что лишение избирательного права долж-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 17. Ст. 248.

но быть исключительно индивидуализированным [3]. Лишение и ограничение конституционных прав обеспечиваются принудительными средствами государства и направлены на формирование пределов реализации основных прав, только пределы в одном случае индивидуально определяемы, в другом – являются общими.

Если говорить об ограничении избирательных прав, то следует обратить внимание на одну из существенных проблем: целесообразно ли гражданам, которые в силу ряда причин (отсутствие образования, правовой культуры и др.) не могут объективно оценить политическую ситуацию и осознать свои интересы, предоставлять избирательные права? Правоведы предлагают разные варианты устранения определённой группы граждан из избирательного корпуса. Например, есть идея о введении образовательного ценза. Однако все существующие позиции не соответствуют Конституции РФ. Можно предложить иной вариант, когда нормы Конституции РФ не будут нарушаться. Как было отмечено выше, речь идёт о конкретизации конституционного понятия «недееспособность», одним из видов которой можно признать правовую недееспособность. В этом случае такого рода недееспособные граждане РФ не смогут участвовать в голосовании, и предлагаемые ограничения избирательных прав будут соответствовать ч. 3 ст. 32 Конституции РФ. Полагаем, что обозначенное выше решение проблемы позволит в процессе голосования приблизиться к реальному волеизъявлению народа.

Таким образом, избирательные права граждан могут быть существенно ограничены лишь тогда, когда гражданин признаётся судом недееспособным и, соответственно, лишается возможности реализовывать свои права и свободы. Те граждане, которые признаны судом недееспособными, вполне обосновано могут быть устранены из избирательного корпуса, т. к. их неосознанные действия могут исказить коллективную волю народа. Поэтому лишение избирательных прав граждан РФ, признанных судом в правовом смысле недееспособными, соответствует Конституции Российской Федерации, если это будет предусмотрено в законодательстве.

Заключение

Лишение прав и свобод человека и гражданина является одним из видов их ограничений. Соответственно, это их объединяет. В то же время лишение как крайняя форма ограничений может применяться только в случаях, прямо предусмотренных Конституцией Российской Федерации. Это обусловлено необратимыми последствиями для конституционных прав и свобод. Речь идёт об исключении конкретного права из перечня прав и свобод человека и гражданина. Граждане могут быть лишены избирательного права только в рамках ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации.

Статья поступила в редакцию 11.11.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авакьян С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23–28.
2. Алешкова И. А. К вопросу о правовых и неправовых основаниях ограничения права на свободу передвижения // Образование и право. 2016. № 7. С. 82–85.
3. Гельдибаев М. Х., Мальцагов И. Д. Лишение избирательных прав в качестве наказания // Вестник Чеченского государственного университета. 2019. Т. 36. № 4. С. 117–122.
4. Колосова Н. М. Прямое действие Конституции Российской Федерации и ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в контексте судебной практики // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 36–47.
5. Колюшин Е. И. Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений. М.: Норма, 2012. 384 с.
6. Колюшин Е. И. Правовые пробелы дистанционного электронного голосования избирателей // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 25–30.

7. Кондрашев А. А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 40–47.
8. Крусс В. И. Институт субфедерального законотворчества в Российской Федерации: состоятельность и перспективы конституционной модернизации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 45–54.
9. Кузнецова О. В. Принцип всеобщности и разумности ограничения пассивных избирательных прав // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. № 3. Т. 20. С. 346–353.
10. Лазарев В. В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема // Журнал российского права. 2009. № 9. С. 35–47.
11. Лапаева В. В. Критерии ограничения прав человека с позиций либертарной концепции право понимания // Журнал Российского права. 2006. № 4. С. 103–115.
12. Лапаева В. В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) // Журнал российского права. 2005. № 7. С. 13–23.
13. Маюров П. Н. Ограничение избирательных прав в странах Западной Европы XIX в. // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 2. С. 54–57.
14. Таева Н. Е. К вопросу о конституционности норм, ограничивающих пассивное избирательное право граждан, осужденных когда-либо к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 9. С. 1080–1088.
15. Умнова-Конюхова И. А. Национальное правосудие и международное правосудия: теория и практика взаимодействия в публично-правовых отношениях (принципы государственности и прав человека). М.: РГУП, 2020. 324 с.
16. Zaitseva E. R., Panchenko V. Yu. Restrictions of Constitutional Rights and Freedoms and Legal Obstacles in Their Implementation // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. № 8. P. 1576–1579.

REFERENCES

1. Avakyan S. A. [Information space of knowledge, digital world and constitutional law]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and municipal law], 2019, no. 7, pp. 23–28.
2. Aleshkova I. A. [On the issue of legal and non-legal grounds for restricting the right to freedom of movement]. In: *Obrazovanie i pravo* [Education and law], 2016, no. 7, pp. 82–85.
3. Geldibaev M. Kh., Maltsagov I. D. [Deprivation of suffrage as punishment]. In: *Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chechen State University], 2019, vol. 36, no. 4, pp. 117–122.
4. Kolosova N. M. [Direct action of the Constitution of the Russian Federation and limitation of constitutional rights and freedoms of man and citizen in the context of judicial practice]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 8, pp. 36–47.
5. Kolyushin E. I. *Vybory i izbiratel'noe pravo v zerkale sudebnykh reshenii* [Elections and suffrage in the mirror of court decisions]. Moscow, Norma Publ., 2012. 384 p.
6. Kolyushin E. I. [Legal gaps of distance electronic voting of voters]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and municipal law], 2020, no. 2, pp. 25–30.
7. Kondrashev A. A. [Limitations of constitutional rights in the Russian Federation: theoretical approaches and political and legal practice]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and municipal law], 2014, no. 7, pp. 40–47.
8. Kruss V. I. [Institute for Subfederal Lawmaking in the Russian Federation: Consistency and Prospects of Constitutional Modernization]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and municipal law], 2020, no. 1, pp. 45–54.
9. Kuznetsova O. V. [The principle of universality and reasonableness of restriction of passive electoral rights]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Proceedings of Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Law], 2020, no. 3, vol. 20, pp. 346–353.
10. Lazarev V. V. [Limitation of rights and freedoms as a theoretical and practical problem]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2009, no. 9, pp. 35–47.
11. Lapaeva V. V. [Criteria for limiting human rights from the standpoint of the libertarian concept of the right of understanding]. In: *Zhurnal Rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2006, no. 4, pp. 103–115.

12. Lapaeva V. V. [The problem of limiting the rights and freedoms of man and citizen in the Constitution of the Russian Federation (experience of doctrinal comprehension)]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2005, no. 7, pp. 13–23.
13. Mayurov P. N. [Restriction of voting rights in Western European countries of the 19th century]. In: *Probely v rossiiskom zakonodatelstve* [Gaps in Russian legislation], 2018, no. 2, pp. 54–57.
14. Taeva N. E. [On the question of the constitutionality of the norms limiting the passive electoral right of citizens who have been sentenced to imprisonment for committing grave and (or) especially grave crimes]. In: *Aktualnye problemy rossiiskogo prava* [Current problems of Russian law], 2013, no. 9, pp. 1080–1088.
15. Umnova-Konyukhova I. A. *Natsionalnoe pravosudie i mezhdunarodnoe pravosudiya: teoriya i praktika vzaimodeystviya v publichno-pravovykh otnosheniyakh (printsipy gosudarstvennosti i prav cheloveka)* [National justice and international justice: theory and practice of interaction in public law relations (principles of statehood and human rights)]. Moscow, RGUP Publ., 2020. 324 p.
16. Zaitseva E. R., Panchenko V. Yu. Restrictions of Constitutional Rights and Freedoms and Legal Obstacles in Their Implementation. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2015, no. 8, pp. 1576–1579.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колосова Нина Михайловна – доктор юридических наук, главный научный сотрудник отдела конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; e-mail: kolosova-law@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nina M. Kolosova – Dr. Sci. (Law), Chief Researcher, Constitutional Law Department, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; e-mail: kolosova-law@mail.ru

---

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колосова Н. М. Ограничения и лишения избирательных прав: общее и особенное // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 1. С. 49–55. DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-49-55

FOR CITATION

Kolosova N. M. Restrictions and Deprivations of Electoral Rights: General and Specific. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 1, pp. 49–55. DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-49-55

УДК 342.4

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-56-62

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КВОРУМ: СУЩНОСТЬ, ПОНЯТИЕ, ТИПОЛОГИЯ

Коновальчикова С. С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Сибирский институт управления (филиал)
630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Сформулировать основные теоретические положения о конституционном кворуме.

Процедура и методы. Использованы методы формальной логики (анализ, систематизация, классификация), а также формально-юридический метод и метод системного анализа юридических явлений.

Результаты. Выявлена сущность конституционного кворума, определена цель его установления, сформулировано авторское определение. На основании изучения Конституций европейских государств и Российской Федерации предложена классификация конституционных кворумов и их структура.

Теоретическая значимость. Выработка основных теоретических положений о конституционном кворуме, несомненно, обогащает научные представления о народном представительстве, парламентаризме и конституционной демократии.

Ключевые слова: конституционный кворум, большинство, парламент, народное представительство, условное количество, контрасигнатура, парламентаризм

CONSTITUTIONAL QUORUM: THE ESSENCE, DEFINITION AND TYPOLOGY

S. Konovalchikova

*Siberian Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
6, Nizhegorodskaya ul., Novosibirsk, 630102, Russian Federation*

Abstract

Aim. To formulate the main theoretical provisions on the constitutional quorum.

Methodology. The research was carried out using the methods of formal logic (analysis, systematization, classification), using the formal legal method and the method of system analysis of legal phenomena.

Results. The research result includes the author's concept of the constitutional quorum, the essence, purpose, and structure of the constitutional quorum. Based on the study of the Constitutions of European States and the Constitution of the Russian Federation, the classification of constitutional quorums and their structure are proposed.

Research implications. New knowledge about constitutional quorums will enrich the scientific understanding of popular representation, parliamentarism, and constitutional democracy.

Keywords: constitutional quorum, majority, Parliament, popular representation, conditional number, countersign, parliamentarism

Введение

Конституция Российской Федерации в ряде статей закрепляет требования к количеству голосов парламентариев каждой из палат Федерального Собрания Российской Федерации: в ст. 93 – 2/3 голосов для принятия решения об отрешении Президента Российской Федерации от должности, в ст.ст. 105, 107 и 108 – большинство, 2/3 или 3/4 для принятия федеральных конституционных законов и федеральных законов, в ст. 125 – 1/5 для инициативы осуществления конституционного контроля, в ст.ст. 134, 135 и 136 – 3/5 для инициативы пересмотра Конституции Российской Федерации. Возникает закономерный вопрос, откуда берутся эти кворумы?

Сущность и понятие конституционного кворума

Разберёмся с терминологией. В конституционном праве при изучении деятельности парламента принято использовать термин «большинство» – простое, абсолютное, квалифицированное. В. Е. Чиркин предлагает то большинство, которое закреплено в Конституциях, называть «конституционным большинством» [8]. В других исследованиях для определения аналогичных явлений используется термин «кворум» [5].

Обратимся к лингвистическому толкованию слова «кворум». Кворум – «это число участников собрания, заседания, достаточное для признания его правомочности»¹. Это слово (лат. *quorūm taxīta pars*) переводится как «большая часть которых»². Кворум в конституционном праве представляет собой «определённую численность членов (депутатов) представительного органа государственной власти или органа местного самоуправления, иного коллегиального органа, при наличии которой заседание органа считается правомочным либо орган вправе принимать ре-

шения, входящие в его компетенцию» [1]. Учитывая приведённое определение, ключевой дефиницией понятия является количество лиц для определения правомочности их собрания и принятия решений. Отметим, что это очень узкое понимание, которого абсолютно недостаточно для раскрытия сущности кворумов, устанавливаемых в Конституциях.

Конституции демократических государств основываются на том, что вся власть принадлежит народу. Народ может осуществлять эту власть непосредственно путём референдума либо через своих представителей, которых он выбирает на свободных выборах в состав парламента. В своё время М. Вебер писал: «Парламент должен иметь определённый минимум внутреннего согласия, что является предпосылкой его продолжительного господства. ... Ибо наипервейшая государственно-политическая опасность массовой демократии заключается в возможности подавляющего преобладания эмоциональных элементов в политике. Холодный и ясный ум побеждает при принятии ответственных решений тем больше, чем меньше количество участников обсуждения и чем определённое ответственность каждого вырисовывается для него самого и для тех, чьим вождём он является» [4, с. 107–108].

Парламент призван реализовать волю народа, которая закреплена в тексте Конституции. Центральная функция парламента заключается в выражении интересов большинства в обществе [3]. Коллегиальный характер деятельности парламента влечёт определённые риски.

В И. Ерыгина пришла к выводу, что «парламентское государство построено на сложно-структурированном обществе, раздираемом внутренними идейными противоречиями. Парламентаризм предполагает наличие конкуренции, политической борьбы, столкновения мнений, что само по себе таит опасность раскола общества, вражды, частой смены правительства и правителей» [6, с. 455]. Но, если парламент представляет собой средоточие разнонаправленных и борющихся инте-

¹ Ожегова С. И. Толковый словарь. М.: Мир и образование, 2015. 1375 с.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Астрель, АСТ, 2007.

ресов, как заставить его принимать государственные решения? Для этих целей и устанавливается кворум, некое условное количество, которое должно, с одной стороны, обезопасить парламент от принятия нелегитимных решений, а с другой стороны, не допустить блокирования деятельности парламента. Такое «условное большинство» [2] в парламенте, выраженное посредством кворума, по сути, является правовой фикцией¹.

Итак, кворумы, которые закреплены в Конституциях, мы предлагаем определять как *конституционные кворумы*. Установление конституционного кворума преследует различные цели. Прежде всего, это ограничение принятия решения меньшинством. Размер кворума должен свидетельствовать о соблюдении принципа единства власти, выражения единой воли всего народа. С помощью конституционного кворума обеспечивается легитимность принимаемых решений, что способствует поддержанию стабильности в государстве.

Учитывая сказанное, предлагаем под конституционным кворумом понимать установленное в Конституции (Основном законе) количественное / численное значение, условно отражающее волю большинства, достижение которого необходимо для принятия легитимного решения по основополагающим государственным вопросам.

Типология конституционных кворумов

На основе анализа Конституций европейских государств и Российской Федерации возможно представить типологию конституционных кворумов.

¹ По нашему мнению, кворум отвечает признакам юридической фикции, предложенным О. В. Танимовым [7]. Юридическая фикция предполагает признание несуществующего положения существующим и, наоборот, имеет особое целевое назначение в механизме правового регулирования общественных отношений, является одним из способов преодоления состояния неопределённости в правовом регулировании. Её признаками являются универсальность, закрепление в нормах права, неопровержимость, заведомая условность, формальность и проч.

В основание такой типологии нами положен критерий типичности для всех Конституций (в том или ином виде) и индивидуальности, т. е. встречаемости в некоторых Конституциях. Соответственно, мы выделяем 2 основные группы: типичные конституционные кворумы и индивидуальные конституционные кворумы. Типичные конституционные кворумы, как мы полагаем, необходимы для поддержания стабильности конституционного строя, а индивидуальные конституционные кворумы в большинстве отражают систему конституционных ценностей того или иного государства. Далее в каждой из этих групп мы выделяем подгруппы по характеру основополагающего государственного вопроса. Предлагаемая типология имеет следующий вид.

1. Типичные конституционные кворумы

– Кворум по вопросам ответственности:

- выдвижение обвинения против президента²: Российская Федерация, Австрия, Финляндия, Греция, Исландия, Ирландия, Португалия, Германия;
- привлечение к ответственности государственных лиц (министров, депутатов, сенаторов, членов правительства, судей, членов правительства земли, автономного сообщества)³: Австрия, Бельгия, Финляндия, Швеция, Испания, Германия;
- вотум недоверия, резолюция порицания (правительству, премьер-министру)⁴: Австрия, Греция,

² Ст. 93 Конституции РФ; ст. 68 Федерального конституционного закона Австрии; ст. 113 Конституции Финляндии; ст. 49 Конституции Греции; ст. 11 Конституции Исландии; ст. 10 Конституции Ирландии; ст. 130 Конституции Португальской Республики; ст. 61 Основного закона Федеративной Республики Германии.

³ Ст. 57 Федерального конституционного закона Австрии; ст. 59 Конституции Бельгии; ст. 30 Конституции Финляндии; ст. 8 гл. 4 Конституции Швеции; ст.ст. 102.1, 155 Конституции Королевства Испании; ст.ст. 44, 98 Основного закона Федеративной Республики Германии.

⁴ Ст. 74 Федерального конституционного закона Австрии; ст. 84 Конституции Греции; ст. 94

Италия, Испания, Португалия, Германия, Франция;

- роспуск (законодательного органа)¹: Австрия, Бельгия.

– *Кворум по процедурным вопросам*:

- правомочность заседания органа²: Финляндия, Швеция, Швейцария;
- правомочность принятия решения: Австрия, Бельгия, Дания, Греция, Исландия, Италия, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Испания, Португалия, Швейцария, Германия³;
- открытое / закрытое заседание⁴: Австрия, Бельгия, Греция, Ирландия, Нидерланды, Норвегия, Испания, Италия, Германия;
- созыв внеочередной сессии / заседания⁵: Австрия, Дания, Италия,

Испания, Португалия, Швейцария, Германия, Франция.

– *Кворум по вопросу пересмотра Конституции*⁶: Российская Федерация, Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Греция, Исландия, Ирландия, Италия, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Испания, Португалия, Швейцария, Германия, Франция.

– *Кворум по вопросам законодательного процесса*:

- для внесения закона⁷: Австрия, Италия, Нидерланды;
- для принятия закона⁸: Российская Федерация, Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Италия, Норвегия, Швеция, Испания, Португалия, Швейцария, Франция;
- для повторного рассмотрения в случае отклонения⁹: Российская

Конституции Итальянской Республики; ст. 112 Конституции Королевства Испании; ст. 194 Конституции Португальской Республики; ст.ст. 67, 68 Основного закона Федеративной Республики Германии; ст. 49 Конституции Французской Республики.

¹ Ст. 100 Федерального конституционного закона Австрии; ст. 46 Конституции Бельгии.

² Ст. 67 Конституции Финляндии; ст. 4 гл. 7 Конституции Швеции; ст. 159 Конституции Швейцарии.

³ Ст.ст. 31, 37 Федерального конституционного закона Австрии; ст. 53 Конституции Бельгии; ст. 50 Конституции Королевства Дании; ст. 67 Конституции Греции; ст. 53 Конституции Республики Исландии; ст. 64 Конституции Итальянской Республики; ст. 67 Конституции Королевства Нидерландов; ст. 27 Конституции Королевства Норвегии; ст. 5 гл. 4 Конституции Швеции; ст. 79 Конституции Королевства Испании; ст. 116 Конституции Португальской Республики; ст. 159 Конституции Швейцарии; ст. 42 Основного закона Федеративной Республики Германии.

⁴ Ст. 32 Федерального конституционного закона Австрии; ст. 47 Конституции Бельгии; ст. 66 Конституции Греции; ст. 15 Конституции Ирландии; ст. 66 Конституции Королевства Нидерландов; ст. 84 Конституции Королевства Норвегии; ст. 80 Конституции Королевства Испании; ст. 64 Конституции Итальянской Республики; ст.ст. 42, 52 Основного закона Федеративной Республики Германия.

⁵ Ст. 28 Федерального конституционного закона Австрии; ст. 39 Конституции Королевства Дании; ст. 62 Конституции Итальянской Республики; ст. 73 Конституции Королевства Испании; ст. 174 Конституции Португальской Республики; ст. 151 Конституции Швейцарии; ст.ст. 39, 18 Основного закона Федеративной Республики Германии; ст. 29

Конституции Французской Республики.

⁶ Ст.ст. 134, 135, 136 Конституции Российской Федерации; ст. 44 Федерального конституционного закона Австрии; ст.ст. 195, 198 Конституции Бельгии; ст. 88 Конституции Королевства Дании; ст. 73 Конституции Финляндии; ст. 110 Конституции Греции; ст. 81 Конституции Республики Исландии; ст. 47 Конституции Ирландии; ст. 138 Конституции Итальянской Республики; ст.ст. 137, 138 Конституции Королевства Нидерландов; ст. 112 Конституции Королевства Норвегии; ст. 15 гл. 8 Конституции Швеции; ст.ст. 167, 168 Конституции Королевства Испании; ст. 284 Конституции Португальской Республики; ст.ст. 51, 138, 139 Конституции Швейцарии; ст. 79 Основного закона Федеративной Республики Германии; ст. 89 Конституции Французской Республики.

⁷ Ст. 41 Федерального конституционного закона Австрии; ст. 71 Конституции Итальянской Республики; ст. 84 Конституции Королевства Нидерландов.

⁸ Ст.ст. 105, 108 Конституции Российской Федерации; ст. 30 Федерального конституционного закона Австрии; ст. 78 Конституции Бельгии; ст. 20 Конституции Королевства Дании; ст. 41 Конституции Финляндии; ст. 123 Конституции Итальянской Республики; ст. 76 Конституции Королевства Норвегии; ст. 16 гл. 8 Конституции Швеции; ст. 81 Конституции Королевства Испании; ст. 112 Конституции Португальской Республики; ст. 165 Конституции Швейцарии; ст. 46 Конституции Французской Республики.

⁹ Ст. 107 Конституции Российской Федерации; ст. 42 Федерального конституционного закона Австрии; ст. 78 Конституции Финляндии; ст. 42 Конституции Греции; ст. 90 Конституции Королевства Испании; ст. 136 Конституции Португальской Республики; ст. 77

Федерация, Австрия, Финляндия, Греция, Испания, Португалия, Германия;

- передача закона на народное голосование¹: Австрия, Дания, Ирландия.

Кворум по вопросам компетенции (передача полномочий, наделение полномочиями, избрание, образование органов)²: Нидерланды, Норвегия, Австрия, Бельгия, Финляндия, Греция, Исландия, Ирландия, Италия, Швеция, Испания, Португалия, Франция.

2. Индивидуальные конституционные кворумы

– *Кворум по вопросу проведения референдума³*: Австрия, Греция, Ирландия, Италия, Швейцария.

– *Кворум по международным вопросам⁴*: Финляндия, Греция, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Франция.

– *Кворум по территориальным вопросам⁵*: Бельгия, Греция, Германия.

– *Кворум по вопросам конституционного контроля⁶*: Российская Федерация, Австрия, Португалия, Франция.

– *Кворум по вопросам войны, чрезвычайного положения, причинения вреда⁷*: Австрия, Бельгия, Греция, Швеция, Испания, Германия.

Как правило, по субъекту конституционные кворумы представлены кворумами для парламента (инициатива или согласие), кворумами для народа (инициатива или одобрение), кворумами для административно-территориальных субъектов государства (инициатива или подтверждение / ратификация).

Размер и структура конституционного кворума

Размеры конституционных кворумов достаточно вариативны: 1/10, 2/3, 3/4, 5/6, простое большинство, абсолютное большинство, квалифицированное большинство, единогласно. При этом следует отметить, что повышенный размер устанавливается для кворума ответственности и кворума пересмотра Конституции. Полагаем, указанные кворумы имеют градительный характер. Это связано с необходимостью не допустить возможных злоупотреблений при изменении политического расклада сил, с обеспечением стабильности. Остальные конституционные кворумы в большей части имеют характер одобрения. Наиболее редким является размер конституционного кворума «единогласно», и встречается он только в ст. 148 Конституции Бельгии для принятия решения о закрытости заседания парламента, на котором рассматриваются дела о политических преступлениях и преступлениях прессы.

Основного закона Федеративной Республики Германии.

¹ Ст. 43 Федерального конституционного закона Австрии; ст. 42 Конституции Королевства Дании; ст. 27 Конституции Ирландии.

² Ст. 127 Федерального конституционного закона Австрии; ст.ст. 35, 41, 82, 87 Конституции Бельгии; ст.ст. 38, 61 Конституции Финляндии; ст. 32 Конституции Греции; ст. 8 Конституции Республики Исландии; ст. 12 Конституции Ирландии; ст. 83 Конституции Итальянской Республики; ст. 30 Конституции Королевства Нидерландов; ст.ст. 13, 36 Конституции Королевства Норвегии; ст. 2 гл. 6 Конституции Швеции; ст.ст. 99, 150, 159 Конституции Королевства Испании; ст. 178 Конституции Португальской Республики; ст. 7 Конституции Французской Республики.

³ Ст. 45 Федерального конституционного закона Австрии; ст. 44 Конституции Греции; ст. 47 Конституции Ирландии; ст. 75 Конституции Итальянской Республики; ст.ст. 141, 142 Конституции Швейцарии.

⁴ Ст.ст. 94, 95 Конституции Финляндии; ст. 28 Конституции Греции; ст. 91 Конституции Королевства Нидерландов; ст. 93 Конституции Королевства Норвегии; ст. 5 гл. 10 Конституции Швеции; ст. 54 Конституции Французской Республики

⁵ Ст.ст. 4, 5 Конституции Бельгии; ст. 27 Конституции Греции; ст. 29 Основного закона Федеративной Республики Германии.

⁶ Ст. 125 Конституции Российской Федерации; ст. 140 Федерального конституционного закона Австрии; ст. 279 Конституции Португальской Республики; ст. 61 Конституции Французской Республики.

⁷ Ст. 98 Федерального конституционного закона Австрии; ст. 54 Конституции Бельгии; статьи 27, 48 Конституции Греции; ст. 13 Конституции Швеции; ст. 116 Конституции Королевства Испании; ст. 115a, 115e, 115h Основного закона Федеративной Республики Германии.

Конституционные кворумы имеют определённую структуру. Следует выделять кворумы: количество поданных голосов, количество присутствующих членов парламента, количество присутствующих членов парламента / поданных голосов. Наиболее определённым, способствующим максимальной легитимности решения, на наш взгляд, является кворум, имеющий структуру «количество присутствующих / поданных голосов». Однако встречаются сложно-структурные конституционные кворумы – кворумы с контрасигнатурой¹, которые дополнительно требуют одобрения народом или административно-территориальными субъектами государства. Например, ст. 60 Федерального конституционного закона Австрии устанавливает конституционный кворум для отстранения от должности президента: решение парламента принимается при присутствии не менее половины членов и большинством в 2/3 поданных голосов, при условии получения одобрения на народном голосовании. В ст. 11 Конституции Республики Исландии установлен конституционный кворум для возбуждения уголовного преследования против президента: с согласия парламента, принятого 3/4 членов, а также с одобрения большинством голосов на референдуме. Сложно-структурный конституционный кворум установлен в ст. 136 Конституции Российской Федерации для принятия поправок к гл.гл. 3–8. Ст. 138 Конституции Итальянской Республики устанавливает сложно-структурный кво-

рум для изменения Конституции: закон, изменяющий Конституцию, одобряется абсолютным большинством членов каждой палаты парламента, а затем выносится на народный референдум, где он должен быть одобрен большинством признанных действительными голосов. Аналогичный по структуре кворум установлен в ст. 132 Конституции Итальянской Республики для принятия решения о слиянии существующих областей или о создании новых областей: инициатива должна исходить от муниципальных советов, представляющих не менее 1/3 заинтересованного населения, и если такое предложение одобрено на референдуме большинством того же населения.

Заключение

Предложенные теоретические положения о сущности, понятии и типологии конституционных кворумов позволяют расширить научные представления о народном представительстве, парламентаризме и конституционной демократии. В отношении Конституции Российской Федерации отметим, что закреплённые в её тексте конституционные кворумы являются прежде всего инструментом поддержания стабильности и защиты конституционного строя. При этом использование сложно-структурных конституционных кворумов следует рассматривать как гарантию федерализма.

Статья поступила в редакцию 15.12.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авакьян С. А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. 656 с.
2. Арановский К. В. Разделение властей как условие конституционной демократии // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 6. С. 16–21.
3. Безруков А. В. Парламентское право и парламентские процедуры в России: учеб. пособие. М.: Юстицинформ, 2015. 164 с.

¹ Указанную дефиницию мы используем в соответствии с предложенным Ю. А. Дмитриевым понятием контрасигнатуры (лат. contra – против + signare – подписывать), т. е. одобрение решения вышестоящего органа государственной власти субъектами Российской Федерации или народным голосованием / референдумом (См.: Конституция Российской Федерации: научно-практический комментарий (постатейный) / М. П. Авдеенкова, Н. И. Беседкина, А. Н. Головистикова и др.; под ред. Ю. А. Дмитриева. М.: Юстицинформ, 2007. 616 с.).

4. Вебер М. Власть и политика. М.: РИПОЛ классик, 2020. 432 с.
5. Джангирян Ж. Д. Легитимная государственная власть как гарант конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 8. С. 4–12.
6. Ерыгина В. И. Риски парламентской модели народного представительства // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 455–458.
7. Танимов О. В. Теория юридических фикций. М.: Проспект, 2016. 223 с.
8. Чиркин В. Е. О точности использования термина «конституционное большинство» (частные замечки) // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 24–26.

REFERENCES

1. Avakyan S. A. *Konstitutsionnyi leksikon: Gosudarstvenno-pravovoi terminologicheskii slovar* [The constitutional lexicon: State-legal terminology dictionary]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2015. 656 p.
2. Aranovsky K. V. [Separation of powers as a condition of constitutional democracy]. In: *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of Constitutional Justice], 2012, no. 6, pp. 16–21.
3. Bezrukov A. V. *Parlamentskoe pravo i parlamentskie protsedury v Rossii* [Parliamentary law and parliamentary procedures in Russia]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2015. 164 p.
4. Veber M. *Vlast i politika* [Power and politics]. Moscow, RIPOL Classic Publ., 2020. 432 p.
5. Dzhangiryan Zh. D. [Legitimate state power as a guarantor of constitutionalism]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and municipal law], 2013, no. 8, pp. 4–12.
6. Erygina V. I. [Risks of the parliamentary model of popular representation]. In: *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal engineering], 2019, no. 13, pp. 455–458.
7. Tanimov O. V. *Teoriya yuridicheskikh fiktsii* [The theory of legal fictions]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 223 p.
8. Chirkin V. E. [On the accuracy of using the term «constitutional majority» (private notes)]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and municipal law], 2017, no. 1, pp. 24–26.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коновальчикова Софья Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
e-mail: zsnso@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sofia S. Konovalchikova – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
e-mail: zsnso@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коновальчикова С. С. Конституционный кворум: сущность, понятие, типология // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 1. С. 56–62.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-56-62

FOR CITATION

Konovalchikova S. S. Constitutional Quorum: The Essence, Definition and Typology. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 1, pp. 56–62.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-56-62

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК.343.97

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-63-71

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАПРЕТ КАК МЕРА ПРОФИЛАКТИКИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ, СОЗДАЮЩЕГО УГРОЗУ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Борцов В. В.¹, Нудель С. Л.²

¹Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел РФ
664047, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110, Российская Федерация

²Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
117218, г. Москва, Большая Черемушkinsкая ул., д. 34, Российская Федерация
Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел РФ
121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Разработать предложения и рекомендации, направленные на развитие мер профилактики дорожно-транспортных преступлений.

Процедура и методы. Проведён анализ действующего российского и зарубежного законодательства в области обеспечения безопасности дорожного движения, документов стратегического планирования, научных работ по теме исследования. В работе использовались логико-юридический и общенаучные методы.

Результаты. Проведённый анализ выявил недостатки модели профилактики дорожно-транспортных преступлений, классификации угроз безопасности дорожного движения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят теоретический и практический вклад в развитие системы мер профилактики дорожно-транспортных преступлений.

Ключевые слова: дорожно-транспортная преступность, угроза безопасности, уголовно-правовой запрет, криминализация, пенализация

CRIMINAL LEGAL BAN AS A MEASURE FOR PREVENTING PUBLIC DANGEROUS BEHAVIOR THREATENING ROAD SAFETY: STATEMENT OF THE QUESTION

V. Bortsov¹, S. Nudel²

¹East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
110, Lermontova ul., Irkutsk, 664047, Russian Federation

²Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34, Bolshaya Cheremushkinskaya ul., Moscow, 117218, Russian Federation
All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
25-1, Povarskaya ul., Moscow, 121069, Russian Federation

Abstract

Aim. To develop proposals and recommendations aimed at the development of measures for road traffic crimes prevention.

Methodology. The analysis of the current Russian and foreign legislation in the field of road safety, strategic planning documents, scientific papers on the research topic is carried out. During the research, general scientific methods and logical-legal method were applied.

Results. The analysis revealed the shortcomings of the model for the prevention of road traffic crimes, threats to road safety.

Research implications. The results of the study make a theoretical and practical contribution to the development of a system of measures for preventing the road traffic crimes.

Keywords: road traffic crime, security threat, criminal law prohibition, criminalization, penalization

Введение

Вопросам повышения безопасности дорожного движения уделяется особое внимание как в России, так и в мире в целом. За последние 7 лет в Российской Федерации удалось добиться стабильного снижения дорожно-транспортной преступности и аварийности и, как результат, травматизма и смертности. На протяжении значительного периода времени государством проводятся мероприятия, направленные на улучшение безопасности дорожного движения: происходит реализация второго этапа федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в Российской Федерации в 2013–2020 годах»¹, которая сменила федеральную целевую программу «Повышение безопасности дорожного движения в Российской Федерации в 2006–2012 годах»; утверждена Стратегия безопасности дорожного движения в РФ на 2018–2024 гг.; изменён правовой инструментарий: ужесточены меры административной и уголовной ответственности за нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, проведён ряд технических мероприятий.

В то же время, несмотря на принимаемые меры, направленные на предупреждение причин и условий дорожно-транс-

портных происшествий (ДТП), Россия продолжает находиться в числе неблагоприятных стран по уровню аварийности, уступая, в т. ч., Китаю, Бразилии, Индии, Мексике². Сложившаяся обстановка остаётся сложной, свидетельствует об актуальности поиска дополнительных мер по обеспечению безопасности дорожного движения вплоть до установления новых уголовно-правовых запретов.

Предпосылки введения нового уголовно-правового запрета

подавляющее большинство правоведов сходятся во мнении, что для криминализации запрещаемое деяние должно быть общественно-опасным, нести угрозы личности, обществу, государству³. Общественная опасность деяния состоит в том, что оно причиняет или создаёт угрозу причинения определённого вреда общественным отношениям⁴. Как отмечает А. И. Коробеев, уголовным законом запрещаются те или иные деяния, потому что они являются общественно опасными. Деяния не становятся общественно опасными из-за запрета, они изначально несут угрозу общественным отношениям⁵.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 27.10.2012 № 1995-р О Концепции федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 45. Ст. 6282.

² Россия в мировом рейтинге смертей в результате ДТП // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/world_ranking_road_traffic_deaths (дата обращения: 17.10.2020).

³ Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 106–107.

⁴ Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 60.

⁵ Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая по-

Значит, для повышения безопасности дорожного движения путём выработки мер уголовного-правового воздействия необходимо определить перечень таких деяний, которые можно признать общественно опасными, создающими угрозу причинения вреда значимым общественным отношениям и которые сами по себе, без привязки к определённым последствиям, нарушают условия существования определённой системы мер, направленных на поддержание безопасности в этой сфере человеческой деятельности.

М. В. Бавсун, говоря о принятии и отмене уголовно-правовых норм, обратил внимание на целесообразность, которая зависит от общественной опасности деяния и его влияния на общественное сознание и процессы, происходящие в обществе, его распространённости, степени тяжести последствий, яркой антисоциальной направленности как деяния, так и лица, совершившего данное деяние [3, с. 12].

Для формирования перечня таких деяний, представляющих общественную опасность в сфере дорожного движения, но ещё не криминализованных, необходимо учитывать состояние, причины и условия дорожно-транспортной преступности, определить понятие угрозы общественным отношениям.

Согласно толковому словарю С. И. Ожегова, угроза – это «возможная опасность», а безопасность – «состояние, при котором существует защита от опасности»¹, т. е. защита от опасности, которая может принести несчастье или причинить какой-либо вред.

В настоящее время «безопасность» определяется как «состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (далее – граждане), достойные качество и уровень их жизни, суверени-

тет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации», а термин «угроза национальной безопасности – совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам»².

В Федеральном законе № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» термин «безопасность дорожного движения» определён как «состояние данного процесса, отражающее степень защищённости его участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий»³.

Для общего анализа рассмотрим определение термина «угроза». В рамках «Концепции общественной безопасности» угроза определена как «прямая или косвенная возможность нанесения ущерба правам и свободам человека и гражданина, материальным и духовным ценностям общества»⁴.

Рассмотрев эти и другие понятия, можно сделать вывод, что угроза – это прямая или косвенная опасность, помеха какому-либо объекту. При этом наступление вредных последствий не является обязательным признаком угрозы.

В VI разделе Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 год⁵ определён перечень угроз в области безопасности дорожного движения. Отнесение некоторых факторов к категории «угроза», на наш взгляд, является

литика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. С. 70.

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 907 с.

² Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016 г. № 1 (Ч. II). Ст. 212.

³ Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 50. Ст. 4873.

⁴ Концепция общественной безопасности (утвер. Президентом Российской Федерации 14.11.2013 № Пр-2685) // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/19653> (дата обращения: 23.10.2020).

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 08.01.2018 № 1-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 5. Ст. 774.

спорным. Например, утверждение, что «возраст» автотранспортного средства более 10 лет является угрозой безопасности дорожного движения, не находит подтверждения ни в сборниках «Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации» за период 2015–2019 годы¹, ни в статистическом сборнике «Преступность и правонарушение (2015–2019)»², подготовленных с участием Госавтоинспекции. ДТП с участием таких автотранспортных средств происходят не чаще, чем с автотранспортными средствами более «свежего» года выпуска, что свидетельствует о безосновательности отнесения данного фактора к категории угроз.

Фактор в виде наличия в России ряда экономических проблем, зачастую препятствующих принятию необходимых мер по повышению безопасности дорожного движения, также нельзя отнести к категории «угроза». В рамках реализации федеральной целевой программы «Обеспечение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах», несмотря на нестабильность в экономике страны, выделено и освоено значительное количество денежных средств: в 2019 г. – 5 838 358 500, в 2018 г. – 44 596 197 200, в 2017 г. – 4 630 949 600 руб.³

Такие «угрозы», как «несовершенство действующей системы оповещения о дорожно-транспортных происшествиях», «несовершенство системы оказания помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях» скорее являются факторами, сопутствующими дорожно-транспортной преступности, влияющими на тяжесть последствий, нежели на те самые причины и условия, которые порож-

дают правонарушающее поведение в сфере безопасности дорожного движения.

И наоборот, согласно статистическим данным Госавтоинспекции, основным источником угроз безопасности дорожного движения является водитель (табл. 1). Доля ДТП по вине водителей остаётся достаточно высокой⁴.

Приведённая статистика говорит о том, что имеющиеся средства правового воздействия оказывают недостаточное сдерживающее влияние на правонарушающее поведение водителей. Необходимо проводить работу по снижению возможных рисков таких происшествий, реконструируя дороги, улучшая системы пассивной безопасности автомобилей. Вместе с тем основная и реальная угроза безопасности дорожного движения – противоправное поведение водителей – сохраняет свой криминогенный потенциал, а потому не позволит добиться желаемого уровня безопасности без пересмотра подхода к методам противодействия этой угрозе.

При этом, как уже отмечалось, в уголовном законодательстве одним из признаков преступления определяется общественная опасность деяния, причиняющего или способного причинить, либо создающего угрозу причинения существенного вреда охраняемому уголовным законом объекту. В то же время в центре внимания мер уголовно-правового воздействия стоит именно человек – виновно совершивший общественно опасное деяние, запрещённое под угрозой наказания. Об этом свидетельствуют принципы вины, равенства граждан перед законом, справедливости и даже гуманизма.

На неотделимость личности виновного от совершённого им деяния при оценке общественной опасности указывает и Конституционный суд Российской Федерации⁵.

¹ Аналитические обзоры // Научный центр безопасности дорожного движения: [сайт]. URL: <https://нцбдд.мвд.рф> ресурсы / аналитические обзоры–состояние–безопасность (дата обращения: 15.10.2020).

² Преступность и правонарушения (2015–2019): стат. сб. М.: ГИАЦ МВД России, 2020.

³ Годовые отчеты ФЦП ПБДД [Электронный ресурс]. URL: http://www.fcp-pbdd.ru/accountancy/program_reporting (дата обращения: 15.10.2020).

⁴ Аналитические обзоры // Научный центр безопасности дорожного движения: [сайт]. URL: <https://нцбдд.мвд.рф> ресурсы/аналитические обзоры–состояние–безопасность (дата обращения: 15.10.2020).

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке консти-

Таблица 1/ Table 1

Статистика дорожно-транспортных происшествий / Accident statistics

	2019	2018	2017	2016	2015
ВСЕГО	164 358	168 099	169 432	173 694	184 000
Нарушение ПДД водителями	146 688	148 142	143 458	150 860	157 943
Неудовлетворительное состояние улиц и дорог	54 393	59 421	67 896	71 550	63 093
Нарушение ПДД пешеходами	18 138	19 169	20 976	21 922	25 025
Техническая неисправность т/с	6 734	6 221	6 455	5 394	2 553

На наш взгляд, именно неверная расстановка оценок общественной опасности в действующей гл. 27 УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» снижает эффективность уголовно-правовой охраны значимых общественных отношений, в т. ч. интересов личности и общества в сфере дорожного движения. Так, ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» связывает общественную опасность с характером наступивших общественно опасных последствий: они являются и криминообразующим признаком, и дифференцирующим [10]. Единственное, что сейчас отражает общественно опасные свойства самого водителя транспортного средства, – это признак совершения деяния в состоянии опьянения либо оставление им места ДТП.

Разумеется, само по себе поведение водителя нельзя признавать преступным (криминализовать): для этого оно должно

туционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократно и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19032003-n> (дата обращения: 20.10.2020).

быть одновременно опасным для других участников дорожного движения и обладать свойством прецедентности, т. е. содержать в себе способность изменить социальную действительность, воздействовать на социальные ценности [4]. Л. М. Прокументов справедливо отмечает: вредоносность деяния состоит именно в способности его причинять вред обществу, нельзя считать общественно опасным деяние, которое реально причинило вред, поскольку в таком случае его общественная опасность уже реализовалась [7, с. 90].

Признавать «общественную опасность» признаком исключительно деяния некорректно, поскольку носителем этого свойства является личность¹ (в нашем случае – водитель транспортного средства). В поведении индивида эти свойства проявляются объективно. И если вредные последствия могут наступать с т. зр. виновного лица по неосторожности, то само правонарушающее поведение, являющееся ближайшим криминогенным фактором, подчас оказывается умышленным.

А. Б. Сахаров в этой связи указывал, что общественная опасность личности преступника может базироваться на таких психологических обстоятельствах, как глубина и стойкость антиобщественной установки. По его мнению, лицо, имеющее антисоциальные взгляды, не считающееся

¹ Криминология: учебник / под. общ. ред. А. И. Долговой. М.: Норма, ИНФРА-М, 2013. С. 386.

с интересами других лиц, установленными условиями общественного существования, скорее и легче решится на удовлетворение своих желаний и потребностей¹. Несмотря на то, что у автотранспортных преступников эта черта менее выражена, чем у лиц, совершающих общеуголовные умышленные преступления, она присутствует и приобретает важное значение в сочетании с темпераментом, характером, волевыми и эмоциональными свойствами человека². Вышеприведённые статистические данные, а также исследования отечественных правоведов³ объективно свидетельствуют, что в России сохраняется высокая доля водителей транспортных средств, характеризующихся общественно опасным сочетанием перечисленных свойств.

Мнение П. С. Дагеля о том, что криминализация вызвана невозможностью справиться с деянием, обладающим высокой степенью общественной опасности, иными способами⁴, следует признать актуальным в настоящее время. Само же наказание следует рассматривать как «один из факторов формирования культуры, который позволяет более глубоко понять и оценить социальные и культурные отношения, традиции, нормы и ценности современного общества» [2, с. 24].

Остаётся добавить, что криминализация может и должна использовать такие модели, которые основное внимание уделяют общественно опасным свойствам личности виновного и устанавливают ответственность за их проявление, не дожидаясь наступления вредных последствий [5, с. 21, 35–38].

Зарубежный опыт

Обратимся к зарубежному опыту использования уголовно-правового запрета не в качестве средства возмездия (или восстановления социальной справедливости), а именно в качестве превентивной меры. Подобный крен уголовной политики (с переходом к вопросам управления безопасностью) происходит во многих зарубежных странах [8, с. 127–136].

Направление развития уголовного законодательства не следует автоматически сбрасывать со счетов и рассматривать возможные пути его использования с минимизацией негативных последствий криминализации [1, с. 67–68, 74–75], а криминализацию не нужно рассматривать как недопустимое ограничение права на свободу. Такая же позиция и у Конституционного Суда РФ⁵.

Согласно п. 1 ст. 338 Закона об уголовном праве Израиля, подлежит привлечению к уголовной ответственности «лицо, управляющее транспортным средством поспешным или небрежным образом, которое может подвергнуть опасности жизнь человека или причинить ему телесные повреждения»⁶. Санкция за данное преступление составляет 3 года.

Аналогичная норма содержится в § 315С Уголовного кодекса Федеративной Республики Германии. В данной статье не только определена ответственность за вредоносное поведение, создающее угрозу, но и сформулирован его квалифицированный состав. В п. 1 предусматривается уголовная ответственность за управление транспортным средством «под действием алкогольных напитков или других одурманивающих средств» или «при наличии у него психических или физических недостатков, при которых он не в состоянии вести транспортное средство». В п. 2 закрепляется уголовная ответственность за

¹ Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М.: Юридическая литература, 1961. С. 163.

² Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М.: Юридическая литература, 1961. С. 164, 165, 182–195.

³ Коробеев А. И. Транспортные преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 322.

⁴ Дагель П. С. Проблемы советской уголовной политики. Владивосток, 1982. С. 57.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2001 №6-П; Определение Конституционного Суда РФ от 10.07.2003 №270-О и др.

⁶ Закон об уголовном праве Израиля [Электронный ресурс]. URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1375279180.pdf> (дата обращения: 20.10.2020).

деяние, когда водитель грубо нарушает правила дорожного движения и при этом не проявляет предупредительности по отношению к другим участникам дорожного движения, а именно не учитывает правила движения по определённой полосе или в определённом направлении, обгона или вождения при обгоне, разворота, предоставления преимущественного права на перекрёстках, проезда пешеходных переходов, не обозначает остановку транспортного средства на дороге, если это предусмотрено ПДД, при условии, что своими действиями создаёт угрозу жизни или здоровью другого человека или имуществу, имеющему значительную стоимость¹.

В отличие от норм уголовного закона Израиля, в Германии санкция жёстче и срок лишения свободы может достигать 5-ти лет.

Изучая вопрос криминализации общественно опасного поведения водителя, можно сказать, что, когда возникает угроза безопасности участников дорожного движения, в качестве основной цели преследуется не кара за наступление тяжких или необратимых последствий, а профилактика безопасного поведения участников дорожного движения. Но, как справедливо отмечают отечественные правоведы, нормы УК РФ об ответственности за неосторожное причинение вреда в сфере дорожного движения обладают невысоким профилактическим потенциалом [9, с. 317, 320] и выполняют в основном функцию констатации неудовлетворительного положения дел в этой сфере – на место водителям-аварийщикам, привлечённым к уголовной ответственности, «приходят» новые [6, с. 253–254, 301–302].

Согласно данным ВОЗ, уровень смертности на дорогах в Германии составляет 4,1 смертей на 100 тыс. населения, в Израиле – 4,2 смертей на 100 тыс. населения, в России – 18 смертей на 100 тыс. на-

селения². Безусловно, на данный фактор влияют и другие показатели, но не стоит забывать, что количество ДТП по вине водителя в России среди общей массы ДТП с 2015 по 2019 гг. увеличилось с 85,5% до 89,2%, без учёта ДТП в связи с технической неисправностью автотранспортного средства, где вина также лежит на водителе-владельце или собственнике данного средства.

Заключение

Разумеется, подобная криминализация должна быть подготовленной в криминологическом плане. В первую очередь, необходимо исследовать массив дорожно-транспортных преступлений для выявления моделей правонарушающего поведения, которые с высокой степенью вероятности влекут за собой наступление общественно опасных последствий. Подобные нарушения можно назвать «грубыми» или же объединить категорий «общественно опасное поведение участника дорожного движения». Во-вторых, необходимо проработать понятие «угроза безопасности дорожного движения», перечень таких угроз, чтобы создать логические и уголовно-политические основания для использования профилактического потенциала уголовно-правовых запретов. В-третьих, может потребоваться проработка модели пенализации с большими сроками запрета управления транспортным средством, а также механизмов ответственности за неисполнение приговора суда, вынесенного за совершение такого преступления. В-четвёртых, необходимо провести оценку возможных рисков с целью минимизации негативных последствий криминализации.

Статья поступила в редакцию 21.12.2020.

¹ Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии [Электронный ресурс]. URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1375279180.pdf> (дата обращения: 20.10.2020).

² Россия в мировом рейтинге смертей в результате ДТП // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/world_ranking_road_traffic_deaths (дата обращения: 17.10.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 182 с.
2. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Уголовное наказание как фактор формирования культуры и средство разрешения культурного конфликта // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы конфер. 2016. С. 15–20.
3. Бавсун М. И. Целесообразность в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 22 с.
4. Безбородов Д. А. Показатели общественной опасности многосубъектных преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3 (68). С. 62–69.
5. Гуринская А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2018. 46 с.
6. Дорожно-транспортная преступность: закономерности, причины, социальный контроль / А. Ю. Кравцов, А. И. Сирохин, Р. В. Скоморохов, В. Н. Шиханов. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. 480 с.
7. Прокументов Л. М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 81–91.
8. Сморгунова А. Л. Трансформация уголовной политики в США и Великобритании (конец XX–XXI вв.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 56. С. 127–136.
9. Стеших Е. С. Криминология гомицида. М.: Юрлитинформ, 2019. 491 с.
10. Тарасенко В. В. К вопросу депенализации состояния опьянения как квалифицирующего признака состава преступления, предусмотренного статьей 264 Уголовного кодекса Российской Федерации // Транспортное право и безопасность. 2020. № 3 (35). С. 87–106.

REFERENCES

1. Antonov A. D. *Teoreticheskie osnovy kriminalizatsii i dekriminalizatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Theoretical foundations of criminalization and decriminalization: PhD thesis in Juridical sciences]. Moscow, 2001. 182 p.
2. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. [Criminal punishment as a factor in the formation of culture and a means of resolving cultural conflict]. In: *Ugolovnaya politika i kultura protivodeistviya prestupnosti* [Criminal policy and the culture of combating crime: materials of the conference], 2016, pp. 15–20.
3. Bavsun M. I. *Tselesoobraznost v ugovnom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Expediency in criminal law: abstract of PhD thesis in Juridical sciences]. Omsk, 2002. 22 p.
4. Bezborodov D. A. [Indicators of public danger of multi-subject crimes]. In: *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 3 (68), pp. 62–69.
5. Gurinskaya A. L. *Anglo-amerikanskaya model preduprezhdeniya prestupnosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Anglo-American model of crime prevention: abstract of PhD thesis in Juridical sciences]. Kalingrad, 2018. 46 p.
6. Kravtsov A. Yu., Sirokhin A. I., Skomorokhov R. V., Shikhanov V. N. *Dorozhno-transportnaya prestupnost: zakonomernosti, prichiny, sotsialnyi kontrol* [Road transport crime: patterns, causes, social control]. St. Petersburg, Law Center Press Publ., 2011. 480 p.
7. Prozumentov L. M. [Grounds for criminalization (decriminalization) of acts]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Bulletin of Tomsk State University. Law], 2014, no. 4 (14), pp. 81–91.
8. Smorgunova A. L. [Transformation of criminal policy in the United States and Great Britain (late 20th–21st centuries)]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [News of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen], 2008, no. 56, pp. 127–136.
9. Steshich E. S. *Kriminologiya gomitsida* [Homicide criminology]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2019. 491 p.
10. Tarasenko V. V. [On the issue of de-penalization of the state of intoxication as a qualifying sign of the corpus delicti provided for in Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation]. In: *Transportnoe pravo i bezopasnost* [Transport law and security], 2020, no. 3 (35), pp. 87–106.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борцов Вячеслав Владимирович – начальник факультета заочного обучения Восточно-Сибирского института МВД России;
e-mail: vbortcov5@mvd.ru

Нудель Станислав Львович – доктор юридических наук, доцент, заведующий центром уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, главный научный сотрудник НИЦ № 4 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России;
e-mail: Snudel@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vyacheslav V. Bortsov – Head of the Faculty of Distance Learning, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
e-mail: vbortcov5@mvd.ru

Stanislav L. Nudel – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Head of the Center for Criminal, Criminal Procedure Legislation and Judicial Practice, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Chief Researcher, Research Center no. 4, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
e-mail: Snudel@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Борцов В. В., Нудель С. Л. Уголовно-правовой запрет как мера профилактики общественно опасного поведения, создающего угрозу безопасности дорожного движения: постановка вопроса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 1. С. 63–71.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-63-71

FOR CITATION

Bortsov V. V., Nudel S. L. Criminal Legal Ban as a Measure for Preventing Public Dangerous Behavior Threatening Road Safety: Statement of the Question. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 1, pp. 63–71.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-63-71

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 347

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-72-81

СМЕЖНЫЕ ПРАВА ОРГАНИЗАЦИЙ ВЕЩАНИЯ И ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ИХ ЗАЩИТЫ

Бузова Н. В.

Российский государственный университет правосудия

117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Анализ законодательства, касающегося права организации вещания на публичное исполнение сообщения радио- и телепередачи, и выявление применяемого способа гражданско-правовой защиты при несанкционированном доступе к передачам.

Процедура и методы. При проведении исследования применялись методы: анализа, обобщения, сравнения, формально-юридический, формальной и диалектической логики.

Результаты. В результате анализа установлено, что не все действия пользователя могут подпадать под нарушение исключительного права организации вещания, но несанкционированный доступ к передачам может являться обходом технических средств защиты, запрещённым законодательством.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть учтены при правоприменении в связи с защитой исключительных прав организаций вещания.

Ключевые слова: исключительное право, организация вещания, обход технических средств защиты, публичное исполнение, технические средства защиты

RELATED RIGHTS OF BROADCASTING ORGANIZATIONS AND TECHNOLOGICAL MEASURES OF THEIR PROTECTION

N. Buzova

Russian State University of Justice

69, Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 117418, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the most applicable methods of civil protection in case of unauthorized access to radio- and television programs.

Methodology. Methods of analysis and generalization were used in the research, as well as formal-legal and comparative methods, and method of formal and dialectical logic.

Results. The analysis enabled to establish that not all actions of a user may fall under the violation of the exclusive right of the broadcasting organization, but unauthorized access to broadcasts may be a circumvention of technological measures prohibited by law.

Research implications. The research results can be taken into account in the law enforcement in connection with the protection of the exclusive rights of broadcasting organizations.

Keywords: exclusive right, broadcasting organization, technological measures, public performance, circumvention of technological measures

Введение

Важную роль в распространении актуальной информации играет теле- и радиовещание. В целях поощрения деятельности организаций вещания, определяющих содержание радио- и телепередач, несущих ответственность за используемый для сообщений передач контент, осуществляющих или координирующих вещание, за такими организациями в отношении созданных ими результатов интеллектуальной деятельности (сообщений радио- и телепередач) признаётся исключительное право (в РФ такое право относится к категории смежных прав) (§ 4 гл. 71 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)).

Если изначально в качестве традиционного способа вещания рассматривалось только эфирное вещание, то в настоящее время способы предоставления вещательного контента расширились. За последние десятилетия существенным образом изменилось отношение к информации и информационным технологиям. Активно используется кабельное и спутниковое вещание, повсеместно внедряется интернет-вещание.

Цифровые технологии позволяют расширить объём предоставляемых потребителям услуг. Интернет – это не только удобная среда для быстрого поиска, распространения и обмена информацией, для удалённого общения, но и для продвижения товаров и услуг.

В крупных городах с высотной застройкой граждане пользуются услугами организаций, обслуживающих коллективные антенны операторов кабельной связи, в удалённых от принимающих телевизионные сигналы станций районах популярными являются услуги, позволяющие

доставить программонесущие сигналы со спутников на приёмники абонентов. В указанных случаях доступ к просмотру или прослушиванию передач осуществляется посредством предоставления специального оборудования, например декодера, установления паролей и применения ключей доступа. Такие услуги связаны в т. ч. с использованием результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. Однако доступность и многоаспектность не означает бесплатности. Использование результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации как в традиционной (аналоговой), так и в цифровой среде, требует получения разрешения правообладателя, и услуги, связанные с предоставлением доступа к охраняемым результатам, их применением по назначению и т. д., также требуют вступления в договорные отношения с лицами, их предоставляющими.

По российскому законодательству непосредственно спортивные передачи не являются объектами авторского права, но сообщения спортивных передач рассматриваются в качестве объектов смежных прав организаций вещания. В статье рассмотрены случаи из судебной практики и проанализированы положения законодательства и разъяснения судебных органов, касающиеся смежного права организации вещания на публичное исполнение сообщения передачи в местах с платным входом.

Публичное исполнение сообщений радио- и телепередач

Кажется естественным просмотр телевизионных передач в спортивном баре. Но в ряде случаев, например, организации ка-

бельного вещания либо операторы связи, заключившие с организациями вещания договоры о предоставлении права использования сообщений радио- или телепередач посредством ретрансляции через спутник или по кабелю либо доведения до всеобщего сведения, могут взимать с абонентов плату за предоставление доступа к транслируемым сообщениям радио- или телепередач. Просмотр телепередач ввиду предоставления дополнительных услуг, связанных с вещанием, осуществляется на возмездной основе.

«Несанкционированный доступ к сигналу с использованием специального оборудования» наряду с несанкционированной ретрансляцией и онлайн-пиратством относят к наиболее распространённым видам нарушений прав организаций вещания [1, с. 20].

Считая свои права нарушенными в связи с доступом к сообщениям передач без разрешения, организации обращаются за их защитой в судебные органы. Такая практика характерна, в частности, для Общества «Н...». Данная организация позиционирует себя как оператор цифрового телевидения, предоставляющий свои услуги с использованием знака обслуживания «Т...». Помимо услуг по просмотру телевидения организация предоставляет также услуги интернет-подключения и различные цифровые сервисы. Деятельность организации направлена, в частности, на предоставление доступа к сообщениям радио- и телепередач. Согласно сведениям из реестра лицензий на деятельность по телерадиовещанию, ведение которого осуществляет Роскомнадзор, компания относится к организациям вещания (кабельное вещание, цифровое вещание).

Обращаться за защитой нарушенных интеллектуальных прав организация может в отношении тех объектов, правообладателем, лицензиатом по договору исключительной лицензии, доверительным управляющим или залогодателем которых она является. Т. е. если организация создала самостоятельно сообщения радио- или телепередач или получила права на них по

договору об отчуждении исключительного права либо по лицензионному договору о предоставлении права использования на условиях исключительной лицензии, то в случае нарушения её интеллектуальных прав она может обратиться за судебной защитой, в т. ч. руководствуясь положениями ч. 4 ГК РФ.

Вместе с тем в некоторых случаях организации полагают, что демонстрация телепередач, в частности, в кафе является нарушением их смежного права, поскольку имеет место публичное исполнение сообщения телепередачи в публично доступном месте¹.

Следует отметить, что в отношении большинства результатов интеллектуальной деятельности, в отличие от Закона РФ № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах»² (далее – Закон об авторском праве), законодатель в ГК РФ достаточно широко описал объём исключительного права, определив, что оно распространяется на любые не противоречащие закону способы использования охраняемого результата (например, п. 1 ст. 1270, п. 1 ст. 1317, п. 1 ст. 1324 ГК РФ), и далее представленный открытый перечень способов использования охраняемого объекта. Вместе с тем в отдельных случаях способы использования конкретного результата интеллектуальной деятельности

¹ Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.03.2016 по делу № А23-5240/2015 // Электронное правосудие: [сайт]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/cd9fe650-deb1-4e66-8e17-6dcf188be043/75463557-e8a6-478c-936f-b8656e583340/A23-5240-2015_20160310_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 03.01.2021); Постановление Суда по интеллектуальным правам от 17.06.2016 по делу № А23-5240/2015 // Электронное правосудие: [сайт]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/cd9fe650-deb1-4e66-8e17-6dcf188be043/3fb2ba2f-cace-44b3-86f3-435bdfbee956/A23-5240-2015_20160617_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 03.01.2021).

² Закон РФ от 09.07.1993 № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» // Законы, кодексы, нормативно-правовые акты Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/zakon-rf-ot-09071993-n-5351-1-ob> (дата обращения: 03.01.2021).

ограничены дополнительными условиями. Например, публичное исполнение сообщения радио- или телепередачи будет иметь место как способ использования, если такое сообщение радио- или телепередачи осуществляется с помощью технических средств в местах с платным входом (пп. 6 п. 2 ст. 1330 ГК РФ). Таким образом, правомочие по публичному исполнению сообщения передачи, которое следует из исключительного права, признаваемого за организацией вещания, в России ограничено такой характеристикой, как платный вход.

Правомочие, связанное с публичным исполнением телепередачи в местах с платным входом, было предусмотрено в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. (далее – Основы законодательства)¹ и далее в Законе об авторском праве². При этом исключительное право организации вещания распространялось только на те способы использования, которые были перечислены в п. 2 ст. 40 и п. 2 ст. 41 Закона об авторском праве и Основах законодательства. Такой подход характерен для законодательных актов многих зарубежных государств, признающих смежные права организаций вещания (например, ст. 87 Закона Германии от 9.09.1965 «Об авторском праве и смежных правах»³ (далее – Закон Германии), L. 216-1 Кодекса интеллектуальной собственности Франции⁴). В Гражданском кодексе Российской Федерации подход в отноше-

нии изложения объёма исключительного права организации вещания был изменён, но характеристика, ограничивающая правомочие по публичному исполнению, оставлена.

Платный вход для мест, в которых публично исполняются сообщения передач, рассматривается как квалифицирующий признак данного способа использования. Указанный квалифицирующий признак был отмечен в Обзоре судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утвержденным Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015 (п. 5), где было указано на обязанность организации эфирного или кабельного вещания доказать, что публичное исполнение передачи осуществляется в местах с платным входом. ВС РФ в постановлении Пленума от 23.04.2019 разъяснил, что «сообщение радио- или телепередачи в местах с бесплатным входом, т. е. свободных для посещения, не входит в состав исключительного права организации эфирного или кабельного вещания и может осуществляться без согласия такой организации» (п. 114)⁵. Комментируя указанное положение постановления Пленума ВС РФ, А. Г. Матвеев критически отмечает, что такое положение следует отнести к простейшему примеру логического толкования [8, с. 67]. Возможно, именно такое впечатление с первого взгляда производит приведённое выше разъяснение ВС. Вместе с тем данное разъяснение является обобщением судебной практики, связанной с применением положения п. 2 ст. 1330 ГК РФ, касающегося исключительного права организации вещания, и направлено на выработку единообразных подходов, поскольку истцы при обращении в судебные органы настаивают на применении положений ст. 1330 ГК РФ. Так, например, истец указывал на то, что

¹ В п. 3 ст. 141 Основ законодательства такое правомочие именовалось «право разрешать публичное воспроизведение телевизионных передач, если оно производится за плату в местах, доступных неопределённому кругу лиц».

² В пп. 5 п. 2 ст. 40 и пп. 5 п. 2 ст. 41 Закона об авторском праве данное правомочие именовалось как право сообщать передачу для всеобщего сведения в местах с платным входом.

³ Germany. Gesetz über Urheberrecht und verwandte Schutzrechte // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz: [сайт]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/urhg> (дата обращения: 02.01.2021).

⁴ France. Code de la propriété intellectuelle (version consolidée au 22 mai 2020) // World Intellectual Property Organization: [сайт]. URL: <https://wipo.int/ip/en/text/569936> (дата обращения: 02.01.2021).

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Верховный Суд Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://vsrf.ru/files/27771/> (дата обращения: 04.12.2020).

публичное исполнение сообщения передачи в местах с бесплатным входом, хотя и не поименовано в п. 2 ст. 1330 ГК РФ, но с учётом того, что перечень способов использования сообщений радио- или телепередачи является открытым, этим способом Общество «В...» использовало спорный объект смежных прав, и, вопреки выводу судов первой и апелляционной инстанций, он также является способом использования сообщений радио- или телепередачи и нарушает исключительные права Общества «Н...»¹.

Такой способ использования сообщений теле- и радиопередач, как публичное исполнение в местах, доступных за входную плату, и, соответственно, правомочие организации вещания являются наследием Международной конвенции об охране исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (Рим, 26.10.1961, далее – Римская конвенция). В период принятия Римской конвенции данный способ использования был распространён в некоторых странах: ввиду недостаточного количества у населения телевизоров, представители публики посещали мероприятия по просмотру телепередач, деятельность по предоставлению возможности просмотра телепередач была определённым промыслом отдельных организаций и приносила доход.

В качестве мест, доступных за входную плату, рассматривались, в частности, кинотеатры и специализированные помещения для просмотра телепередач (например, в Германии, они именовались Fernsehstuben). Плата за просмотр взималась посредством продажи билетов, а также включения дополнительной позиции в чек. Если плата с посетителей взималась только за обслуживание и/или еду и не включала в себя суммы за просмотр теле-

визора, предоставление доступа посетителям кафе для просмотра телевизора не признавалось использованием телепередачи, подпадающим под смежное право организаций вещания. Посетители рассматривались как гости владельца, например, кафе, которым для поднятия настроения включается теле- или радиоприёмник [13, р. 780].

Право на сообщение для всеобщего сведения в местах, доступных за входную плату, предусмотрено в законодательных актах ряда зарубежных государств, например, в пп. 3 п. 1 § 87 Закона Германии, пп. «b» п. 1 ст. 48 Закона Греции № 2121/1993 «Об авторском праве, смежных правах и культурных вопросах»², пп. «d» п. 1 ст. 126 Закона Испании об интеллектуальной собственности³, пп. «с» п. 1 ст. 79 Закона Италии от 22.04.1941 «Об охране авторского права и других прав, связанных с его осуществлением»⁴, ст. 48 Закона Финляндии «Об авторском праве»⁵, п. 4 ст. 48 Закона Швеции «Об авторском праве на литературные и художественные произведения»⁶ и ст. L. 216-1 Кодекса ин-

² Greece. Νόμος 2121/1993, Πνευματική Ιδιοκτησία, Συγγενικά Δικαιώματα και Πολιτιστικά Θέματα (επικαιροποιημένος μέχρι τον ν. 4531/2018) // World Intellectual Property Organization: [сайт]. URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/480968> (дата обращения: 30.12.2020).

³ Spain. Consolidated Text of the Law on Intellectual Property, Regularizing, Clarifying and Harmonizing the Applicable Statutory Provisions (approved by Royal Legislative Decree No. 1/1996 of April 12, 1996, and amended up to Royal Decree-Law No. 26/2020 of July 7, 2020) // World Intellectual Property Organization: [сайт]. URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/577658> (дата обращения: 30.12.2020).

⁴ Italy. Legge 22 aprile 1941, n. 633 sulla protezione del diritto d'autore e di altri diritti connessi al suo esercizio (aggiornata con le modifiche introdotte dal decreto-legge 30 aprile 2010, n. 64) // World Intellectual Property Organization: [сайт]. URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/477618> (дата обращения: 30.12.2020).

⁵ Finland. Copyright Act (Act No. 404/1961 of July 8, 1961, as amended up to Act No. 972/2016 of November 18, 2016). (Tekijänoikeuslaki 8.7.1961/404 (sellaisena kuin se on muutettuna laissa 18.11.2016/972)) // World Intellectual Property Organization: [сайт]. URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/467065> (дата обращения: 30.12.2020).

⁶ Sweden. Act (1960:729) on Copyright in Literary and Artistic Works (as amended up to Act (2018:1099)) //

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 17.06.2016 по делу № А23-5240/2015 // Электронное правосудие: [сайт]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/cd9fe650-deb1-4e66-8e17-6dcf188be043/3fb2ba2f-cace-44b3-86f3-435bdfbee956/A23-5240-2015_20160617_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 03.01.2021).

теллектуальной собственности Франции. Но на практике право передачи сообщений в местах, доступных представителям публики только за входную плату, потеряло актуальность, на что неоднократно обращали внимание участники заседаний Постоянного комитета ВОИС¹ по авторскому праву и смежным правам (далее – Постоянный комитет ВОИС) при обсуждении вопроса о правах организаций вещания².

Поскольку в настоящее время при посещении кафе не предусмотрено платного входного билета и стоимость просмотра телевизора не включается в счёт, оснований рассматривать демонстрацию телепередач в кафе как публичное исполнение сообщений телепередач, относящихся к способам использования сообщений, не имеется. По результатам рассмотрения исковых заявлений, касающихся нарушения права на публичное исполнение сообщения телепередачи, в удовлетворении заявленных требований организации было правомерно отказано³.

Обход технических средств защиты

Необходимо учитывать, что приём транслируемых сигналов доступен только абонентам, заключившим договор с данной организацией. При осуществлении своей деятельности организация использует специальное оборудование, кодирование сигнала, а также ограничение по

доступу к приёму сигналов посредством применения паролей доступа.

С т. зр. интеллектуальных прав, использование кодирования сигнала, паролей, специального оборудования и т. д. является применением технических средств защиты авторских и смежных прав. И хотя наибольшее применение технические средства защиты получили с целью предотвращения несанкционированного воспроизведения (копирования) произведений и объектов смежных прав и возможности отслеживания их использования [11, с. 313], законодательство указывает на более широкие цели и возможности их использования. Такие технологии позволяют контролировать доступ к произведениям и объектам смежных прав, предотвращать либо ограничивать осуществление действий, которые не разрешены автором или иным правообладателем в отношении произведений или объектов смежных прав (ст.ст. 1299 и 1309 ГК РФ). Обход технических средств защиты запрещён законодательством.

Можно ли рассматривать применение технических средств защиты как самостоятельное интеллектуальное право обладателя авторских и смежных прав, отнеся его, например, к категории «иные права»? Такой подход имеет ряд недостатков. Особого, специального права в отношении использования технических средств защиты не возникает. Применять технические средства защиты лицо может не только в отношении объектов авторского и смежных прав. Заинтересованность в ограничении доступа посредством применения технических средств защиты может быть у любого лица, намеренного установить контроль за использованием, в т. ч. при введении специальных режимов доступа к произведениям, охраняемой информации и т. д. (например, режима коммерческой тайны, государственной тайны и др.), и при применении технических средств защиты речь может идти не только о защите авторских и смежных прав [3; 5; 7; 10].

World Intellectual Property Organization: [сайт]. URL: <https://wipolex.wipo.int/en/legislation/details/18529> (дата обращения: 30.12.2020).

¹ Сокращённое наименование на русском языке международной организации «Всемирная организация интеллектуальной собственности».

² Материалы заседаний Постоянного комитета ВОИС // World Intellectual Property Organization: [сайт]. URL: https://www.wipo.int/meetings/en/topic.jsp?group_id=62 (дата обращения: 30.12.2020).

³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.09.2020 по делу № А68-8301/2019 // Электронное правосудие: [сайт]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d10867a0-7d0c-4f1c-afec-608badc5f2e5/b663d893-9ff7-4ec7-8805-1aac2fd45e0f/A68-8301-2019_20200924_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 03.01.2021).

В процессе подготовки проекта международного договора о правах организаций вещания в рамках Постоянного комитета ВОИС декодирование (расшифровку) сигналов предлагалось рассматривать как самостоятельное правомочие организаций вещания исключительного характера. С таким предложением по наделению организации вещания правом на декодирование кодированных сигналов выступала, в частности, Швейцария¹. Предполагалось, что такое право не будет касаться случаев декодирования, если использование передачи будет осуществлено физическими лицами и их деятельность не будет направлена на извлечение прибыли.

Кодирование сигналов является одним из технических средств защиты прав, предоставляемых организациям вещания, которое используется в т. ч. с целью защиты от неправомерного использования объектов авторского и смежных прав на территории или лиц, для которой (которых) сигнал не предназначался. Действия по декодированию сигналов – восстановлению из полученного электрического сигнала соответствующей информации (изображения, звуков и т. д.), – осуществлённые без разрешения организации вещания, направлены на обход таких технических средств, используемых организациями вещания для защиты своих прав.

Положения о технических средствах защиты нашли отражение в ст. 11 Договора ВОИС по авторскому праву (Женева, 20.12.1996), ст. 18 Договора ВОИС по исполнению и фонограммам (Женева, 20.12.1996), ст. 15 Пекинского договора по аудиовизуальным исполнениям (Пекин, 24.06.2012), аналогичные положения предполагалась отразить в проекте международного договора по охране прав организаций вещания².

¹ Agenda item 4: Protection of the rights of broadcasting organizations. Submissions received from member states of WIPO and the European Community by march 31, 1999. (Document SCCR/2/5) // World Intellectual Property Organization: [сайт]. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_2/sccr_2_5.pdf (дата обращения: 23.12.2020).

² Пересмотренный проект основного предложения в

Зарубежные специалисты в области интеллектуальной собственности указывают, что применение средств технической защиты не рассматривается как новое смежное право, а представляет собой правовой запрет, дополняющий авторское право [12, р. 1109] и, соответственно, смежные права. Такой правовой запрет не является интеллектуальной собственностью и обеспечивается, например, в Германии положениями Гражданского кодекса (§ 823 Abs. 2 BGB)³, а ответственность за нарушения наступает в соответствии с уголовным законодательством [14, р. 335].

В содержание исключительного права как любого субъективного права в качестве одного из его правомочий входит право на защиту, которое предполагает возможность управомоченного лица применять меры принудительного воздействия с целью пресечения действий, нарушающих право. Такими мерами в данном случае являются способы защиты исключительного права, в т. ч. включающие возможность защиты своего права собственными действиями фактического порядка (самозащита) [4, с. 118–119].

Следует согласиться со специалистами [2; 6; 9], которые считают, что применение технических средств защиты относится к способам гражданско-правовой защиты (ст. 12 ГК РФ), а именно к самозащите, используемой правообладателем для ограничения и предотвращения нарушений прав на произведения и объекты смежных прав, которая допускается в соответствии с положениями ГК РФ. Непосредственно обход технических средств защиты авторских и смежных прав не является нарушением интеллектуальных прав, но такой обход наказуем: автор или иной правообладатель вправе требовать по своему вы-

отношении Договора ВОИС по охране прав организаций вещания (Document SCCR/15/2. 31.07.2006) // World Intellectual Property Organization: [сайт]. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/ru/sccr_15/sccr_15_2.pdf (дата обращения: 23.12.2020).

³ Bürgerliches Gesetzbuch // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz: [сайт]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb> (дата обращения: 02.01.2021).

бору от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации (п. 3 ст. 1299, ст.ст. 1309 и 1311 ГК РФ).

Обращаясь за судебной защитой, истец должен предоставить доказательства, что имеет право на обращение в суд, в частности, является обладателем исключительного права на сообщаемые передачи, а также доказательства обхода технических средств защиты, установленных обладателем соответствующих прав.

Если речь идёт о произведениях, исполнениях и фонограммах, то публичное исполнение указанных объектов рассматривается как использование охраняемых объектов, подпадающих под исключительное право и требующих разрешения на использование соответствующего обладателя прав. И если обход технических средств защиты предоставляет техническую возможность осуществлять публичное исполнение охраняемых объектов, например, телепередач, представляющих собой аудиовизуальные исполнения, обладатель соответствующих прав, обращаясь за защитой своего исключительного права, вправе требовать также применения мер ответственности за обход технических средств защиты авторских и/или смежных прав.

Вместе с тем при показе по телевизору в помещениях со свободным доступом исключительно новостных или спортивных передач речь может идти только о правах организаций вещания, которые, как было отмечено ранее, не нарушаются. В ст. 1309 ГК РФ указано, что технические средства защиты смежных прав контролируют доступ к объекту смежных прав, предотвращают либо ограничивают осуществление действий, которые не разрешены правообладателем в отношении такого объекта.

В то же время ГК РФ не даёт однозначного ответа на вопрос, является ли обход технических средств защиты авторских и/или смежных прав самостоятельным нарушением. В этой связи остаётся не вполне ясной возможность применения положений об ответственности, предусмотренной ст.ст. 1299, 1309 и 1311 ГК РФ за обход технических средств защиты, если непосред-

ственно исключительное право, например, организации вещания, не нарушено.

Если рассматривать недопущение обхода технических средств защиты как публичный запрет, в связи с которым у третьих лиц возникает обязанность не совершать действий, направленных на обход технических средств защиты, то в таком случае в отношении лиц, совершивших такие запрещённые действия, могли бы применяться предусмотренные законодательством меры гражданско-правовой ответственности. Однако такой подход требует подтверждения практикой правоприменения.

Заключение

Таким образом, несмотря на относительно широкий объём предоставляемого правообладателю исключительного права, правомочия, входящие в такое право, могут быть ограничены характеристиками по их применению, т. е. посредством конкретизации способа использования соответствующего результата интеллектуальной деятельности. С учётом такой конкретизации не все действия лица, использующего сообщения передач, будут подпадать под монополию исключительного права правообладателя. Если же при использовании сообщения передачи имел место обход технических средств защиты, применяемых правообладателем, имущественные интересы такой организации должны подлежать защите в установленном законодательством порядке.

Поскольку правовая природа такого способа самозащиты, как применение технических средств защиты авторских и смежных прав, в качестве способа гражданско-правовой защиты ещё до конца не изучена, судебной практике по применению положений ст.ст. 1299 и 1309 ГК РФ ещё предстоит формироваться.

Статья поступила в редакцию 12.01.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Албегонов З. Х. Требование о пресечении действий, нарушающих права организаций эфирного и кабельного вещания или создающих угрозу нарушения, как один из гражданско-правовых способов защиты прав // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2010. № 11 (110). С. 20–26.
2. Алёшина А. А. Самозащита авторских прав в сети «Интернет» // E-SCIO. 2020. № 9 (48). С. 137–141.
3. Бабенко А. А. Разработка модели управления составом технических средств защиты информации в государственных информационных системах // НБИ Технологии. 2019. № 2. С. 6–11.
4. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 411 с.
5. Губанов Н. Н., Красников В. Н. Технические средства защиты информации в органах внутренних дел // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 4 (53). С. 41–43.
6. Дедова Е. А. Формы и способы защиты смежных прав организаций эфирного и кабельного вещания // Законодательство. 2006. № 5. С. 38–44.
7. Козьминых С. И. Методический подход к экономической оценке внедрения технических средств защиты информации в кредитно-финансовой организации // Вопросы кибербезопасности. 2020. № 3. С. 87–96.
8. Матвеев А. Г. Толкование норм о смежных правах в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. // Ex jure. 2019. № 3. С. 57–69.
9. Моргунова Е. А. Защита прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. М., 2012. 320 с.
10. Мэггс П. Б., Сергеев А. П. Интеллектуальная собственность. М.: Юристъ, 2000. 400 с.
11. Савина В. С. Развитие права интеллектуальной собственности в современном информационном обществе // Пермский юридический альманах. 2019. С. 312–319.
12. Urheberrecht: Urheberrechtsgesetz, Urheberrechtswahrnehmungsgesetz, Kunsturhebergesetz / von G. Dreyer, J. Kotthoff, A. Meckel. Ausgabe: 2, neu bearb. Aufl. Heidelberg [u.a.]: Müller, 2009. 1846 s.
13. Möhring P., Nicolini K. Urheberrechtsgesetz: Kommentar. München, 2000. 1308 s.
14. Wandtke A.-A. (Hrsg.) Urheberrecht. 2. Auflage: Berlin. De Gruyter, 2010. 518 s.

REFERENCES

1. Albegonov Z. Kh. [Claim to suppress actions that violate the rights of broadcasting and cablecasting organizations or pose a threat of violation, as one of the civil remedies]. In: *Imushchestvennyye otnosheniia v Rossiiskoi Federatsii*. [Property Relations in the Russian Federation], 2010, № 11 (110), pp. 20–26.
2. Aleshina A. A. [Self-protection of copyright in the Internet]. In: *E-SCIO*, 2020, no. 9 (48), pp. 137–141.
3. Babenko A. A. [Developing a model for managing the structure of information protection technical means in state information systems]. In: *NBI Tekhnologii* [NBI-technologies], 2019, no. 2, pp. 6–11.
4. Griбанov V. P. *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [Implementation and protection of civil rights]. Moscow, Statut Publ., 2000. 411 p.
5. Gubanov N. N., Krasnikov V. N. [Technical means of protecting information in the bodies of internal affairs]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia* [The world of science, culture and education], 2015, no. 4 (53), pp. 41–43.
6. Dedova E. A. [Forms and methods of protecting related rights of broadcasting and cablecasting organizations]. In: *Zakonodatel'stvo* [Legislation], 2006, no. 5, pp. 38–44.
7. Kozminykh S. I. [Methodological approach to economic assessment implementing technical means of information protection in credit and financial institutions]. In: *Voprosy kiberbezopasnosti* [Cybersecurity issues], 2020, no. 3, pp. 87–96.
8. Matveev A. G. [The Interpretation of the Rules on Related Rights in the Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 23, 2019]. In: *Ex jure*, 2019, no. 3, pp. 57–69.
9. Morgunova E. A. *Zashchita prav na rezultaty intellektualnoi deyatel'nosti i sredstva individualizatsii* [Protection of rights to the results of intellectual activity and means of individualization]. Moscow, 2012. 320 p.
10. Maggs P. B., Sergeev A. P. *Intellektual'naya sobstvennost'* [Intellectual property]. Moscow, 2000. 400 p.
11. Savina V. S. [Intellectual property law development in the information society]. In: *Permskii iuridicheskii almanakh* [Perm legal almanac], 2019, pp. 312–319.
12. Urheberrecht: Urheberrechtsgesetz, Urheberrechtswahrnehmungsgesetz, Kunsturhebergesetz / von G. Dreyer, J. Kotthoff, A. Meckel. Ausgabe: 2., neu bearb. Aufl. -Heidelberg [u.a.], Müller, 2009. 1846 s.
13. Möhring P., Nicolini K. Urheberrechtsgesetz. München, 2000. 1308 s.
14. Wandtke A.-A. (Hrsg.) Urheberrecht. Berlin, De Gruyter, 2010. 518 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бузова Наталья Владимировна – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
Российского государственного университета правосудия;
e-mail: nbuzova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Buzova – Cand. Sci. (Law), Leading Researcher, Russian State University of Justice;
e-mail: nbuzova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бузова Н. В. Смежные права организаций вещания и технические средства их защиты // Вестник
Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 1. С. 72–81.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-72-81

FOR CITATION

Buzova N. V. Related Rights of Broadcasting Organizations and Technological Measures of Their Protection.
In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 1, pp. 72–81.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-72-81

УДК 347

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-82-89

ПРИМЕНЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА В РЕГУЛИРОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ТЕРРИТОРИЙ С ОСОБЫМ РЕЖИМОМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Васильева О. Н.¹, Полгар Т.²

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, Ленинградский пр-т., д. 49, Российская Федерация

²Будапештская школа бизнеса
1149, г. Будапешт, ул. Бузогани, д. 11-13, Венгрия

Аннотация

Цель. Изучить иностранный опыт создания и функционирования территорий с особым режимом осуществления предпринимательской деятельности в рамках применения его в России.

Процедура и методы. В процессе исследования использовались общенаучные методы – анализ, синтез, дедукция и индукция, а также формально-юридический.

Результаты. В исследовании рассматриваются механизмы предоставления резидентам налоговых льгот, освобождения от некоторых таможенных процедур и пр. Сделан вывод, что развитие института территорий с особым режимом осуществления предпринимательской деятельности, в т. ч. за счёт совершенствования нормативно-правового регулирования, – один из прогрессивных механизмов социально-экономического развития современной России.

Теоретическая и/или практическая значимость. В результате исследования выработаны подходы к пониманию правовой природы деятельности отдельных видов территорий с особым режимом осуществления предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: свободные экономические зоны, территория с особым режимом, экономические кластеры, конкурентоспособность продукции, механизм социально-экономического развития

APPLICATION OF FOREIGN EXPERIENCE IN REGULATING THE ACTIVITIES OF CERTAIN TYPES OF TERRITORIES WITH A SPECIAL REGIME OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

O. Vasilyeva¹, T. Polgar²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation
49, Leningradsky Prospect, Moscow, 125993, Russian Federation

²Budapest Business School
11-13, Buzogány u., Budapest, Hungary

Abstract

Aim. To study foreign experience in the creation and functioning of territories with a special regime for carrying out entrepreneurial activities within the framework of its application in Russia.

Methodology. During the study, general scientific methods were used - analysis, synthesis, deduction and induction, as well as formal legal.

Results. The study examines the mechanisms for granting residents tax benefits, exemption from some customs procedures, etc. It was concluded that the development of the institution of territories with a special regime for entrepreneurial activity, including through the improvement of regulatory regulation, is one of the progressive mechanisms for the socio-economic development of modern Russia.

Research implications. As a result of the study, approaches were developed to understanding the legal nature of the activities of certain types of territories with a special regime for carrying out entrepreneurial activities.

Keywords: free economic zones, territory with special regime, economic clusters, competitiveness of products, mechanism of socio-economic development

Введение

Территории с особым режимом осуществления предпринимательской деятельности функционируют в большинстве стран мира: как в развитых, так и в развивающихся, как в европейских, так и в азиатских. Режимы зачастую сходны: предоставление резидентам налоговых льгот, освобождение от некоторых таможенных процедур на несколько лет и т. д.

Такие территории называются по-разному: «особые экономические зоны», «свободные экономические зоны», «коммерческие зоны», «зоны свободной торговли» или «экспортно-производственные зоны». Название чаще всего отражает цели их создания и зависит от географического расположения конкретной зоны.

В разных странах выработаны индивидуальные подходы к отбору территорий, взаимодействию государства и резидентов, выбору видов и объёмов преференций, срокам их предоставления. Зарубежные экономики показывают отличный результат внедрения подобных институтов (например, Малайзия, Сингапур, Китай) – интенсивный рост главных макроэкономических показателей. Поэтому для России немаловажным является разумное приспособление некоторых позитивных иностранных механизмов регулирования отношений в рамках «особых территорий».

Особые зоны в Малайзии

Одна из самых интересных стран в контексте изучаемого вопроса – Малайзия, в которой не так давно произошло настоящее экономическое чудо. Там ещё с 1970-х гг. действует особый режим предпринимательства на территориях так называемых свободных экономических зон (СЭЗ). СЭЗ в истории Малайзии было несколько типов: сначала

функционировали зоны свободной торговли, позже появились свободные промышленные зоны (СПЗ), свободные коммерческие зоны (СКЗ), зоны одной компании (лицензированные промышленные склады), технопарки, специальные экономические зоны и экономические коридоры [1, с. 5]. Исходя из названий, можно заметить, что, несмотря на схожие механизмы работы таких зон, они имеют разные цели в краткосрочной перспективе – развитие процесса производства, сбыт товара, оптимизация работы компании (холдинга).

Законом Малайзии о свободных зонах (Act 438 Free Zones 1990¹) были сформированы институты СПЗ и СКЗ, которые ориентированы на стимулирование торговли. Коммерческие зоны предполагают также предоставление услуг на возмездной основе (как правило, они создавались в портах) [1, с. 5]. На территориях отечественных ОЭЗ также предусмотрено оказание дополнительных услуг, но только сопутствующих основной деятельности². В частности, СП Владивосток и Крымская СЭЗ по основной идее своей деятельности похожи на СПЗ и СКЗ.

В силу географических особенностей Малайзии её свободные зоны в основном ориентированы на экспорт, поэтому большое внимание государство уделяет созданию как бы экстерриториального таможенного режима их деятельности.

Для России также важно развивать экспорт некоторых групп товаров, например, сельскохозяйственной продукции, инновационной электроники и т. д., в

¹ Закон «О свободных зонах» от 05.09.1990 // Библиотека Пашкова. URL: <https://constitutions.ru/?p=24044> (дата обращения 20.04.2020).

² Ч. 1–2 ст. 10 Закона «Об особых экономических зонах» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127.

связи с чем можно принять во внимание те механизмы, которые используются в Малайзии. Так, резиденты зон одной компании освобождаются от уплаты таможенных пошлин при импорте сырья, компонентов, машин и оборудования, если они предназначены для использования непосредственно в процессе производства.

Помимо таких «послаблений» государство применяет и стимулирующие меры – Закон об инвестиционных стимулах Investment Promotion Law 1968¹. Среди них можно выделить двойной вычет из расходов на стимулирование экспорта, скидки на экспортную продукцию, налоговые каникулы [1, с. 3], что очень похоже на инструмент инвестиционного налогового кредита, закреплённого российским законодательством.

При этом меры и стимулы время от времени пересматриваются, адаптируются к современным реалиям экономики Малайзии. Разрабатываются также новые меры не просто для развития экспортных отношений, а для монетизации наукоёмких отраслей экономики, т. к. в современном мире это крайне перспективная сфера [1, с. 4].

Вероятно, режим зоны одной компании можно адаптировать для развития моногородов (вместо существующих сейчас в их границах ТОР). Снижение закупочных цен на оборудование для переоснащения градообразующих предприятий в связи с освобождением от налогообложения и таможенных тарифов будет способствовать удешевлению процесса производства, а также поможет повысить конкурентоспособность отечественных товаров. И причина, и следствие этого – развитие экспортных отношений.

Система свободных экономических зон в Малайзии построена таким образом, что СПЗ, СКЗ, технопарки, зоны одной компании и другие режимы являются разновидностью СЭЗ и регулируются по большей части Законом о свободных зонах 1990 г.

В России нет такого всеобъемлющего закона, который распространялся бы на все особые режимы предпринимательства или хотя бы наиболее близкие друг к другу. Однако имеет смысл объединить в единый нормативный правовой акт все законы, касающиеся ОЭЗ, а также включить туда требования к ТОР (возможно, ещё и к ЗТР, но это сложнее, т. к. для них не предусмотрены льготы).

Особый режим предпринимательства в Японии

В Японии действует режим зон свободного импорта. Резидентам таких зон предоставляются разного рода льготы, при этом предприниматели чаще всего заняты в сфере оказания услуг по обслуживанию импортных грузов [2, с. 62].

Тем самым род их деятельности коренным образом отличается от российских особых режимов, однако меры поддержки мелких и средних японских предпринимателей представляют интерес. В частности, им гарантируется предоставление займов под низкие проценты от Японского банка развития и специализированного Фонда содействия, а также они могут воспользоваться льготными условиями по страхованию [2]. На наш взгляд, это очень важные меры для предпринимателя, занятого в любой отрасли, особенно на первых этапах построения бизнеса. Поэтому подобные гарантии для резидентов ОЭЗ, ТОР или ЗТР могут способствовать активному привлечению последних.

Помимо прочего, в японской экономике существует ещё один интересный институт – Фонд формирования производственной базы, который предоставляет резидентам особых зон то, что в нашем понимании похоже на банковскую гарантию. А Японская ассоциация развития внешней торговли бесплатно оказывает консультационные и информационные услуги резидентам, организует специальные выставки и ярмарки. Специальные информационные центры также помогают в проведении выставок и бизнес-конференций [3].

¹ Закон об инвестиционных стимулах 1968 [Электронный ресурс]. URL: http://investlaos.gov.la/images/IP_Law_2016_PDF/Investment_Promotion_Law_amended_2016_Unofficial_translated-English.pdf (дата обращения: 20.04.2020).

Обратим внимание на ещё один интересный пример. Японский кластер в Китаюсю (наиболее эффективный в Японии) совмещает разные отрасли – развитие туризма и высоких технологий. Кажется, что сферы биоинформатики, биопроизводства, робототехники, экологичности и туризма никак между собой не связаны, однако такое «соседство» разных бизнес-направлений привело к тому, что с парком Китаюсю сотрудничают более 10 университетов и научно-исследовательских институтов Японии и Великобритании, а сам парк показывает высокие результаты экономической эффективности.

Особые экономические районы Китая

В последнее время заметна тенденция создания межгосударственных кластеров – Македония и Ямайка, Шри-Ланка и Казахстан, Хорватия и Словения, которые отвечают условиям глобализации и укрепляют международное сотрудничество, что также важно для развития туризма и национальной экономики в перспективе [1, с. 11–12].

Отличительной чертой режимов китайских особых экономических районов является продуманный подход к восстановлению налогового бремени резидентов. Режим ОЭЗ и других подобных территорий не предполагает вечного освобождения резидентов от различных налогов, ведь основная цель – это привлечение инвесторов для социально-экономического развития территории, помощь в формировании там жизнеспособных предприятий, обеспечивающих наиболее важные и интересные для региона отрасли экономики. Поэтому и зарубежное, и российское законодательство, регулирующее деятельность территорий с особыми режимами, предусматривает поэтапное снятие налоговых льгот с резидентов по истечении определённого периода времени.

В Китае данный механизм реализуется в несколько этапов. В некоторых районах предусматриваются отмена подоходного налога для резидентов на первые 5 лет осуществления их предпринимательской деятельности, и льгота в 50% этого налога на

последующие 3 года. В дальнейшем может происходить увеличение уплаты налога до 75% от полной суммы начисленного налога или сразу до 100% [4, с. 115].

Практика функционирования особых режимов Китая показывает позитивную динамику касательно привлечения иностранных инвестиций. Там распространён опыт учреждения не только иностранных юридических лиц в особых зонах (районах), но и совместных предприятий [5, с. 150].

Внимание привлекает также механизм обеспечения предприятий в особых зонах Китая трудовыми ресурсами. Компетентных специалистов специально готовят учебные заведения, с которыми взаимодействуют ОЭЗ, однако потребность в квалифицированных кадрах всё равно покрывается не полностью. Подобная проблема возникает и в России. Решить её можно путём государственно-частного партнёрства, приняв государственные программы подготовки необходимых специалистов в национальных учебных заведениях [4, с. 114–115].

Внедрение современных экологических стандартов и обеспечение контроля за их соблюдением, в свою очередь, тоже способно благотворно повлиять на успех особых режимов предпринимательства в России.

Опыт Китая показал, что подобные меры ведут к снижению затрат на устранение последствий загрязнения окружающей среды, а также способствуют совершенствованию производственного процесса, в особенности если предприятие нуждается в природных ресурсах высокого качества.

Принятие экологических стандартов способствует росту конкурентоспособности продукции на мировом рынке, привлекает внимание иностранных инвесторов, что может увеличить прибыльность зон. Это, конечно, является плюсом для национальной экономики [5, с. 151].

Современное состояние особых торговых зон в России

В России для участников ИЦ «Сколково» реализуется механизм инвестирования, в котором представлены инновационные, ра-

нее неизвестные разработки, привлекающие инвесторов с помощью различных ярмарок. Данный механизм не имеет широкого распространения для иных особых режимов.

В рамках режима ОЭЗ в России сейчас развиваются экономические кластеры. Кластеры представляют собой объединение нескольких ОЭЗ одного или разных типов с общим механизмом управления.

В мировой практике туристические кластеры показывают высокий уровень эффективности. Они могут функционировать на разных уровнях, например, государственным (Камбоджа, Шотландия, Сингапур), когда все государство представляет собой единый механизм развития туристической индустрии [6, с. 8]. Подобное устройство целесообразно в условиях небольшой территории страны с унитарным административно-территориальным устройством, где возможна единая координация действий особых зон туристического типа, едины цели и сходна инфраструктура.

Кластеры создаются также в границах территории одной страны в зависимости от области туризма, которую они развивают (винодельческие и гастрономические хозяйства Франции, Испании, Греции), или не выходят за пределы одного региона (Сардиния, Каталония) или города (Барселона). Иногда кластер формируется вокруг одного уникального объекта, обладающего абсолютной (биосферный заповедник в Сан-Паулу, долина бабочек на Родосе) или относительной (кластеры Средиземного и Адриатического морей, Карибского бассейна, горнолыжная индустрия Альпийского региона) туристической привлекательностью [6, с. 8].

В России на сегодняшний день функционирует всего 2 кластера, объединяющих ОЭЗ туристско-рекреационного типа:

1. Северокавказский туристический кластер «Курорты Северного Кавказа», созданный в 2010 г., который включает 2 ОЭЗ – «Архыз» и «Эльбрус» (в 2016 г. 4 ОЭЗ были упразднены¹).

2. Каспийский прибрежный кластер Республики Дагестан, функционирующий около 10 лет. В его структуре 6 ОЭЗ – «Матлас», «Армхи» и др.

Они представляют собой по большей части курортные зоны, конкурентоспособность которых определяется уровнем предоставляемого сервиса (в т. ч. созданной инфраструктуры) и привлекательностью самих туристических объектов.

Кластерный подход в России развивается очень медленно, не достигает высокой эффективности.

Обратимся к международному опыту. У европейских предпринимателей, в т. ч. действовавших в экономической системе кластеров, стойкое позитивное отношение к публичной власти, которая оказывает ощутимое влияние на экономику в целом и на туристическую отрасль в частности. Большое внимание европейские государства уделяют внедрению и развитию механизмов государственно-частного партнёрства [6, с. 10–11]. Подобный механизм реализуется на практике и в отечественных ОЭЗ, и расширение его использования способно повысить эффективность особых режимов.

Чтобы применение иностранного опыта создания и функционирования территорий с особым режимом осуществления предпринимательской деятельности для России было удачным, необходимо учесть выводы мировой практики существования особых зон.

Во-первых, стоит помнить, что развитие особых зон часто отклоняется от изначально намеченного плана [7, с. 158]. Расчёт многих показателей зависит от объективных причин, которые невозможно предугадать, можно только предположить, какая динамика развития будет вести к постепенному росту эффективности института, а какая – говорить о том, что механизм себя не оправдал, в связи с чем программу следует сворачивать во избежание необоснованных финансовых затрат. Поэтому на практике у властей могут возникать проблемы в решении вопроса упразднения

¹ Перечень особых экономических зон // Консультант Плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98622 (дата обращения: 03.08.2021).

особых режимов, и делать поспешные выводы здесь не следует.

К тому же успех функционирования той или иной экономической зоны зависит не только от самой первоначальной стратегии, но и во многом от гибкого и умелого управления зоной, подстраивающегося под конкретный этап развития режима, от взаимодействия государственных структур и предпринимателей. Это способствует наиболее эффективному и быстрому развитию института.

Можно выделить 2 самые типичные ошибки, характерные для мировой практики развития особых зон:

1) неудачное территориальное расположение зоны – проблемная логистика, недостаток инфраструктуры, следовательно, необходимость больших затрат;

2) недостаточное взаимодействие между органами управления особой зоны и уполномоченными органами государственной власти, отсутствие прозрачности механизма управления зоной [7, с. 158]. Здесь можно привести положительный пример Малайзии, где реализована эффективная работа органов власти, способствующая успешному интегрированию института свободных зон в общенациональные программы. В целом во многих азиатских странах (Малайзия, Сингапур, Южная Корея) государство устанавливает и поддерживает гибкий инвестиционный режим, позволяющий максимизировать достижение интересов как резидентов, так и государства [3, с. 212].

Однако следует учитывать, что воздействие на экономику от функционирования льготных режимов может быть и негативным [7, с. 159]. Стратегия «выжидания», когда зона начнёт приносить «плоды», может быть также неэффективна, как и упразднение режима (или только зоны) вовсе. Подход должен быть сбалансирован, а конкретные управленческие решения обоснованными экономическим перспективным и ретроспективным анализом, сравнением со сценарием развития иных режимов.

Во-вторых, одним из преимуществ внедрения в национальную экономику особых режимов предпринимательства является положительное влияние на региональную экономику в силу демонстрационного, обучающего эффекта, например, по использованию специализированного оборудования или внедрения новой технологии, которые проходят своего рода апробацию в рамках зон, а позже применяются и на других предприятиях.

В-третьих, делая вывод об эффективности экономической зоны, следует учитывать и уровень её конкурентоспособности среди мировых подобных зон, ведь это влияет на объём и качество иностранных инвестиций в национальные ОЭЗ.

И, в-четвёртых, положительный зарубежный опыт указывает на то, что комплекс льгот и преференций должен соответствовать типу особой зоны, целям её создания. Наравне с этим привлекательность (а, значит, и успешность) режима определена прозрачностью и стабильностью системы налогообложения и предоставления гарантий резидентам (участникам).

Заключение

Создание и существование особых экономических зон, безусловно, не способно ликвидировать все имеющиеся трудности в экономической сфере, а также не даёт гарантий быстрого роста доходов от экономической деятельности такой территории. Особая экономическая зона – это своего рода инвестиционный проект, который связан с рисками, и конечный результат может варьироваться в зависимости от хода деятельности предприятий и объёмов привлекаемых инвестиций. Однако если в результате грамотной программы экономического развития зоны, а также слаженных усилий со стороны государства и инвесторов особая зона начинает приносить доход, то её позитивная роль с экономической точки зрения становится значительной для региона и страны в целом.

Статья поступила в редакцию 21.12.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Костюнина Г. М. Малайзийская практика функционирования свободных экономических зон // Мировое и национальное хозяйство. 2017. № 2 (41). С. 3–12.
2. Баландина А. С., Баннова К. А., Брайченко А. А. Зарубежный опыт создания особых экономических зон в развитых странах // Проблемы учёта и финансов. 2016. № 4 (24). С. 60–63.
3. Меджидов З. У. Зарубежный опыт функционирования особых экономических зон // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2016. Т. 2. № 1. С. 207–215.
4. Руйга И. Р., Ефремова М. В. Опыт формирования и развития особых экономических зон в Китае // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11–1. С. 113–117.
5. Бильгаева Ю. А., Кузнецов А. В. Опыт создания особых экономических зон в Китае. Ключевые факторы успеха // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. 2017. № 2 (65). С. 147–153.
6. Нагорная М. С., Шевцова В. В. Зарубежный опыт кластерной модели управления в сфере туризма // Управление в современных системах. 2019. № 1 (21). С. 7–13.
7. Латкин А. П., Стецко Н. И. Отечественный и зарубежный опыт правовых режимов ведения экономической деятельности в особых экономических зонах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 3. С. 157–160.

REFERENCES

1. Kostyunina G. M. [Malaysian practice of functioning of free economic zones]. In: *Mirovoe i natsionalnoe khozyaistvo* [World and national economy], 2017, no. 2 (41), pp. 3–12.
2. Balandina A. S., Bannova K. A., Braichenko A. A. [Foreign experience of creating special economic zones in developed countries]. In: *Problemy ucheta i finansov* [Accounting and financial problems], 2016, no. 4 (24), pp. 60–63.
3. Medzhidov Z. U. [Foreign experience of the functioning of special economic zones]. In: *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva* [Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev], 2016, vol. 2, no. 1, pp. 207–215.
4. Ruiga I. R., Efremova M. V. [Experience in the formation and development of special economic zones in China]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Basic Research], 2016, no. 11–1, pp. 113–117.
5. Bilgaeva Yu. A., Kuznetsov A. V. [The experience of creating special economic zones in China. Key success factors]. In: *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i upravleniya* [Bulletin of the East Siberian State University of Technology and Management], 2017, no. 2 (65), pp. 147–153.
6. Nagornaya M. S., Shevtsova V. V. [Foreign experience of the cluster model of management in the field of tourism]. In: *Upravlenie v sovremennykh sistemakh* [Management in modern systems], 2019, no. 1 (21), pp. 7–13.
7. Latkin A. P., Stetsko N. I. [Domestic and foreign experience of legal regimes for conducting economic activities in special economic zones]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Sciences], 2017, no. 3, pp. 157–160.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильева Оксана Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: vasilieva_on@mail.ru

Полгар Тибор – кандидат юридических наук, свободный академический профессор Будапештской школы бизнеса;
e-mail: dr.polgar1@citromail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasilyeva Oksana Nikolaevna – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Legal Regulation of Economic Activities, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: vasilieva_on@mail.ru

Tibor Polgar – Cand. Sci. (Law), Free Academic Prof., Business School of Budapest;
e-mail: dr.polgar1@citromail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Васильева О. Н., Полгар Т. Применение зарубежного опыта в регулировании деятельности отдельных видов территорий с особым режимом осуществления предпринимательской деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 1. С. 82–89.

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-82-89

FOR CITATION

Vasilyeva O. N., Polgar T. Application of Foreign Experience in Regulating the Activities of Certain Types of Territories with a Special Regime of Entrepreneurial Activity. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 1, pp. 82–89.

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-82-89

Трибуна молодого учёного

УДК 342.72/.73

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-90-96

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА ДОСТУПА ЧЕЛОВЕКА К ИНФОРМАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫМИ (ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫМИ) ОРГАНАМИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Клюков В. Д.

ООО «Юридическая компания «Основа»

420111, г. Казань, ул. Московская, д. 11, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследование определённых общих закономерностей и выявление проблем конституционной системы защиты права на доступ человека к информации законодательными органами субъектов Российской Федерации.

Процедура и методы. Основное содержание статьи составляет анализ правовых и организационных проблем, при которых защита конституционного права человека на доступ к информации рассматривается в процессе функционирования и взаимодействия региональных представительных органов и человека.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод об отсутствии целостного подхода к осуществлению защиты конституционного права человека на доступ к информации со стороны представительных органов субъектов РФ, что негативно сказывается на реализации рассматриваемого права в различных регионах.

Теоретическая и/или практическая значимость. Автором предложено разработать и внедрить единые региональные правозащитные парламентские механизмы защиты конституционного права человека на доступ к информации.

Ключевые слова: право на доступ к информации, законодательные органы, защита права на доступ к информации, законотворчество

FEATURES OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM FOR PROTECTING THE HUMAN RIGHT TO ACCESS TO INFORMATION BY LEGISLATIVE (REPRESENTATIVE) BODIES OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

V. Klyukov

LLC «Legal company «Osnova»

11, Moscovskaya ul., Kazan, 420111, Russian Federation

Abstract

Aim. To study certain general patterns and identify the problems of the constitutional system for protecting the right of a person on getting access to information by the legislative bodies of the constituent entities of the Russian Federation.

Methodology. The main content of the study is the analysis of legal and organizational problems, where the protection of the constitutional human right to access to information is considered in the process of functioning and interacting between the regional representative bodies and a person.

Results. Based on the results of the study, the author concluded that there is no holistic approach to the implementation of protection of the constitutional human right to access to information by the legisla-

© СС ВУ Клюков В. Д., 2021.

tive bodies of the constituent entities of the Russian Federation, which negatively affects the implementation of the right in question in the regions.

Research implications. The author proposed to develop unified regional parliamentary human rights mechanisms for protecting the constitutional human right to access to information.

Keywords: the right to access to information, legislative bodies, protection of the right on access to information, lawmaking

Введение

Осуществление защиты прав и свобод человека и гражданина относится к важнейшей функции государства и является основой конституционного института прав и свобод человека и гражданина. Она основана на постулатах высшей ценности человека и обладает важнейшими свойствами, позволяющими считать её упорядоченной совокупностью различных правозащитных элементов, имеющих взаимосвязи, таких как: субъекты, нормы, принципы, гарантии и т. п.

Признание и соблюдение (ст. 2 Конституции РФ) прав и свобод человека и гражданина было бы не в полной мере реализовано без защитных механизмов, которые обязуетс предоставить государство в связи с закреплением данных положений в Основном законе страны.

Текущая ступень развития общества, напрямую влияющая на преобразование всех областей социальной структуры, публичных органов власти, отмечается весомой динамичностью правотворческих стараний, в т. ч. и в области реализации и осуществления защиты права доступа к информации. В действительности формируется новейшая юридическая система, гарантирующая обеспечение тенденций дальнейшей демократизации ключевых направлений развития российского общества и правового государства, совершенствование реализации и обеспечения прав и свобод человека и гражданина, закрепление новейших прав и определённых обязанностей между человеком и государством [1, с. 113]. Данный процесс в настоящее время активно идёт в сфере признания, обеспечения и защиты конституционного права человека на доступ к информации.

В научной литературе отсутствует единый подход к определению понятия «конституционная защита прав и свобод человека».

О. В. Иванов рассматривает данное основополагающее для конституционного права понятие как реализацию государственным органом, полномочия и компетенция которого сформулированы в действующем законодательстве, определённых властных функций в целях обеспечения возможности человеку и гражданину реализовать установленные в законодательстве права и свободы, которые должны быть обеспечены государством [4, с. 15].

С. Н. Сабикенов определяет рассматриваемое конституционное понятие как некую положительную активность государственных публичных органов в сфере применения и реализации права, пределы которой установлены законодательством. При этом рассматриваемая деятельность публичных органов государства получает реализацию исключительно при существующем нарушении прав и свобод человека и гражданина. Такая необходимая деятельность публичных органов в целях государственной защиты прав и свобод человека направлена на всестороннее восстановление нарушенных прав [9, с. 62].

В свою очередь, А. В. Стремоухов даёт определение конституционной защите прав человека и гражданина немного иначе. Помимо государственных органов он включает в эту деятельность и другие субъекты – общественные объединения и конкретных индивидов [10, с. 206].

Н. В. Витрук под защитой конституционных прав и свобод любого человека и гражданина понимает принудительный в отношении обязанного лица законный способ восстановления прав. Указанный способ применяется в основном пострадавшими или же компетентными органами в порядке, предписанном законом, для возможности восстановления нарушенного

права, а также для исполнения наказания за правонарушение [3, с. 351]. Таким образом, отождествляются понятия «охраны» и «защиты». Обусловлено это тем, что способы их воплощения по сути своей используются для достижения одного результата.

При этом К. Г. Оганисян обособленно выделяет защиту прав и свобод человека, указывая на её значимое отличие от таких государственных функций, как признание и соблюдение [8, с. 267].

С другой стороны, всё сводится к тому, что такие понятия, как «охрана прав» и «защита прав», сопоставляются как целое и часть [2, с. 45] или наоборот [6, с. 218]. Данное сопоставление привносит неоднозначность в категориальный словарь как теоретиков права, так и правоприменителей. Требуется принять во внимание рассуждения А. В. Стремоухова, который предлагает в качестве критерия чёткого разделения вышеуказанных понятий различать их функциональные назначения. Таким образом, исследователь убеждён, что охрана требуется тогда, когда нарушения права отсутствует, а защита должна назреваться в тот момент, когда есть правонарушение [10, с. 166].

Проанализировав различные взгляды на понятие защиты конституционных прав и свобод, автор склоняется к наиболее распространённому в юридической науке системному подходу, который можно рассматривать как единое конституционно-обусловленное упорядоченное множество взаимно влияющих и взаимно зависимых элементов правового организма, деятельность которого обусловлена законодательной необходимостью реализации и защиты нарушенных прав и свобод человека и гражданина [5, с. 12].

Законодательство субъектов Российской Федерации, которое главным образом базируется на Конституции, имеет все возможности для наращивания спектра правозащитных средств. При этом следует отметить невыраженность интереса субъектов к выстраиванию эффективной региональной системы защиты прав и свобод каждого человека и каждого гражданина.

Стимуляция субъектов РФ в целях эффективной защиты прав и свобод считается вполне перспективным видом деятельности. На сегодняшний день субъекты РФ имеют скрытый потенциал в правозащитной сфере, который глубоко не исследован и не в полной мере раскрыт [7, с. 27].

Данные обстоятельства делают интересным исследование процесса защиты конституционных прав человека на примере рассматриваемого конституционного права на доступ к информации на уровне законодательных органов субъектов Российской Федерации.

Особенности законодательного регулирования права на доступ к информации законодательными органами субъектов РФ

На основании регионального законодательства представительную власть в регионах РФ возможно рассматривать как делегированную народом, населяющим определённую территорию, своим всеобщим выборным представителям, публичную власть, которая находит реализацию в коллегиальной форме на основе правовых актов, осуществляет необходимый конституционный контроль за деятельностью региональной исполнительной власти, а также последующий контроль эффективности исполнения законодательных актов.

Очевидным пробелом в работе по обеспечению защиты конституционного права на доступ к информации законодательных органов некоторых регионов Российской Федерации является незакрепление в Конституции (Уставах) права на информацию, а также производного из него права на доступ к информации. Например, указанное право не нашло закрепление в Уставах Волгоградской и Саратовской областей, что, безусловно, негативно сказывается на его юридическом регулировании и государственной защите.

В некоторых регионах РФ отсутствуют региональные законодательные акты, регулирующие конституционное право на доступ к информации и его защиту, и от-

ветственны в этом законодательные органы субъектов, т. к. защита права на доступ к информации в полномочиях региональной законодательной власти выражается прежде всего в закреплении этого права в региональных законах.

К примеру, в Свердловской, Магаданской, Волгоградской, Кировской областях, республиках Северная Осетия-Алания, Саха (Якутия), Марий Эл, Крым, Бурятия, Пермском крае законодательные акты, устанавливающие конституционное право человека и гражданина на доступ к информации государственных (исполнительных и законодательных) органов и механизмы его защиты, отсутствуют. В приведённых субъектах России конституционное право на доступ к информации государственных органов (исполнительных и законодательных), как правило, регулируется подзаконными актами исполнительной власти или ведомственными регламентами.

В свою очередь, в других субъектах РФ законодательными (представительными) органами были приняты региональные законы, регулирующие и защищающие конституционное право человека и гражданина на доступ к информации государственных органов субъектов, например: в областях – Ленинградская, Калининградская, Сахалинская, Саратовская, краях – Хабаровский, Приморский, Камчатский, Краснодарский, республиках – Башкортостан, Татарстан, Дагестан, Тыва, г. Санкт-Петербург.

Таким образом, невыполнение своей основной функции по законодательному закреплению (защите) конституционного права человека и гражданина на доступ к информации ведёт к различному пониманию объёма права, возможностей его реализации и защиты, что ставит в неравное положение жителей различных субъектов Российской Федерации. Учитывая, что в ст. 19 Конституции гарантируется равенство прав независимо от места жительства, в т. ч. конституционного права на доступ к информации, такое положение приводит к нарушению этого принципа.

Формы обеспечения защиты права доступа к информации законодательными органами субъектов РФ

Правозащитная деятельность законодательных органов регионов РФ не ограничивается законотворчеством и включает в себя парламентский контроль, рассмотрение ежегодных и специальных докладов регионального Уполномоченного по правам человека, проведение парламентских расследований и слушаний, рассмотрение депутатами конкретных обращений граждан, в т. ч. по защите права на доступ к информации. Все эти виды деятельности регулируются федеральными, региональными нормативными актами и внутренними регламентами региональных законодательных органов, в комплексе образуя систему защиты прав человека и гражданина по парламентскому типу.

Важной формой защиты прав человека и гражданина народными избранниками законодательных органов субъектов РФ, в т. ч. защиты права доступа к информации, являются рассмотрение обращений населения региона и принятие по ним депутатских мер по восстановлению и защите нарушенного права на доступ к информации. Так, в законодательстве Республики Татарстан устанавливается, что народный избранник рассматривает запросы электората, ведёт приём граждан, направляет решения в соответственные госорганы, муниципальные органы и общественные объединения.

Стоит отметить, что приведённые на примере Государственного Совета Республики Татарстан формы реализации деятельности, связанной с защитой прав человека и гражданина, установлены за всеми законодательными (представительным) органами субъектов РФ.

В 2019 г. по имеющейся информации депутатами Государственного Совета Республики Татарстан было рассмотрено 13 082 обращений и жалоб от граждан, из них: по предмету работы органов государственной власти и органов местного самоуправления поступило 2 190 обращений; депутатами

Законодательного Собрания Хабаровского края за 2019 г. было рассмотрено 1 751 обращение; 1 493 обращение за указанный период было рассмотрено Законодательным Собранием Краснодарского края.

Анализ тематики обращений, поступающих в законодательные представительные органы субъектов Российской Федерации, не даёт сведения о количестве обращений, которые напрямую взаимосвязаны с несоблюдением конституционного права любого человека и гражданина на доступ к информации, т. к. такой квалификации при анализе обращений законодательным органом не приводится.

Заключение

Выборочный анализ отчётов деятельности региональных законодательных органов за 2019 г. по реализации полномочий парламентов в сфере защиты конституционного права человека и гражданина на доступ к информации, представленных на официальных сайтах в интернете, не показывает какой-либо значимой активности, кроме законодательной, направленной на защиту конституционного права человека и гражданина на доступ к информации. Такое положение дел может быть следствием неотражения в статистике по защите исследуемого права, но также может быть связано с тем фактом, что в своём большинстве в законодательных (представительных) органах субъектов Российской Федерации не уделяется особого внимания рассмотрению вопросов, посвящённых защите конституционного права человека и гражданина на доступ к информации. Такое положение дел может являться следствием отсутствия активности самого населения в осуществлении самозащиты рассматриваемого права, а также его реализации на практике по причине от-

сутствия знаний о существовании такого права.

В связи с этим необходимо унифицирование механизмов в деятельности по защите прав человека и гражданина на доступ к информации в законодательных органах субъектов РФ, а также отражение указанной работы в официальных докладах и статистике. Результативно дополнить правозащитные механизмы осуществления защиты права на доступ к информации представительными органами субъектов, например, таким механизмом, как разъяснение населению депутатами в своих избирательных округах конституционных прав человека и гражданина на доступ к информации и способах их защиты, проведение парламентских слушаний по данной тематике. Это чрезвычайно необходимая деятельность парламента и депутатов с т. зр. защиты указанного права.

Таким образом, та ситуация, которая сложилась в России в связи с реализацией государственного механизма защиты права любого человека на доступ к информации представительными органами в субъектах Российской Федерации, ставит перед юридическим сообществом и законодателем проблему создания и реализации единых в различных регионах и в то же время эффективных правозащитных парламентских механизмов защиты права человека на доступ к информации. Необходим целостный критический разбор и исследование действующего разрозненного (фрагментарного) регионального законодательства в сфере защиты доступа к информации, целью которого должны являться закрепление и внедрение единых стандартов обеспечения парламентской защиты права на доступ к информации человека в регионах Российской Федерации.

Статья поступила в редакцию 11.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов И. О., Верин А. Ю., Клюкова М. Е., Шагиева Р. В. Трансформация института приостановления производства по уголовному делу в стадии предварительного расследования // Учёные труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 4 (51). С. 113–116.
2. Бутылин В. Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод // Журнал российского права. 2001. № 12. С. 45–46.

3. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. 447 с.
4. Иванов О. В. Защита субъективных прав и проблема истины в гражданском процессе // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 1996. № 2. С. 15–18.
5. Карташов В. Н. Правозащитные системы: понятие, основные типы и принципы // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: сборник. Н. Новгород, 2003. С. 11–22.
6. Макарова З. В. Защита в российском уголовном процессе: понятие, виды, предмет и пределы // Правоведение. 2000. № 3. С. 217–231.
7. Маркгейм М. В. Защита прав и свобод человека и гражданина в современной России: системная конституционная модель, проблемы её функционирования и совершенствования. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2005. 198 с.
8. Оганисян К. Г. Концептуальное обоснование системы защиты прав и свобод человека и гражданина в России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2019. № 114. С. 266–276.
9. Сабикенов С. Н. Некоторые вопросы защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов советских граждан // Проблемы государства и права: сб. трудов. Вып. 9. 1974. С. 61–68.
10. Стремоухов А. В. Правовая защита человека. СПб., 2017. 312 с.

REFERENCES

1. Antonov I. O., Verin A. Yu., Klyukova M. E., Shagieva R. V. [Transformation of the institution of suspension of criminal proceedings at the stage of preliminary investigation]. In: *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata* [Academic works of the Russian Academy of Lawyers and Notaries], 2018, no. 4 (51), pp. 113–116.
2. Butylin V. N. [Institute of State and Legal Protection of Constitutional Rights and Freedoms]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2001, no. 12, pp. 45–46.
3. Vitruk N. V. *Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti* [General theory of the legal status of an individual]. Moscow, Norma Publ., 2008. 447 p.
4. Ivanov O. V. [Protection of subjective rights and the problem of truth in civil proceedings]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [Bulletin of Moscow University. Series 11: Law], 1996, no. 2, pp. 15–18.
5. Kartashov V. N. [Human rights systems: concept, main types and principles]. In: *Rossiiskaya i evropeiskaya pravozashchitnye sistemy: sootnoshenie i problemy garmonizatsii* [Russian and European human rights systems: correlation and problems of harmonization]. N. Novgorod, 2003, pp. 11–22.
6. Makarova Z. V. [Defense in the Russian criminal process: concept, types, subject matter and limits]. In: *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2000, no. 3, pp. 217–231.
7. Markhgeim M. V. *Zashchita prav i svobod cheloveka i grazhdanina v sovremennoi Rossii: sistemnaya konstitutsionnaya model, problemy ee funktsionirovaniya i sovershenstvovaniya* [Protection of human and civil rights and freedoms in modern Russia: systemic constitutional model, problems of its functioning and improvement]. Rostov-on-don, Rostizdat Publ., 2005. 198 p.
8. Oganisyan K. G. [Conceptual substantiation of the system of protection of human and civil rights and freedoms in Russia]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Herzena* [News of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen], 2019, no. 114, pp. 266–276.
9. Sabikenov S. N. [Some questions of the protection of subjective rights and legally protected interests of Soviet citizens]. In: *Problemy gosudarstva i prava. Vyp. 9* [Problems of State and law. Vol. 9], 1974, pp. 61–68.
10. Stremoukhov A. V. *Pravovaya zashchita cheloveka* [Legal protection of a person]. S. Petersburg, 2017. 312 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Клюков Василий Дмитриевич – директор ООО «Юридическая компания “Основа”»;
e-mail: osnova16@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasily D. Klyukov – Director of LLC «Legal company “Osnova”»;
e-mail: osnova16@ya.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Клюков В. Д. Особенности конституционной системы защиты права доступа человека к информации законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 1. С. 90–96.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-90-96

FOR CITATION

Klyukov V. D. Features of the Constitutional System for Protecting the Human Right to Access to Information by Legislative (Representative) Bodies of Subjects of the Russian Federation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 1, pp. 90–96.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-90-96

This image shows a single sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в «Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук)». Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
2021. № 1

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова

Переводчик Е. В. Приказчикова

Корректор И. К. Гладунов

Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Отдел по изданию научного журнала

«Вестник Московского государственного областного университета»

Информационно-издательского управления МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 6,25, уч.-изд. л. 9,25.

Подписано в печать: 31.03.2021. Дата выхода в свет: 16.04.2021. Заказ № 2021/03-10.

Отпечатано в ИИУ МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А